

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ VI.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. л.
Москва.— 1914.

I. ПАВЕЛЪ I.

II. АЛЕКСАНДРЪ I.

ПАВЕЛЪ I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПАВЕЛЬ I, императоръ.

АЛЕКСАНДРЪ, сынъ Павла, наслѣдникъ.

КОНСТАНТИНЪ, сынъ Павла, великій князь.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА, императрица.

ЕЛИЗАВЕТА, супруга Александра.

Гр. ПАЛЕНЪ, военный губернаторъ Петербурга.

Командиры полковъ и другіе чины военные. Придворные заговор-
щики.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, отъ 9 до 12 марта 1801 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Вахтъ-парадъ. Площадь передъ Михайловскимъ замкомъ. Въ глубинѣ — замокъ и Лѣтній садъ. Справа — деревья; караульная будка и шлагбаумъ, полосатые, въ три цвѣта — красный, черный бѣлый. Слева — крыльцо экзерциргауза со ступеньками, колонками и стеклянною дверью. Раннее зимнее утро. Сѣрое небо.

Снѣгъ. Вдали слышны барабанъ и трубы.

ПАВЕЛЪ. АЛЕКСАНДРЪ. КОНСТАНТИНЪ. ПАЛЕНЪ, графъ, военный губернаторъ Петербурга. ДЕПРЕРАДОВИЧЪ, генераль, командиръ Семеновскаго полка. ТАЛЫЗИНЪ, генераль, командиръ Преображенскаго полка. ЯШВИЛЬ, князь, капитанъ гвардіи артиллерійскаго батальона. МАМАЕВЪ, генераль. ТУТОЛМИНЪ, полковникъ. ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. СОЛДАТЫ.

Александръ и Константинъ стоятъ на крыльцѣ, грѣясь у походной жаровни.

К о н с т а н т и н ъ .

Звѣремъ былъ вчера, звѣремъ будетъ и сегодня.

А л е к с а н д р ъ .

Вчера троицъ засѣкли кнутомъ.

К о н с т а н т и н ъ .

Однихъ—кнутомъ, другихъ шпицрутенюмъ. А, впрочемъ, наплевать, всѣ тамъ будемъ!

А л е к с а н д р ъ .

Холодно, холодно, у-у! Рукъ не согрѣешь. Намедни генераль Кутузовъ ухо отморозилъ,—едва саломъ оттерли.

К о н с т а н т и н ъ .

А у нѣмца Канабиха штаны примерзли. Одна пара лосинъ; самъ съ утра моетъ; не высохли, да на морозѣ-то и примерзли; чуть съ кожей не отодрали; денщикъ деретъ, а нѣмецъ оретъ. Ну, да по-дѣломъ ему, сволочи: какъ собака на людей кидается; одному солдату усъ выщипнулъ съ мясомъ, другого за носъ укусилъ. А, впрочемъ, наплевать...

А л е к с а н д р ъ

Вороны-то въ Лѣтнемъ саду какъ раскаркались! Вѣрно, къ оттепели. Когда вѣтеръ съ юга и оттепель, батюшка сердится

К о н с т а н т и н ъ .

Нынче не отъ вѣтра, чай, а отъ княгини Гагариной. Вчера поссорились.

А л е к с а н д р ъ .

У меня письмо отъ нея къ батюшкѣ.

К о н с т а н т и н ъ .

Хорошо, что письмо. Коли сердиться будетъ, отдай. Родинка, родинка—все наше спасеніе...

А л е к с а н д р ъ

Какая родинка?

К о н с т а н т и н ъ .

А на правой щекѣ у княгинюшки. Я думалъ сперва, мушка; да нѣтъ, настоящая родинка, и прехорошенькая...

А л е к с а н д р ъ .

Тише,—идеть.

К о н с т а н т и н ъ .

Спрячемся. Авось, не увидить.

А л е к с а н д р ь (крестясь).

Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Солдаты маршируютъ. Входить П а в е л ь, махая военною тростью.

П а в е л ь.

Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два!
(Останавливаясь.) Смирно-о!

Изъ шеренги въ шеренгу повторяется команда: «Смирно-о!», «Смирно-о!»

П а в е л ь.

Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются и равняются.

П а в е л ь.

Строить фронтъ захожденіемъ взводовъ! Направо кругомъ маршъ!

Солдаты маршируютъ въ противоположную сторону. Барабанъ.

П а в е л ь (махая тростью).

Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два! Ноги прямо, носки вонъ! Штыкъ равняй, штыкъ равняй! Ноги прямо, носки вонъ! Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два!

П а в е л ь уходитъ.

К о н с т а н т и н ь.

Гляди-ка, Саша, двѣнадцать шеренгъ, какъ равняются. Самъ бы король Прусскій позавидовалъ. Ахъ, чортъ побери, зоть это по-нашему, по-гатчински! А все-таки быть бѣдѣ...

А л е к с а н д р ь.

А что?

К о н с т а н т и н ь.

Аль не замѣтилъ, въ углу рта жилка играетъ? Какъ у него эта жилка заиграетъ, такъ быть бѣдѣ... Я намедни въ Лаврѣ кликушу видѣлъ—монахи говорятъ, бѣсноватый: такая же точно жилка; когда подняли Чашу, упалъ и забился...

А л е к с а н д р ъ.

Что ты, Костя? Неужели батюшка?..

К о н с т а н т и н ъ.

Тс-съ... Идетъ.

Входитъ Павелъ, окруженный свитою: командиры — Преображенскаго полка Талызинъ, Семеновскаго — Депрерадовичъ, артиллерійскій полковникъ, кн. Яшвиль, военный губернаторъ Петербурга, гр. Паленъ и другіе. Солдаты строятся во фронтъ.

П а в е л ъ.

Преображенскаго командира сюда!

Т а л ы з и н ъ подходитъ къ П а в л у.

П а в е л ъ.

Свѣдалъ я, сударь, что вашего полка господа офицеры вездѣ разглашаютъ, будто не могутъ ни въ чемъ угодить. А посему извольте объявить, что легкій способъ кончить сіе—вовсе ихъ кинуть, предоставляя имъ всегда таковыми оставаться, каковы прежде мерзки были, что и не премину. Кто не хочетъ служить, поди прочь—никого не удерживаютъ.

Т а л ы з и н ъ.

Ваше величество...

П а в е л ъ.

Молчать! Когда я говорю, слушать, сударь, извольте, а не умничать.—Съ удивленіемъ усматриваю, что въ исправленіи должности вашей вы все еще старыхъ обрядовъ держитесь, кои болѣе четырехъ лѣтъ искоренить стараюсь. Только въ передней да пляскѣ обращаться, шаркать по паркету умѣете.

Т а л ы з и н ъ.

Государь...

Павелъ.

Молчать! Я изъ васъ потемкинскій духъ, сударь, вышибу! Туда зашлю, куда воронъ костей не заносилъ!

Павелъ съ Депрерадовичемъ, кн. Яшвилемъ и прочею свитою, кромѣ Талызина и гр. Палена, уходятъ.

Палень.

За что это васъ, генераль?

Талызинъ.

Солдатъ не въ ногу ступилъ, а у другого разстегнулась пуговица.

Палень.

За пуговицу—вотъ такъ штука, не угодно ли стаканъ лафита!

Талызинъ.

Не служба, а каторга. Въ отставку—и кончено!

Палень.

Да, крутенько, крутенько. А все-таки съ отставкой погодите-ка, ваше превосходительство! Такіе люди, какъ вы, намъ теперь нужны особенно. (На ухо.) Эта кутерьма долго существовать не можетъ...

Депрерадовичъ вбѣгаетъ запыхавшись.

Депрерадовичъ.

Бѣда! Бѣда!

Палень.

Что такое?

Депрерадовичъ.

Въ девятой шеренгѣ чортъ дернулъ поручика скомандовать вмѣсто «дирекція направо»—«дирекція налѣво». И пошло, и пошло. Люди съ шагу сбились, ошалѣли отъ стра-

ха, команды не слушаютъ; командиры, какъ угорѣлые, мечутся. А государь только кричить: «въ Сибирь!»

П а л е н ь.

Помните, господа, въ прошломъ-то году Измайловскому полку скомандовалъ: «Направо кругомъ маршъ—въ Сибирь!» Такъ вѣдь и пошелъ весь полкъ къ Московской заставѣ и дальше по тракту—остановили только у Новгорода. Вотъ и теперь, пожалуй,—прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита!

Д е п р е р а д о в и ч ь.

Пропали, пропали мы всѣ!

Солдаты маршируютъ. Входить П а в е л ь.

. П а в е л ь.

Смирно-о!

Солдаты останавливаются.

К о н с т а н т и н ь (на ухо Александру).

Жилка-то, жилка, смотри. Ну, теперь только держись!

А л е к с а н д р ь (крестясь).

Господи, помилуй! Господи, помилуй!

П а в е л ь.

Въ пятой шеренгѣ фельдфебель—коса не по мѣркѣ. За фронтъ!

Ф е л ь д ф е б е л ь я   подводятъ   къ
П а в л у.

П а в е л ь.

Что у тебя на затылкѣ, дуракъ?

Ф е л ь д ф е б е л ь (заикаясь).

К-коса, ваше величество!

П а в е л ь

Врешь! Хвостъ мышій. Мѣрку!

Подаютъ палочку для измѣренія
косъ. Мѣрить.

П а в е л ь .

Вмѣсто девяти вершковъ—семь. Букли выше середины уха. Пудра ссыпалась, войлокъ торчитъ. Какъ же ты съ этокой прической во фронтъ явиться смѣль, чучело гороховое?

Ф е л ь д ф е б е л ь (заикаясь).

П-парикмахеръ...

П а в е л ь .

Я тебѣ покажу, сукинъ сынъ, парикмахера! Букли долой! Косу долой! Все долой!

Срываетъ съ фельдфебеля парикъ и топчетъ ногами.

П а в е л ь .

Срамъ! Срамъ! Срамъ! Бить нещадно! Двѣсти... триста... четыреста палокъ!—Генераль Мамаевъ!

Входитъ Мамаевъ.

П а в е л ь .

Извольте, сударь, слѣдить за экзекуціей. Тутъ же на мѣстѣ, безъ промедленія. Съ васъ взыщется.

Уходитъ. Фельдфебеля ведутъ въ экзерциргаузъ.

Ф е л ь д ф е б е л ь (падая на колѣни передъ Александромъ).

Ваше высочество, тридцать лѣтъ въ походахъ. У свѣтлѣйшаго князя Суворова... На штурмѣ Измаила раненъ:.. И какъ собаку, палками! Ужъ лучше растрѣляли бы!.. Батюшка, смилуйтесь!..

А л е к с а н д р ь (закрывая лицо руками).

Господи! Господи!

М а м а е в ь (толкая ногой фельдфебеля).

Ступай, чортъ, ступай! (Солдатамъ.) Ну-на, ребята, живѣе!

Солдаты втаскиваютъ фельдфебеля въ дверь экзерциргауза. Туда же входитъ Мамаевъ.

А л е к с а н д р ъ .

А вѣдь онъ его запереть, Костя?

К о н с т а н т и н ъ .

Запереть. Скотина прелютая. Отца не пожалѣетъ, только бы выслужиться. Ну, гдѣ старику четыреста палокъ выдержать! Да, жаль... А впрочемъ, наплевать—всѣ тамъ будемъ... Да ты письмо-то княгини Гагариной, что ли, скорѣй бы отдалъ? Авось, подобрѣетъ.

А л е к с а н д р ъ .

Сейчасъ.

Входитъ Я ш в и л ь .

П а л е н ъ .

Что съ вами, князь?

Я ш в и л ь .

По щекѣ меня...

П а л е н ъ .

Ай, ай! Вотъ и кровь. Должно-быть, зубъ вышибъ. Примочку бы, а то распухнетъ. И за что васъ такъ?

Я ш в и л ь .

За цвѣтъ мундирной подкладки у нижняго чина... Сего тиранства терпѣть не можно! Честью клянусь, онъ мнѣ за это...

П а л е н ъ .

Не говорите-ка лишняго... А я вамъ лучше вотъ что скажу: (отводя Яшвиля въ сторону) подлець — кто говоритъ, молодець—кто дѣлаетъ!

Д е п р е р а д о в и ч ъ .

Господа, глядите: за Тутолминымъ съ палкою гонится между шеренгами. Точно въ пятнашки играютъ. Сюда бѣгутъ.

Полковникъ Тутолминъ вбѣгаетъ.

Т у т о л м и н ъ.

Не выдавайте! Убъетъ!

Перескакиваетъ черезъ шлагбаумъ и
убѣгаетъ.

Д е п р е р а д о в и ч ъ (вдогонку Т у т о л м и н у).

Въ манежъ бѣги—на сѣновалѣ спрячешься.

К о н с т а н т и н ъ.

Ну, съ Богомъ, съ Богомъ, Сашенька! Вотъ онъ—ступай.

А л е к с а н д р ъ.

Не подождать ли, Костя? Видишь, съ палкой. Прибѣетъ.

К о н с т а н т и н ъ.

Экій ты, братецъ, мямля! Чего зѣвать? Сколько еще на-
роду перепортить. (Подталкивая Александра.) Да ну же. Сту-
пай!

А л е к с а н д р ъ (крестясь).

Господи, помилуй! Господи, помилуй!

П а в е л ъ вбѣгаетъ съ поднятою
тростью.

П а в е л ъ.

Держи! Держи!

Д е п р е р а д о в и ч ъ.

Кого?

П а в е л ъ.

Туюлминъ, сукинъ сынъ! Гдѣ онъ?

Д е п р е р а д о в и ч ъ.

Здѣсь нѣтъ, государь!

П а в е л ъ.

Врете! Сюда пробѣжалъ. Я самъ видѣлъ.

Депрерадовичъ.

Никакъ иѣтъ, ваше величество!

Александръ подходитъ къ
Павлу и подаетъ письмо.

Александръ.

Батюшка...

Павель.

Къ чорту!

Александръ.

Отъ княгини Гагариной...

Павель.

Давай.

Павель читаетъ письмо. Депре-
радовичъ всходитъ на крыльцо
и становится рядомъ съ Констан-
тиномъ.

Константинъ (крестясь).

Заступи, Царица Небесная! Заступи, Аннушка!

Депрерадовичъ.

Кажись, дѣйствуетъ.

Константинъ.

Да, лицо просвѣтлѣло. Усмѣхается. Ну, слава Богу
слава Богу! Вывезла родинка... Молодецъ, Аннушка!

Павель.

Monseigneur...

Александръ.

Sire?

Павель.

На одно словечко, ваше высочество! Графъ фонъ-деръ
Паленъ, извольте команду принять. А я сію минуту...

Всѣ уходятъ, кромѣ Констан-
тина и Депрерадовича.
Павель беретъ Александръ
подъ руку.

П а в е л ь .

Ты имѣешь много благородства въ сантиментахъ, Сашенька,—ты меня поймешь... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ такъ мало знаютъ люди, что такое любовь, и сколь великое таинство скрывается подъ симъ священнымъ именемъ...

Отходятъ.

Д е п р е р а д о в и ч ь .

А тамъ-то, за дверью, слышите, ваше высочество, экзекуція...

К о н с т а н т и н ь .

Да, воесть бѣдняга, какъ овца подъ ножомъ. Извергъ Мамайка, должно-быть, съ него теперь третью шкуру спускаетъ...

П а в е л ь .

Анна, Анна! Твой образъ вездѣ предо мною. Мое сердце бьется и вѣчно будетъ биться для тебя одной. Кто изъ смертныхъ, кто станетъ рядомъ съ оною женщиною, несравненною въ чувствахъ моихъ? Никто изъ земнородныхъ. Богъ и она!—Понимаешь, другъ мой Сашенька?

А л е к с а н д р ь .

Понимаю, батюшка! Ахъ, чего бы стоила жизнь человѣковъ, если бы любовь не услаждала ее бальзамомъ своимъ!

П а в е л ь .

Вотъ, вотъ именно—бальзамъ...

Отходятъ.

К о н с т а н т и н ь .

Спѣлись, видно. На эти дѣла Сашка—мастеръ: ему бы актеромъ быть... А тотъ-то все воесть!

Депредавичъ.

Просто мочи нѣтъ, ваше высочество! Отойдемте, ради Христа.

Константинь.

Нельзя. Батюшка, не дай Богъ, увидить, подумаетъ, что мы подслушивали. Теперь мѣшать ему не надо, пусть наговорится досыта. (Прислушиваясь.) Какъ будто затихъ?.. Нѣтъ, опять, пуще прежняго. Тѣфу, даже слушать противно!.. А, впрочемъ, наплевать—всѣ тамъ будемъ...

Павель.

Я одаренъ отъ природы сердцемъ чувствительнымъ, Сашенька! Однажды увидѣлъ я маленькую фіалку: она стояла подлѣ скалы, покрыта камнями, гдѣ ни одна капля росы не освѣжала ее. И нѣжная меланхолія обняла мою душу, слеза упала изъ глазъ моихъ на тотъ цвѣточекъ, и онъ, оживленный влагою, распустился. Такова любовь моя къ Аннѣ...

Барабанъ. Солдаты маршируютъ. Входитъ Паленъ и прочіе командиры. Офицеры на ходу салютуютъ Павлу эспантонами.

Павель.

Молодцы, молодцы! Видишь, Саша,—пробралъ ихъ какъ слѣдуетъ, и подтянулись.—Разъ-два, разъ-два, ноги прямо, носки вонъ, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два!—Молодцы! Утѣшили. Лучше не надо.

Военная музыка.

Павель (махая тростью, напѣваетъ).

Ельникъ, мой ельникъ,
Частый мой березникъ,
Люшеньки-люли!

К о н с т а н т и н ъ .

Ну, *Ельникъ* запѣлъ,—значить, выгорѣло! Только бы теперь Саша не мямлилъ.

К о н с т а н т и н ъ дѣлаеть знакъ
А л е к с а н д р у за спиной П а в л а .

А л е к с а н д р ъ .

Осмѣлюсь ли, батюшка?..

П а в е л ъ .

Говори, братецъ, не бойся.

А л е к с а н д р ъ .

Простите, ваше величество, тѣхъ, кто сегодня провинился

П а в е л ъ .

Прощаю.

А л е к с а н д р ъ .

И фельдфебеля...

П а в е л ъ .

Всѣхъ.

А л е к с а н д р ъ цѣлуетъ руку
П а в л а и отходить къ К о н с т а н -
т и н у .

А л е к с а н д р ъ .

Скорѣе, Костя!

К о н с т а н т и н ъ .

Ну, братъ, не поздно ли?

К о н с т а н т и н ъ входить въ
дверь экзерциргауза.

П а в е л ъ .

Графъ фонъ-дерь-Паленъ! Послѣдней экзерциціей я, сударь, весьма доволенъ: изрядненько командовать изволили. Благодарю и виновныхъ прощаю. (Командирамъ.) А если пого-

рячился, сказалъ что лишнес, такъ и вы, господа, меня простите. (Солдатамъ.) Смирно-о! Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются. Музыка стихаетъ.

П а в е л ь.

Спасибо, ребята!

С о л д а т ы.

Рады стараться, ваше величество!

П а в е л ь.

По чаркѣ вина, по фунту говядины!

С о л д а т ы.

Ура!

Солдаты маршируютъ. Музыка.

П а в е л ь (напѣваетъ).

Ельникъ, мой ельникъ,
Люшеньки-люли!

Уходить. Изъ двери экзерциргауза—
К о н с т а н т и н ь.

А л е к с а н д р ь.

Ну, что?

К о н с т а н т и н ь.

Еле дышитъ. Фельдшеръ говорить, до-завтра не выживетъ. Я велѣлъ въ лазаретъ.

А л е к с а н д р ь.

Господи! Господи!

Слѣва, изъ-за стѣны экзерциргауза, выносятъ на походныхъ носилкахъ фельдфебеля, покрытаго рогожею; справа маршируютъ солдаты съ музыкой и знаменами.

С о л д а т ы .

Ура! Ура!

П а л е н ь (командирамъ, указывая на знамена и посылки).
Какъ въ древнемъ Римѣ: Ave, Caesar, morituri te salu-
tant.

К о н с т а н т и н ь .

Что ты, Саша?

А л е к с а н д р ь .

Оставь...

А л е к с а н д р ь опускается на
ступеньки крыльца, закрываетъ лицо
руками и плачетъ.

К о н с т а н т и н ь .

Вишь, разнюнился! Экая баба!.. (Помолчавъ.) Ну, перестань,
перестань же, миленькій Сашенька, голубчикъ! Не стойтъ
же, право. Наплевать, всѣ тамъ будемъ!

А л е к с а н д р ь .

Не могу! не могу! не могу!

П а л е н ь .

Поздравляю, господа, съ царскою милостью: всѣхъ про-
стилъ.

Я ш в и л ь .

Онъ-то простилъ, да мы...

П а л е н ь .

Тише, князь! Вы опять за свое. Вспомните-ка лучше,
что я вамъ сказалъ давеча: подлець—кто говоритъ, моло-
децъ—кто дѣлаетъ.

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Кабинетъ Александра въ Михайловскомъ замкѣ. Въ глубинѣ — окно на Лѣтній садъ и Фонтанку. Слѣва — дверь во внутренніе покои великаго князя; справа — на лѣстницу, ведущую въ покои государя.

АЛЕКСАНДРЪ. ЕЛИЗАВЕТА, великая княгиня, жена Александра.
ПАВЕЛЪ. ПАЛЕНЪ.

Александръ лежитъ на канapé съ книгой въ рукахъ. Елизавета у окна играетъ на арфѣ.

Александръ.

Что это, Лизхень?

Елизавета.

Изъ *Орфея* пѣсь Евридики. А ты спалъ?

Александръ.

Нѣтъ, такъ только, дремлется. Читать темно.

Елизавета.

Да, темно. Ужъ сколько дней солнца не видно. Живемъ, какъ въ подземельи.

Александръ.

Что же ты не играешь? Я люблю мечтать подъ музыку.

Е л и з а в е т а.

Любишь мечтать. Лежать и мечтать...

А л е к с а н д р ь.

Канapé старенькій, еще отъ бабушки, а удобный. Какъ ляжешь, такъ бы и не вставалъ...

Е л и з а в е т а (глядя въ окно).

Небо низкое, темное, точно каменное; а деревья, подъ инеемъ, бѣлыя, какъ въ саванѣ.—Евридика, Евридика подъ сводами ада... Мужикъ идетъ, шапку снялъ. Удивительно, что люди шапки снимаютъ передъ дворцомъ. На морозѣ-то сколько, должно-быть, простудилось... Ну, а что же Руссо?

А л е к с а н д р ь.

Руссо? Знаешь, я все о немъ думаю. Первобытное состояніе природы... Ахъ, для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями.

Е л и з а в е т а.

Какъ старикашка Куракинъ поетъ:

Берега кристальной рѣчки,
И пастушка, и овечки...

А л е к с а н д р ь.

Не смѣйся, Лизанька! Развѣ не правда, что въ простотѣ природы сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ составу истиннаго счастья, вліяннаго благодѣтельнымъ Существомъ въ сосудъ жизни человѣческой?..

Е л и з а в е т а.

Вліяннаго, вліяннаго... Какъ ты хорошо говоришь, Саша!

А л е к с а н д р ь.

Ахъ, единая мечта моя—когда воцарюсь, покинуть престоль, отречься отъ власти, показать всѣмъ, сколь ненавижу

деспотичество, признать священныя Права Человѣка—les Droits de l'Homme, даровать Россіи конституцію, республику—все, что хотятъ—и потомъ уѣхать съ тобою, милая, бѣжать далеко, далеко... Тамъ, на берегахъ Рейна или на голубой Юрѣ, въ пустынной хижинѣ, обвитой лозами, протечетъ наша жизнь, какъ восхитительный сонъ, въ объятіяхъ природы и невинности!..

Е л и з а в е т а .

Да, да, въ пустынной хижинѣ... А вотъ кто-то опять безъ шапки идетъ, вѣрно, чиновникъ—шуба съ орденомъ. А кучеръ въ саняхъ двумя руками правитъ, шапку держитъ въ зубахъ. Удивительно!—А солдатъ у шлагбаума бьетъ бабу. Баба плачетъ, а солдатъ бьетъ. Долго, долго. Смотрѣть скучно.—А небо все ниже да ниже... Евридика, Евридика подъ сводами ада...

Перебираетъ струны. Молчаніе.

А л е к с а н д р ъ .

О чемъ ты думаешь? Знаешь, Лизхенъ, когда ты говоришь, мнѣ все кажется, что ты о другомъ думаешь...

Е л и з а в е т а .

О другомъ? Нѣтъ. А, впрочемъ, не знаю, можетъ-быть, о другомъ... Ахъ, струна оборвалась. Нельзя больше играть.

А л е к с а н д р ъ .

Поди сюда.

Е л и з а в е т а (къ Александру, подходя).

Ну, что?

А л е к с а н д р ъ .

Какъ тебѣ это бѣлое платье къ лицу! Когда ты такъ стоишь надо мною, свѣтлая, свѣтлая, въ сумеркахъ, то какъ будто Евридика или Психея...

Е л и з а в е т а .

Vous êtes trop aimable, monseigneur! А рукъ не цѣлуйте. Оставьте, не надо. Помните, намедни вы сказали, что мы съ вами какъ братъ и сестра? Братъ и сестра...

А л е к с а н д р ъ .

Но вѣдь все-таки, Лизхень...

Е л и з а в е т а .

Да, все-таки... А правда, что когда Константинъ цѣлуеъ руки женѣ, то ломаетъ и кусаетъ ихъ, такъ что она кричитъ?

А л е к с а н д р ъ .

Кто тебѣ сказалъ?

Е л и з а в е т а .

Она сама. А раньше, будто бы, онъ забавлялся тѣмъ, что въ манежѣ изъ пушки стрѣлялъ живыми крысами?

А л е к с а н д р ъ .

Зачѣмъ ты, Лизхень?..

Е л и з а в е т а .

Затѣмъ, что я не хочу быть Психеей! Слышите, не хочу. Надоѣло, опротивѣло... Амуръ и Психея — какой вздоръ! (Молчаніе.) А о бригадиршѣ Лихаревой слышали?

А л е к с а н д р ъ .

Не помню.

Е л и з а в е т а .

Деревенька у нихъ подъ Петербургомъ. Мужъ заболѣлъ, жена пріѣхала въ городъ за докторомъ. Государь тоже встрѣтился—кучеръ не остановилъ. Бригадиршу посадили на съѣзжую. Отъ страха заболѣла горячкою. Мужъ умеръ, а жена сошла съ ума.

А л е к с а н д р ъ .

Ужасно!

Е л и з а в е т а .

Да, ужасно. «А, впрочемъ, наплевать», какъ говорить вашъ братецъ. Мы вѣдь всѣ рабы—и тотъ мужикъ безъ шапки, и я, и вы. Рабы... или нѣтъ, крысы, которыми Константинъ заряжалъ свою пушку. Выстрѣлить, и что отъ крысъ останется?

А л е к с а н д р ъ .

Господи! Господи!

Е л и з а в е т а .

Отъ раздавленныхъ крысъ пятно кровавое... Какая гадость... Я, кажется, съ ума схожу, какъ бригадирша Лихарева. Всѣ мы сходимъ съ ума. Лучше не думать... Лежать и мечтать..

Берега кристальной рѣчки,
И пастушка, и овечки...

(Падая на колѣни и закрывая лицо руками.) Скучно, скучно, скучно, Сашенька!..

Дверь направо отворяется безшумно.
Входитъ Павелъ и останавливается
на порогѣ.

А л е к с а н д р ъ (обнимая Елизавету).

Лизанька, дѣвочка моя бѣдная...

П а в е л ъ .

Амуръ и Психея!

Александръ и Елизавета
вскакиваютъ.

А л е к с а н д р ъ .

Что это?

Е л и з а в е т а .

Государь.

П а в е л ь.

Испугались, друзья мои? Думали—привидѣніе?

А л е к с а н д р ь.

Простите, ваше величество! Темно. Я свѣчей...

П а в е л ь.

Не надо. (Елизавета хочетъ уйти.) Куда вы, сударыня? Вы намъ не мѣшаете.

Елизавета отходить къ окну.

П а в е л ь (взявъ книгу).

Это что? Руссо. А это? *Брутъ*, трагедія господина де-Вольтера. (Читаетъ.)

...Rome est libre.

Il suffit. Rendons grâces aux dieux.

Значитъ: «Царя убили, и слава Богу».—Кто подчеркнулъ?

А л е к с а н д р ь.

Не могу знать, ваше величество! Книга отъ бабушки. Не она ли сама изволила?

П а в е л ь.

Все-то у васъ отъ бабушки, сударь, и сами вы—бабушкины внучекъ!.. А исторія царевича Алексѣя помните? Вотъ подлинная трагедія, не то, что Вольтеровы глупости! Сынъ возсталъ на отца, и отецъ казнилъ сына. Помните?

А л е к с а н д р ь.

Помню.

П а в е л ь.

Ну то-то же! А все-таки перечестъ не мѣшаетъ. Ужо пришло.—Кстати, правда ли, что у васъ въ полку Вольтера почитываютъ?

А л е к с а н д р ь.

Виновать, государь! Одно только сочиненьице *Кандидъ*. При бабушкѣ отпечатано.

П а в е л ь

Опять бабушка!... У кого найдено?

А л е к с а н д р ь.

Измайловскаго полка у штабсъ-капитана Пузыревскаго.

П а в е л ь.

Ну и что же?

А л е к с а н д р ь.

Книга въ корпусной пекарнѣ сожжена—сдѣланъ выговоръ

П а в е л ь.

Что толку выговоръ отъ васъ, когда и сами вы, сударь, Вольтера читаете? Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Однако, шутки въ сторону, наблюдать извольте впредь, дабы изъ чиновъ, управленію вашему ввѣренныхъ, чтеніемъ таковымъ упражняться никто не осмѣливался. Понеже слухи до меня доходятъ, что французскими натуральной системы книгами многіе господа военные заражены, по домамъ ходятъ въ платьѣ партикулярномъ, фраки и жилеты носятъ, явно изображая тѣмъ развратное свое поведеніе. Вотъ каковы, сударь, слѣдствія философической вольности или, лучше сказать, бѣшенства, коимъ вводится язва моральная, правила безбожныя и возмутительныя, буйственное воспаленіе разсудка, какъ то показало намъ правленіе богомерзкое во Франціи и оныя режисиды, изверги челоуѣчества, въ злодѣяніи, учиненномъ надъ королевскою особою...

А л е к с а н д р ь.

Батюшка...

П а в е л ь.

Молчать! Я знаю, сударь, что вы—якобинецъ, но я разрушу всѣ ваши идеи!.. Да, знаю, знаю все—и то какъ бабушкины внучки спать и видятъ во снѣ конституцію, республику,

Права Человѣка, а того не разумѣютъ, что въ оныхъ Правахъ заключается духъ сатанинскій, уготовляющій путь Звѣрю, Антихристу. О, какъ страшень сей духъ! Никто того не знаетъ, я знаю, я одинъ! Богъ мнѣ открылъ, и Богомъ клянусь, искореню, истреблю, сокрушу—или я не буду Павелъ II

А л е к с а н д р ъ.

Батюшка, я никогда...

П а в е л ь.

Лжешь! Это кто писалъ? (Показываетъ письмо.) Говори, кто?

А л е к с а н д р ъ.

Я... но не моя воля...

П а в е л ь.

А чья?

А л е к с а н д р ъ.

Бабушки.

П а в е л ь.

Чортова бабушка!

А л е к с а н д р ъ.

Государь, ваша покойная матушка...

П а в е л ь.

Да, знаю: мать отца убила и меня, сына, въ Шлиссельбургъ хотѣла заточить, въ тотъ самый казематъ, гдѣ нѣкогда страдальца безвиннаго, Іоанна Антоновича задавили, какъ крысу въ подпольѣ. Тридцать лѣтъ я томился въ смертномъ страхѣ, ждалъ яда, ножа или петли отъ собственной матери и глядѣлъ, какъ она, со своими приспѣшниками, царубійцами, надъ памятью отца моего ругается,—глядѣлъ и терпѣлъ, и молчалъ... Тридцать лѣтъ, тридцать лѣтъ!.. Какъ только Богъ сохранилъ мнѣ разумъ и жизнь?.. И ты былъ съ нею!.. Вотъ что значатъ слова сн. Читай: «Всею кровью мо-

ею не могъ бы я заплатить за все то, что вы для меня сдѣлали и еще сдѣлать намѣрены».—Это значить: меня съ престола спихнуть, чтобъ тебя...

А л е к с а н д р ъ (падая на колѣни).

Батюшка! Батюшка! Никогда я не хотѣлъ... Да развѣ вы не видите, и теперь не хочу... Отрѣшьте, умоляю васъ, Богомъ заклинаю, отрѣшьте меня отъ престола, избавьте, помилуйте!..

П а в е л ь.

Лжешь, негодяй, опять лжешь! (Заноситъ трость.) Я тебя!..

Е л и з а в е т а (удерживая Павла за руку).

Какъ вамъ не стыдно?..

П а в е л ь (отталкивая Елизавету).

Прочь!..

Е л и з а в е т а.

Рыцарь Мальтійскаго ордена—женщину?..

П а в е л ь (отступая).

Да, рыцарь... Вы правы, сударыня! Прошу извиненія. Погорячился... Какая вы, однако, смѣлая! Я и не зналъ. Психея—и вдругъ... Мнѣ это понравилось. Я бы хотѣлъ, чтобы такъ всѣ... Благодарю. Ручку позвольте, ваше высочество.—Что? Не бойтесь, не укушу. Я еще не кусаюсь... Ха-ха!

П а в е л ь цѣлуетъ руку Елизаветы и кланяется съ изысканною вѣжливостью.

П а в е л ь.

J'ai l'honneur de vous saluer, madame, monseigneur! Еще разъ прошу извиненія. (Отходя къ двери.) А вѣдь вы тутъ надо мною, пожалуй, смѣяться будете вдвоемъ, Амуръ и Психея?.. Ну что жъ, смѣйтесь на здоровье. Riga bien,

qui rira le dernier... А исторію царевича Алексѣя я вамъ, сударь, все же пришлю. Почитайте-ка, сравните съ Брутомъ!

Уходить.

Е л и з а в е т а .

Шуты!

А л е к с а н д р ь .

Тише, тише. Пожалуй, подслушаетъ.

Е л и з а в е т а (открывая дверь и заглядывая).

Ушелъ.

П а л е н ь входитъ слѣва.

П а л е н ь .

Не онъ, а я подслушивалъ. Простите, ваши высочества, — по должности военного губернатора ..

Е л и з а в е т а уходитъ налѣво.
А л е к с а н д р ь сидитъ на канапѣ,
опустивъ голову на руки. Молчаніе.

П а л е н ь .

Трескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита!

А л е к с а н д р ь .

Знаетъ все?

П а л е н ь

Ну, все, не все, а кое-что. Не сегодня, впрочемъ, такъ завтра узнаетъ. И тогда пропали мы!

А л е к с а н д р ь .

Что же дѣлать?

П а л е н ь .

Спѣшить. Остаются не дни, а часы. Нашъ планъ вы знаете: овладѣть особой императора, объявить больнымъ и принудить къ отреченію отъ престола, дабы передать оный вамъ.

Не отъ себя говорю, а отъ сената, войска, дворянства—отъ всего народа російскаго, коего желаніе единственное—видѣть Александра императоромъ.

А л е к с а н д р ъ.

Принудить? Вы его не знаете: онъ скорѣе умретъ...

П а л е н ъ.

Отъ жестокихъ болѣзней—лѣченіе жестокое: если не отречется, то—въ Шлиссельбургъ...

А л е к с а н д р ъ.

Что вы, что вы, графъ?..

П а л е н ъ.

Будьте покойны, государь: карауль изъ нашихъ—не выдадутъ.

А л е к с а н д р ъ.

Я не о томъ, а не хочу, слышите, не хочу, чтобы вы такъ со мной говорили о батюшкѣ!

П а л е н ъ.

Ахъ, вотъ что. Слушаю-съ (Помолчавъ.) Я знаю теперь, чего вы не хотите, а чего хотите, все-таки не знаю.

А л е к с а н д р ъ.

Ничего, ничего я не хочу! Оставьте меня въ покоѣ!..

П а л е н ъ.

Бываютъ случаи, ваше высочество, когда ничего не хотѣть—безумно или преступно...

А л е к с а н д р ъ.

Какъ вы, сударь, смѣете?..

П а л е н ъ.

Я говорю то, что велитъ мнѣ должность гражданина и подданнаго.

А л е к с а н д р ь (вскакивая и топая ногами, подобно П а в л у).

Вонь! Вонь! Не могу я больше терпѣть, не могу, не могу... Не хочу быть орудіемъ вашихъ низостей! Вы—измѣнникъ! Никогда не подыму я руки на государя, отца моего! Лучше смерти! Сейчасъ иду къ батюшкѣ, все донесу...

П а л е н ь.

Ну, мы, кажется, всё сходимъ съ ума.—Я человекъ откровенный, ваше высочество, хитрить не умѣю: что на умѣ, то и на языкѣ. Говорилъ съ вами прямо и прямо взойду на эшафотъ! Честь имѣю кланяться.

П а л е н ь у х о д и т ь. А л е к с а н д р ь падаетъ на канapé и лежитъ, уткнувшись лицомъ въ подушку. Входитъ слѣва Е л и з а в е т а.

Е л и з а в е т а.

Ну, что, какъ? Рѣшили?

А л е к с а н д р ь молчитъ, Е л и з а в е т а обнимаетъ его и гладитъ по головѣ.

Е л и з а в е т а.

Мальчикъ мой, мальчикъ мой бѣдненькій...

А л е к с а н д р ь.

Не могу, не могу, не могу я, Лизахень!..

Е л и з а в е т а.

Что же дѣлать, Саша? Надо...

А л е к с а н д р ь (приподнимаясь и глядя на нее пристально).
А если кровь?

Е л и з а в е т а.

Лучше кровь, лучше все, чѣмъ то, что теперь! Пусть наша кровь...

А л е к с а н д р ь.

Не наша...

Молчаніе.

А л е к с а н д р ъ .

Что же ты молчишь? Говори. Или думаешь, что мы должны—черезъ кровь?..

Е л и з а в е т а .

Не знаю...

А л е к с а н д р ъ .

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... молчи, не смѣй... Если ты скажешь, Богъ не проститъ...

Е л и з а в е т а .

Не знаю, проститъ ли Богъ, но мы должны.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Зала въ Михайловскомъ замкѣ. Полукруглая колоннада изъ бѣлаго мрамора. Двѣ ниши по бокамъ — справа со статуей Венеры, слѣва — Флоры. Три двери: одна въ серединѣ — въ Тронную; другая справа — во внутренніе апартаменты государя; третья слѣва — въ анфиладу залъ, которыя сообщаются съ парадною лѣстницею. По обѣимъ сторонамъ средней двери большія, во всю стѣну, зеркала. Несмотря на множество горящихъ въ люстрахъ и шандалахъ восковыхъ свѣчей, полумракъ отъ густого тумана. Концертный вечеръ. Издали слышится музыка Гайдана-Чимарозы, Моцарта. Кавалеры — въ придворныхъ мундирахъ, шитыхъ золотомъ, въ пудрѣ, букляхъ, чулкахъ и шпагахъ; дамы — въ бѣлыхъ, съ тонкимъ золотомъ или серебрянымъ узоромъ, греческихъ туникахъ.

Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, великая княгиня ЕЛИЗАВЕТА, великіе князья АЛЕКСАНДРЪ и КОНСТАНТИНЪ — въ нишѣ подъ статуей Венеры. Ихъ окружаютъ фрейлины ЩЕРБАТОВА и ВОЛКОВА, оберъ-церемоніймейстеръ гр. ГОЛОВКИНЪ, оберъ-гофмаршалъ НАРЫШКИНЪ, шталмейстеръ кн. ГОЛИЦЫНЪ, отставной церемоніймейстеръ гр. ВАЛУЕВЪ, оберъ-шталмейстеръ гр. КУТАЙСОВЪ, военный губернаторъ гр. ПАЛЕНЪ и другіе придворные.

Марія Ѳеодоровна.

Что это какъ темно, графъ?

Головкинъ.

Туманъ отъ сырости, ваше величество! Зданіе новое, сразу не высошишь.

Е л и з а в е т а .

А миѣ нравится туманъ—бѣлый, мутный, точно опаловый—отъ свѣчей радуга, и люди—какъ привидѣнія...

Г о л и ц ы н ь .

И на дворѣ туманъ—зги не видать.

В а л у е в ь (полустѣпой дряхлый старикъ, говоритъ шамкая).

Деятнадцатый вѣкъ! Деятнадцатый вѣкъ! Нынче дни все такіе туманные, темные. А въ старину, бывало, и зимой-то какъ солнышко свѣтитъ! Помню, разъ у окна въ Эрмитажѣ стою, солнце прямо въ глаза; а покойная государыня подошли и шторку опустили собственными ручками. «Что это, говорю, ваше величество, вы себя обезпокоили?»—А она, матушка, улыбнулась такъ ласково,—одно солнце, тамъ на небѣ, а другое здѣсь, на землѣ... Отжили, отжили мы красные дни!..

Входитъ статсъ-дама гр. Л и в е н ь .

Л и в е н ь .

Извините, ваше величество! Уфъ, съ ногъ сбилась!.. Присяду

М а р і я О е о д о р о в н а .

Что съ вами, Шарлотта Карловна?

Л и в е н ь .

Заблудилась въ коридорахъ да лѣстницахъ...

Г о л о в к и н ь .

Немудрено—сущій лабиринтъ.

Л и в е н ь .

Заблудилась, а тутъ часовые, какъ гаркнутъ: «Вонъ!» Прежде «Къ ружью!» командовали, а теперь: «Вонъ!» Съ непривычки-то все пугаюсь. Подхватила юбки и ну бѣжать—споткнулась, упала и колѣнку ушибла.

Марія Θεодоровна.

Ахъ, бѣдная! Потереть надо арникумъ

Константинь.

А я думалъ, привидѣніе.

Ливень.

Какое привидѣніе?

Константинь.

Тутъ, говорятъ, въ замкѣ ходитъ. Батюшка сказывалъ...

Марія Θεодоровна.

Taisez vous, monseigneur. Cela ne convient pas.

Волкова.

Ахъ, ваше высочество, зачѣмъ вы на ночь? Я ужасни, какъ ихъ боюсь...

Нарышкинь.

О привидѣніяхъ спросить бы Кушелева: онъ фармазонъ— съ духами водится. Давеча отчѣнно изъяснилъ намъ о достиженіи къ сверхнатуральному состоянію черезъ пупокъ...

Голицынь.

Какой пупокъ?

Нарышкинь.

А ежели, говоритъ, на собственный пупъ глядѣть да твердить: Господи помилуй!—то узришь свѣтъ Фаворійскій.

Голицынь.

Чудеса!

Щербатова.

Не чудеса, а магнетизмъ. Въ Парижѣ господинъ Мес- мэръ втыкаетъ иголки въ сомнабулу, а та не чувствуетъ и все угадываетъ.

Н а р ы ш к и н ь .

Есть и у насъ тутъ въ Малой Коломнѣ гадалъщица...

В а л у е в ь .

Девятнадцатый вѣкъ! Девятнадцатый вѣкъ! Чертовщина вездѣ завелась...

Щ е р б а т о в а .

Вы, господа, ни во что не вѣрите, у васъ нынче все— «натура, натура». А миѣ бы хоть однимъ глазкомъ заглянуть на тотъ свѣтъ, что тамъ такое? *L'inconnu est si séduisant!*

Г о л и ц ы н ь .

Когда умремъ, сударыня, времени будетъ довольно на неосвязаемость, душеньки наши набродятся досыта. А пока живы, милѣе намъ здѣшнія «Душеньки».

Щ е р б а т о в а .

Ну васъ, шалунъ, отстаньте...

Г о ф ь-ф у р ь е р ы вбѣгаютъ изъ дверей справа, машутъ руками и шикаютъ.

Г о ф ь-ф у р ь е р ы .

Его величество! Его величество!

Всѣ становятся въ рядъ; дамы присѣдаютъ, кавалеры кланяются. Музыка играетъ маршъ. П а в е л ь , подъ руку съ кн. А н н о й Г а г а р и н о й , проходитъ черезъ толпу, едва отвѣчая на поклоны и садится рядомъ съ А н н о й , въ нишѣ подъ статуей Флоры.

П а в е л ь .

Аннушка, моя улыбочка...

Хочетъ взять руку А н н ы .

А н н а.

Не надо, не надо, государь,—увидятъ...

П а в е л ь.

Пусть видятъ! Я ничего не вижу, не слышу, не чувствую, кромѣ тебя. Ты осчастливила жизнь мою. Только ты, достойнѣйшая изъ женщинъ, могла влить кроткія чувствованія въ сердце мое, только при взорѣ твоємъ родились въ немъ добродѣтели, какъ цвѣты рождаются при майскомъ солнцѣ. Я хотѣлъ бы здѣсь, у ногъ твоихъ, Анна...

А н н а.

Ради Бога, ваше величество! Государыня смотритъ...

П а в е л ь.

Аннушка, моя улыбочка, отчего ты такая грустная? О чемъ думаешь?..

А н н а.

Я думаю... Ахъ нѣтъ, простите, ваше величество... Я не умѣю. Я только хотѣла бы, чтобы всѣ знали васъ, какъ я... Но никто не знаетъ. А я не умѣю... Глупая, глупая... Простите, я не такъ...

П а в е л ь.

Такъ, Аннушка! (Торжественно, подымая руку и глаза къ небу.) Благодарю, сударыня, благодарю... за эти слова... Знайте, что я, умирая, думать буду о васъ!..

А н н а.

Павлушка, миленькій...

П а в е л ь.

Ахъ, если бы ты знала, какъ я счастливъ, Анна, и какъ желалъ бы сдѣлать всѣхъ счастливыми! Каждого къ сердцу прижать и сказать: чувствуешь ли, что сердце это бьется для тебя? Но оно не билось бы, если бы не Анна... Да нѣтъ, я тоже не умѣю... тоже глупый, какъ ты... Ну и будемъ вмѣстѣ глупыми!..

Н а р ы ш к и н ь (тихо, указывая на П а в л а и А н н у).
Голубки воркуютъ!

Г о л о в к и н ь.

А у княгини-то платье—изъ алаго бархату, точно изъ царскаго пурпура.

Г о л и ц ы н ь.

Субретка въ пурпурѣ!

Н а р ы ш к и н ь.

Будь поумиѣе, подъ башмакомъ бы его держала.

Г о л о в к и н ь.

И башмакомъ бы въ него кидала, какъ, помните, Катька Нелидова.

М а р і я Ѳ е о д о р о в н а и П а л е н ь
говорятъ въ сторонѣ тихо.

М а р і я Ѳ е о д о р о в н а (всплескивая руками).

Aber um Gottes willen, mein lieber Петръ Алексѣевичъ, неужели возможно?..

П а л е н ь.

Въ Россіи, ваше величество, все возможно. Да вотъ сами изволите видѣть: въ Вѣдомостяхъ пишутъ. (Читаетъ.) «Россійскій императоръ, желая положить конецъ войнамъ, уже одиннадцать лѣтъ Европу терзающимъ, намѣренъ пригласить всѣхъ прочихъ государей на поединкѣ сразиться».

М а р і я Ѳ е о д о р о в н а.

Господи, Господи! На чемъ же они сражаться будутъ?

П а л е н ь.

На мечяхъ или коньяхъ, что ли, какъ рыцари, бывало, на турнирахъ.

М а р і я Ѳ е о д о р о в н а.

Рыцари, турниры?.. Aber um Gottes willen, я ничего не понимаю!..

П а л е н ь .

И я, ваше величество...

П а в е л ь (указывая на Марию Θεοδοροβну и Палепа).

А я знаю, о чемъ они судачать.

А н н а .

О чемъ?

П а в е л ь .

Да ужъ знаю. Давай-ка ихъ дразнить.

А н н а .

Ахъ, нѣтъ, ради Бога! И безъ того ея величество...

П а в е л ь .

Надоѣло мнѣ ея величество! Не въ свое дѣло суется. Мозги куриные. Ей бы не императрицею быть, а институтской мадамой! (Вставая.) Пойдемъ же.

А н н а .

Ну, зачѣмъ, зачѣмъ, Пáвлушка?..

П а в е л ь .

А зачѣмъ, что весело, шалить хочется. Мы вѣдь съ тобой глупенькіе, а они умные, какъ же не подразнить ихъ?

(Павелъ подходитъ къ Маріи Θεοδοροβнѣ. За нимъ—Анна).

П а в е л ь .

Votre conversation, madame, me paraît bien animée. О чемъ бесѣдовать изволите?

М а р і я Θεοδοροβна (дергая потихоньку Палепа за край мундира).

О новомъ прожектѣ для Павловска, ваше величество: храмъ Розы безъ шиповъ...

Павель.

Только о Розѣ?

Палень.

Начали съ Розы, а кончили...

Павель.

Шипами?

Палень.

Почти что такъ. Кончили вызовомъ, который вашему величеству угодно было сдѣлать иностраннымъ государямъ.

Павель.

Ага! Ну и какъ же вы о семъ полагаете, сударыня?

Марія Теодоровна.

Aber Paulchen, mein lieber Paulchen...

Павель.

Извольте говорить по-русски: вы—императрица, руссiйская. (Молчаніе.) Отвѣчайте же!

Марія Теодоровна.

Ахъ, Боже мой, Боже мой... Я, право, не знаю, ваше величество... Мысли мои... so verwirrt..

Павель.

Ну, а вы, графъ?

Палень.

Въ царствованіе императора Павла I Россія удивила Европу, сдѣлавшись не покровительницею, а защитницею слабыхъ противъ сильныхъ, утѣсненныхъ противъ утѣснителей, вѣрующихъ противъ нечестивцевъ. И сія истинно великая, истинно христіанская мысль возникла въ рыцарской душѣ вашего величества. Поединокъ же оный—всему дѣлу вѣнецъ, воскресеніе древняго рыцарства...

Павель.

Хотите быть моимъ секундантомъ, ваше сіятельство?

П а л е н ь (цѣлуя Павла въ плечо).

Недостойнъ, государь...

П а в е л ь.

Достойны, сударь, достойны. Вы меня поняли. Да, воскресеніе древняго рыцарства. Подъ стягомъ Мальтійскаго ордена соединимъ все дворянство Европы и крестовымъ походомъ пойдемъ противъ якобинской сволочи, отродія хамова!

П а л е н ь.

Помоги вамъ Богъ, государь!

П а в е л ь.

Не имѣлъ и не имѣю цѣли иной, кромѣ Бога. И пусть меня Донъ-Кишотомъ зовутъ—сей доблестный рыцарь не могъ любить Дульцинею свою такъ, какъ я люблю человечество!.. Да вотъ бѣда—хитрить не умѣю и съ господами-политиками частенько въ дуракахъ остаюсь. За то себя и казню: любилъ кататься, люби саночки возить. Справедливость требуетъ сего. Не подданные за государей, а государи за подданныхъ должны кровь свою проливать. И я первый на поединкѣ ономъ примѣръ покажу.

Молчаніе.

П а в е л ь.

А господа политики съ носомъ останутся. Меня думали за носъ водить, но, къ несчастью для нихъ, у меня носъ курносъ. (Проводя по лицу рукой.) Ухватиться не за что!..

Молчаніе.

П а в е л ь (быстро оборачиваясь и подходя къ Аннѣ напѣваетъ).

Quand pour le grand voyage
Margot plia bagage,
Des cloches du village
J'entendis la leçon:
Din-di, din-don.

А н н а (тихо).

Перестань, Пáвлушка, ради Бога!

П а в е л ь.

А что?.. Ну, не буду, не буду. Ужъ очень мнѣ сегодня весело,—такъ бы и запрыгалъ, завертѣлся на одной ножкѣ, императоръ всероссійскій, какъ шалунишка маленькій. (Помолчавъ.) Примѣтилъ я, что, когда сей родъ веселости найдеть на меня, то всегда передъ печалью.

Покинешь матерню утробу—
Твой первый гласъ есть горькій стонъ;
И отходя отсель ко гробу,
Отходишь ты, стена, и вонъ.

Стонъ и смѣхъ, смѣхъ и стонъ. Din-don! din-don!

М а р і я Ѳ е о д о р о в н а (тихо П а л е н у).

Aber im Gottes willen, что съ нимъ такое? Боже мой, Боже... я ничего не понимаю... Пожалуйста, графъ, успокойте, развлеките его...

П а л е н ь (подойдя къ П а в л у).

Ваше величество, курьеръ изъ Парижа, отъ господина перваго консула, генерала Бонапарта.

П а в е л ь.

Принять, принять!

(Адмираль К у ш е л е в ь подходитъ къ П а в л у).

П а в е л ь.

Наидружественнѣйшіе сантименты господина перваго консула... (Къ К у ш е л е в у.) А ты что, братецъ, головой качаешь?

К у ш е л е в ь.

Помилуйте, ваше величество, какое же дружество самодержца всероссійскаго, помазанника Божьяго, съ онымъ Бонапартомъ, проходимцемъ безъ роду, безъ племени, выскочкой, говорятъ, изъ той же якобинской сволочи?

П а в е л ь.

Да вѣдь и меня, сударь, «якобинцемъ на тронѣ» зовуть.

К у ш е л е в ь.

Клеветники токмо и персональные оскорбители...

П а в е л ь.

Нѣтъ, отчего же? По мнѣ пусть такъ: представьте, господа якобинцы, что у меня красная шапка, что я вашъ главный начальникъ—и слушайте меня...

Входитъ курьеръ Б а ш и л о в ь.

Б а ш и л о в ь (ставъ на колѣни и цѣлуетъ руку П а в л а).

Здравія желаю, ваше величество! Отъ господина перваго консула

Подаетъ письмо.

П а в е л ь (читаетъ сперва про себя, потомъ вслухъ).

«La Russie et la France, en tenant aux deux extrémités du globe, sont faites pour led ominer». Да, Россія и Франція должны мѣръ пополамъ раздѣлить. А генерала Бонапарта законнымъ государемъ мы признать готовы. Намъ все равно, кто—только бы государь законный. Угомонились господа французы—и слава Богу! А вѣдь давно ли, какъ нѣкій исполнь бѣснующійся, терзая собственную свою утробу и съ остервенѣниемъ кидаясь на другихъ, наводило ужасъ на Европу сіе издыхающее нынѣ богомерзкое правленіе. (Б а ш и л о в у.) Ну, а теперь что, какъ у васъ въ Парижѣ?

Б а ш и л о в ь.

Государь, чувствованія благоговѣйныя къ священной особѣ вашего императорскаго...

П а в е л ь.

Нѣтъ, попросту, братецъ,—не бойся, говори попросту—какъ тебѣ показался Парижъ?

Б а ш и л о в ь по знаку П а в л а встаетъ.

Б а ш и л о в ъ.

Сказать правду, ваше величество, показался мнѣ Парижъ большимъ котломъ, въ которомъ что-то скверное кипить. Народъ все еще—звѣрь неистовый. И вездѣ надписи, омерзѣніе вселяющія: «Вольность, Равенство, Братство». Церкви пусты, а кабаки да театры биткомъ набиты. Господинъ первый консуль между двухъ шеренгъ солдатъ ходитъ въ Оперу, ложа запирается замками, какъ тюрьма. Во время Декадъ—пребольшіе парады; симъ публичнымъ образомъ показуется гражданамъ: «Вотъ я васъ, только пикни!» Въ годовщину революціи праздникъ устроили на полмилліона народа. Ночью фейерверки и транспоранты вольности горѣли всюду, но никто уже не кричалъ: «Да здравствуетъ вольность!»—а всѣ кричали: «Да здравствуетъ Бонапартъ!»

П а в е л ъ.

Молодецъ! Такъ ихъ и надо.—Завтра же, сударь, назадъ въ Парижъ съ отвѣтомъ. Уповаемъ, что въ союзѣ съ господиномъ первымъ консуломъ, даруя міръ всему міру, возстановителями будемъ потрясенныхъ троновъ и оскверненныхъ алтарей... (Кушелеву.) А ты, что, сударь, опять куксишься?

К у ш е л е в ъ.

Ваше величество, союзъ съ народомъ безбожнымъ и буйственнымъ, антихристова духа исполненнымъ...

П а в е л ъ.

Заладила сорока Якова! Говорятъ же тебѣ, господа французы образумились.

К у ш е л е в ъ.

Образумились, нѣтъ ли, что намъ до нихъ? Россія—первая держава въ мірѣ. Когда всѣ другіе народы мнутя, пребываетъ отечество наше покойно, десницею Божьей хранимос. Да не дерзаютъ же равняться съ нами оныя державы, мыльнымъ пузырямъ подобныя.

Гдѣ, гдѣ не слышно имя Россовъ?
Какъ буря, міръ они прошли;
Въ сто лѣтъ побѣдныхъ сто колоссовъ
Во всѣхъ краяхъ имъ возросли.

А тебѣ, государь-батюшка, побѣдителю Звѣря Антихриста—
осанна въ вышнихъ, благословенъ Грядый во имя Господне!

П а в е л ь .

За патріотическія расположенія ваши, сударь, спасибо.
А насчетъ антихриста не бойся, братецъ, въ обиду не дамъ!

Патеръ Груберъ подходитъ къ
Павлу.

П а в е л ь .

А, святыи отче, Ad-majorem-Dei-gloriam, ты откуда? —

Павелъ и Груберъ, разговари-
вая, отходятъ въ сторону.

Марія Θεодоровна (тихо Палену).

Зачѣмъ пропустили этого патера? Cela ne convient pas.

П а л е н ь .

Да вѣдь онъ, ваше величество, и безъ пропуска всюду
пролѣзетъ.

Г о л о в к и н ь .

Втируша!

Марія Θεодоровна.

И о чемъ это онъ съ государемъ все шепчется?

П а л е н ь .

Должно-быть, опять оный прожектъ о возсоединеніи
церквей.

Марія Θεодоровна.

Какое лицо!..

П а л е н ь

Да, рожа скверная: какъ его ни встрѣтишь—быть худу.

Н а р ы ш к и н ъ.

Зато на всѣ руки мастеръ: шоколадъ варить, зубы лѣ-
чить, фарфоръ склеиваетъ, церкви соединяетъ...

Г о л и ц ы н ъ.

Новый Калиостро!

Г о л о в к и н ъ.

Чортъ въ рясы!

Н а р ы ш к и н ъ.

Господа іезуиты всѣ таковы.

Г о л и ц ы н ъ.

И съ чего они къ намъ налетѣли, черные вороны?

Г р у б е р ъ (слѣдуя за П а в л о м ъ).

Ваше величество, въ прожектѣ моемъ...

П а в е л ъ.

Надоѣлъ ты мнѣ, братецъ, со своимъ прожектомъ хуже
горькой рѣдъки. Отстань!

Г р у б е р ъ.

Въ Писаніи сказано: единъ Пастырь, едино стадо.—
Когда соединится власть Кесаря, Самодержца Россійскаго
съ властью Первосвященника Римскаго—земное съ небес-
нымъ...

П а в е л ъ.

Отстань, говорю, ну тебя, брысь!..

Г р у б е р ъ.

Одно только словечко, государь, одно словечко—и его
святѣйшество самъ приѣдетъ въ Петербургъ...

П а в е л ъ.

Вотъ привязался! Ну, на что мнѣ твой папа?

Г р у б е р ь .

Ваше величество, папа—глава церкви...

П а в е л ь .

Врешь! Не папа, а я. Превыше всѣхъ папъ, царь и папа вмѣстѣ, Кесарь и Первосвященникъ—я, я, я одинъ во всей вселенной!.. Видалъ ли ты меня въ далматикѣ?

Г р у б е р ь .

Не имѣлъ счастья, государь!

П а в е л ь .

Иванъ! Иванъ!

К у т а й с о в ь подбѣгаетъ къ П а в л у .

К у т а й с о в ь .

Здѣсь, ваше величество!

П а в е л ь .

Сбѣгай-ка, братецъ, живѣе, принеси далматикъ, знаешь, тотъ новый, ненадѣванный. Кстати жъ, примѣрю.

К у т а й с о в ь .

Слушаю-съ, ваше величество!

К у т а й с о в ь уходитъ .

П а в е л ь .

Подобіе саккоса архіерейскаго, древнихъ императоровъ восточныхъ одѣяніе, знаменуетъ оный далматикъ царесвященство таинственное, по чину Мельхиседекову... Какъ-то семь въ Откровеніи-то, помнишь, Григорій Григорьевичъ?

К у ш е л е в ь .

Жена, облеченная въ солнце, родила Младенца мужскаго пола, коему надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ жезлънымъ.

П а в е л ь.

Ну вотъ, вотъ, оно самое. Жена—церковь православная, а младенецъ—царь самодержавный. Се тайна великая. Никто ея не знаетъ, никто, кромѣ меня!

К у т а й с о в ь входитъ, неся далматикъ. П а в е л ь надѣваетъ его перёдъ зеркаломъ.

П а в е л ь.

Погляди-ка, Иванъ, сзади какъ?

К у т а й с о в ь.

Сзади хорошо, ваше величество, а съ боковъ будто складочки.

А н н а (тихо).

Павлушка, миленькій, какъ можно здѣсь, при всѣхъ?.. Смѣяться будутъ...

П а в е л ь (тихо).

Пусть. Когда въ багряницу облекали Господа, тоже смѣялись. (Груберу.) Ну что, отче, видишь?

Г р у б е р ь.

Вижу, государь.

П а в е л ь.

И разумѣешь?

Г р у б е р ь,

Разумѣю.

П а в е л ь (съ внезапнымъ гнѣвомъ).

Да что это, какихъ миѣ зеркалъ понавѣсили? Куда ни посмотрюся — лицо все накриво... точно шею свернули... Тьфу!

К у т а й с о в ь (бросаясь къ зеркалу).

Помутнѣло, должно-быть, стеклышко, заиндевѣло. Вытереть надо суконочкой.

П а в е л ь .

Оставь! Пойдемъ въ тронную—тамъ лучше зеркало.

Павель, Анна, Груберъ и
Кутайсовъ уходятъ.

М а р і я Т е о д о р о в н а (всплескивая руками).

Aber um Gottes willen, что же это такое, Петръ Алексѣевичъ? Поединокъ... Бонапартъ... папа... далматикъ... царь-священникъ... Боже мой, Боже мой, я ничего не понимаю!..

П а л е н ь .

И я, ваше величество! Спросить бы Роджерсона, что ли?

М а р і я Т е о д о р о в н а .

Роджерсона? Лейбъ-медика? Зачѣмъ? Что такое? Графъ, графъ... неужели вы думаете?..

Палень молча разводитъ руками;
Марія Теодоровна также молча
всплескиваетъ руками.

А л е к с а н д р ь (Константину).

Что ты?

К о н с т а н т и н ь (прячась за колонну и трясясь отъ хохота).

О-хо-хо!.. Моченьки нѣтъ... лопну... Какъ онъ тутъ, Саша... въ далматикѣ-то, передъ зеркаломъ. Поверхъ мундира, да ряса поповская... Балъ-маскарадъ... Обезьяна... обезьяна въ рясѣ... И лица накриво... шею свернули... О-хо-хо!..

А л е к с а н д р ь .

Перестань, Костя! Не смѣшно, а страшно...

К о н с т а н т и н ь .

Страшно, да... и смѣшно. Какъ во снѣ...

Г о л о в к и н ь .

А туманъ-то, туманъ, господа, посмотрите. Что это будетъ?..

Г о л и ц ы н ь .

Того и гляди, подыдемся вмѣстѣ съ туманомъ и разлетимся...

Е л и з а в е т а .

Привидѣнія! Привидѣнія!

Стукъ барабана, военные сигналы.

Н а р ы ш к и н ь .

Господа, слышите?

Г о л и ц ы н ь .

Что такое?

Г о л о в к и н ь .

Барабанъ?

Н а р ы ш к и н ь .

Да, барабанъ, рожки, трубы... Что за диво? Вѣдь зорю давно уже пробили.

Г о л и ц ы н ь .

Да это тревога!

Вбѣгаютъ гофъ-фурьеры.

Г о ф ъ - ф у р ь е р ы (П а л с н у).

Ваше сіятельство, тревога! Войска во дворцѣ. Сюда идутъ!..

Изъ дверей слѣва вбѣгаетъ караульный офицеръ со шпагою наголо.

О ф и ц е р ь .

Гдѣ государь?

П а л е н ь .

Какъ вы смѣете, сударь, въ присутствіи ея величества, со шпагою?..

О ф и ц е р ь (въ дверь).

Ребята, за мной!

Солдаты съ ружьями на - перевѣсъ кидаются въ залу. Шумъ, крики, свалка.—Слышатся отдѣльные голоса.

Первый.

Гдѣ государь? Гдѣ государь?

Второй.

Что случилось?

Третий.

Бѣда во дворцѣ!

Четвертый.

Маршъ, маршъ! Къ знаменамъ!

Пятый.

Куда, черти, прете?

Шестой.

Пусти!

Седьмой.

Стой!

Восьмой.

Я тебя, сукинъ сынъ, въ морду!

Девятый.

Бей! Бей! Въ штыки ихъ, братцы, измѣнниковъ!

Женскій визгъ.

Задавили! Ой-ой! Помогите!..

Ливень.

Государынѣ дурно!

Марія Теодоровна.

Бѣгите, бѣгите, господа! Спасайте императора! Paulchen, Paulchen!..

Марія Теодоровна падаетъ
въ обморокъ. Входитъ Павелъ.
За нимъ — Анна.

Павелъ (въ дверяхъ).

Что это?.. Что это?.. Бунтъ?..

О ф и ц е р ь (солдатамъ).

Стой, ребята! Государь.

П а в е л ь.

Смирно-о!

Солдаты, взявъ на карауль, строятся. Шумъ стихаетъ

П а в е л ь (П а л е н у).

Скажите же, сударь, на милость, что это? Какъ осмѣлились?..

П а л е н ь.

Не могу знать, ваше величество! Должно-быть, опять тревога фальшивая, какъ тогда, въ Павловскѣ, отъ рожка почтоваго, и здѣсь, въ Петербургѣ, отъ бочки пустой...

П а в е л ь.

Сами вы, сударь, бочка пустая!.. (Наступая на солдатъ.) Палокъ! Плетей! Шпицрутеновъ! Я васъ всѣхъ!..

А н н а (бросаясь къ П а в л у).

Государь!

П а в е л ь.

Нѣтъ, нѣтъ, княгиня, оставьте!.. Вы не знаете...

А н н а (тихо).

Знаю, Пáвлушка, знаю, миленькій,—вѣрные всѣ. Развѣ не видишь, какъ испугались?..

П а в е л ь.

Испугались? (Старому г р е н а д е р у). Чего испугались?

Г р е н а д е р ь.

Такъ точно, ваше величество, дюже испугались.

П а в е л ь.

Да чего же, чего, дураки?

Г р е н а д е р ь.

Бѣда, думали, во дворцѣ. На дворѣ туманъ, зги не видать. А тутъ за гауптвахтой тревогу забили, да кто-то изъ ребятъ какъ крикнетъ: «Бѣда во дворцѣ!»—такъ сразу и кинулись. Сами не рады. Чортъ, видно, попуталъ, померещилось...

П а в е л ь.

Ахъ, дураки, дураки! Ну, что съ вами дѣлать?..

А н н а (тихо).

Прости, Пáвлушка!

П а в е л ь.

Точно ли нѣтъ между вами измѣнниковъ?

Г р е н а д е р ь.

Государь-батюшка, всѣ слуги вѣрныя. Повелѣтъ изволь—умремъ за тебя!

С о л д а т ы.

Умремъ! Умремъ!

П а в е л ь.

Ну, Богъ съ вами, прощаю.

Г р е н а д е р ь (становясь на колѣни).

Отецъ ты нашъ, милостивецъ! Пошли тебѣ, Господи!

Крестясь, цѣлуетъ ноги П а в л а.

П а в е л ь.

Что ты, что ты, старикъ? Этакій бравый солдатъ, а плачетъ, какъ баба.

С о л д а т ы (окружая П а в л а и становясь на колѣни).

Государь-батюшка, родимый! Благослови тебя, Господи!

Н а р ы ш к и н ь, Г о л о в к и н ь и
Г о л и ц ы н ь говорятъ въ сторонѣ тихо.

Н а р ы ш к и н ъ.

Посмотрите-ка, что съ нимъ дѣлается!

Г о л о в н и н ъ.

Точно влюбленные.

Г о л и ц ы н ъ.

Какъ на икону крестятся.

Г о л и ц ы н ъ.

Царь-священникъ.

Н а р ы ш к и н ъ.

Не человѣкъ, а Богъ.

А н н а (тихо).

Видишь, Пѣвлушка, какъ они тебя любятъ!

П а в е л ъ.

Да, любятъ. Вотъ бы на что поглядѣть господамъ якобинцамъ — узнали бы, что крѣпко сажу на престолѣ. (Солдатамъ.) Спасибо, ребяташки!

С о л д а т ы.

Рады стараться, ваше величество! Ура! Ура!

К у ш е л е в ъ (становясь на колѣни).

Осанна въ вышнихъ! Благословенъ Грядый во имя Господне!

П а в е л ъ (подымая глаза къ небу).

Не намъ, не намъ, а имени твоему, Господи!

Е л и з а в е т а (тихо Александру).

Какая мерзость!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Библиотека—приемная Павла. Книжные шкапы краснаго дерева съ бронзою. На стѣнахъ—виды Гатчины и Павловска. Кαναпэ и кресла, обитыя сафьяномъ. Налѣво—дверь въ парадные апартаменты; направо—черезъ коридоръ, въ кабинетъ—спальню Павла. Въ глубинѣ—окно на Нижній Лѣтній садъ. У окна маленькій столикъ съ бумагами, перьями и чернилами. Полдень. Сперва—лучъ блѣднаго зимняго солнца; потомъ—сумерки. Оттепель, мокрый снѣгъ хлопьями.

ПАВЕЛЪ. МАРІЯ ТЕОДОРОВНА. АЛЕКСАНДРЪ. КОНСТАНТИНЪ. ЕЛИЗАВЕТА. ПАЛЕНЪ. РОДЖЕРСОНЪ, лейбъ-медикъ. КУТАЙСОВЪ. АРГАМАКОВЪ, плацъ-адъютантъ Михайловскаго замка. МАРИНЪ, поручикъ.

Марія Теодоровна входитъ сълѣва, лейбъ-медикъ Роджерсонъ—справа; по серединѣ комнаты встрѣчаются, почти сталкиваются.

Марія Теодоровна. .

Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

Роджерсонъ.

Не угодно ли будетъ обождать вашему величеству: государь никого принимать не изволятъ, — меня сейчасъ прогнали.

Марія Теодоровна.

Aber um Gottes willen, докторъ, что случилось?

Р о д ж е р с о н ъ .

Я и самъ не знаю. Кажется, во время обычной прогулки верхомъ по Лѣтнему саду его величеству дурно сдѣлалось. Оберъ-шталмейстеръ Кутайсовъ бросился на помощь, но все уже прошло, только молвить изволили: «Я почувствовалъ, что задыхаюсь»,—вернулись домой.

М а р і я Т е о д о р о в н а (всплескивая руками).

Господи, Господи, что жъ это такое?..

Р о д ж е р с о н ъ .

Не извольте беспокоиться, ваше величество! Дастъ Богъ, все обойдется. Маленькій припадокъ удушья. Должно-быть, дѣйствию оттепели. Надо бы кровь пустить. Ну да, Богъ дастъ, и такъ обойдется.

М а р і я Т е о д о р о в н а .

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, развѣ вы не видите, — онъ боленъ, не спитъ, не ѣстъ и все такой грустный... Я не знаю, что съ нимъ... Гляжу на него, и сердце болитъ... и страшно, страшно...

Изъ дверей слѣва—А л е к с а н д р ь и
К о н с т а н т и н ъ . Подходятъ къ Маріи
Теодоровнѣ и цѣлуютъ у нея руку.

М а р і я Т е о д о р о в н а

Слышали, дѣти, государь боленъ?

К о н с т а н т и н ъ .

Государь боленъ, а мы подъ арестомъ.

М а р і я Т е о д о р о в н а .

Подъ арестомъ? За что?

К о н с т а н т и н ъ .

Богъ вѣсть. Сейчасъ водили въ церковь присягать.

Марія Θεодоровна.

Кому? Зачѣмъ?

Константиъ.

Государю императору Павлу I. А зачѣмъ—неизвѣстно. Должно-быть, усомнились въ первой присягѣ. Только отчего вторая лучше первой — опять неизвѣстно.

Марія Θεодоровна (всплескивая руками).

Боже мой, Боже мой, я ничего не понимаю!

Входитъ Паленъ.

Паленъ.

И я ничего не понимаю.

Марія Θεодоровна.

Графъ! Наконецъ-то..

Паленъ.

Извините, ваше величество, я къ государю.

Марія Θεодоровна.

Нѣтъ, нѣтъ, постойте вы намъ должны объяснить. Ради Бога...

Паленъ.

Я уже имѣлъ честь докладывать вашему величеству: я ничего не понимаю.

Марія Θεодоровна.

Петръ Алексѣвичъ, Петръ Алексѣвичъ... Я хочу знать, слышите, я хочу знать все... Я вамъ приказываю... Мы здѣсь всѣ вмѣстѣ, одни, и можемъ обсудить на семейномъ совѣтѣ...

Паленъ.

Какой ужъ тутъ совѣтъ семейный!.. А, впрочемъ, одну минутку, ваше величество. (Говорить въ дверь направо.) По-

ручикъ Маринъ, вы? Ну, ладно. Смотрите же, сударь, отъ дверей ни на шагъ, и если кто пройдетъ, доложить извольте немедленно. (Возвращаясь — къ Маріи Θεодоровнѣ.) И такъ, вашему величеству угодно?... (Роджерсону.) Куда вы, господинъ докторъ, подождите, сдѣлайте милость: вы намъ нужны, вы намъ теперь нужныѣе, чѣмъ кто-либо.

Роджерсонъ.

Дастъ Богъ, все обойдется.

Паленъ.

Кажется, безъ васъ не обойдется.

Марія Θεодоровна

Да говорите же, говорите, графъ, что такое?..

Паленъ.

А то, ваше величество, что надо быть готовымъ ко всему. Мы объявляемъ войну пяти-шести европейскимъ державамъ.

Марія Θεодоровна (всплескивая руками).

Non Iesu!.. Пяти-шести...

Паленъ.

Да. Сколько именно, я, признаться, и счетъ потерялъ. А когда доложить осмѣлился, не много ли будетъ, то отвѣтить изволили: «Сколько бы мухъ ни жужжало у меня подъ носомъ, я ихъ гоню». — Но намъ Европы мало, нужно и Азію; походъ на Индію...

Марія Θεодоровна.

На Индію!

Паленъ.

Да, по слѣдамъ Александра Македонскаго, къ священнымъ водамъ Инда. Двадцать тысячъ Донскихъ казаковъ уже выступило къ Оренбургу и далѣе, по степямъ невѣдомымъ, безъ обоза, безъ продовольствія, безъ дорогъ и даже безъ маршрутовъ. Велѣно завоевать Индію — и завоюемъ.

М а р і я Т е о д о р о в н а .

Графъ, графъ... aber im Gottes willen... что вы говорите?
Можетъ ли быть, чтобы мы ничего не знали?

П а л е н ь .

Я и самъ не зналъ до послѣдней минуты и, чай, многого
еще не знаю.

М а р і я Т е о д о р о в н а .

Господи, Господи... что же будетъ?

П а л е н ь .

А будетъ, полагаю, то, что англичане Индію даромъ отдать
не согласятся и пожалуютъ къ намъ въ гости. Не сегодня —
завтра флотъ ихъ появится у нашихъ береговъ и начнетъ
бомбардировать сперва Кронштадтъ, а потомъ и Петербургъ.

М а р і я Т е о д о р о в н а .

Петербургъ! Негг Iesu!..

П а л е н ь .

Да, и мы погибли — погибла Россія.

М а р і я Т е о д о р о в н а (всплескивая руками).

Господи, Господи... что же дѣлать?

П а л е н ь .

Дѣлать нечего, ваше величество, — погибать, такъ поги-
бать.

М а р і я Т е о д о р о в н а и Па-
л е н ь говорятъ тихо.

К о н с т а н т и н ь (Александрю, кивая украдкой на
П в л е н а).

Прехитрая бестія!

А л е к с а н д р ь .

А что?

К о н с т а н т и н ъ.

Развѣ не видишь, къ чему клонить?

А л е к с а н д р ъ.

Къ чему?

К о н с т а н т и н ъ.

А къ тому, что батюшка спятилъ.

А л е к с а н д р ъ.

Что ты, Костя!

К о н с т а н т и н ъ.

Ну, да, а то какъ же? И знаешь, Саша, вѣдь, можетъ-быть, и вправду... Голова-то у него умная—умнѣе, пожалуй, всѣхъ нашихъ головъ, да есть въ ней машинка, на одной ниточкѣ держится, — а какъ порвется эта ниточка — машинка завернется — и капутъ!

А л е к с а н д р ъ.

Страшно...

К о н с т а н т и н ъ.

Да, страшно... А впрочемъ, наплевать — всѣ тамъ будемъ...

М а р і я Т е о д о р о в н а (тихо П а л е н у).

Какъ? Какъ? Повторите.

П а л е н ъ.

Я вижу, говоритъ, что пора нанести великій ударъ.

М а р і я Т е о д о р о в н а.

Великій ударъ? Что жъ это значитъ?

П а л е н ъ.

Не знаю, ваше величество, подумать боюсь...

М а р і я Т е о д о р о в н а (всплескивая руками).

Ахъ, понимаю, я теперь все понимаю. Онъ хочетъ меня и насъ всѣхъ... Боже мой! Боже мой!.. Такъ вотъ, что зна-

читать. «Ежели, говорить, сударыня, вы Екатерина II, то я вамъ не Петръ III». — Я тогда не поняла, а теперь... теперь... Да вѣдь это значитъ, что я хочу его... Негг Iesu!.. Это я-то, я... Paulchen! Paulchen!..

Плачетъ. — Входитъ поручикъ Маринъ.

Маринъ.

Государь императоръ!

Всѣ ждуть въ оцѣпенѣніи. Входитъ Павелъ и, остановившись въ дверяхъ, со шляпой на головѣ, съ тростью подъ мышкой, скрестивъ руки, тяжело переводя дыханіе, глядитъ на всѣхъ молча. Потомъ подходитъ, по очереди, къ Маріи Ѳеодоровнѣ, Александру, Константину и Палену, останавливается передъ каждымъ изъ нихъ и глядитъ въ упоръ. Наконецъ возвращается къ двери; вдругъ, на порогъ, обернувшись, высовываетъ языкъ и, громко хлопнувъ дверью, уходитъ. Марія Ѳеодоровна падаетъ въ обморокъ. Роджерсонъ приводитъ ее въ чувство. Входитъ Кутайсовъ слѣва, Маринъ туда же уходитъ.

Марія Ѳеодоровна.

Что это было? Что это было?

Роджерсонъ.

Ничего, ваше величество! Дастъ Богъ, все обойдется. Не угодно ли водицы?

Константинъ (тихо Александру).

Машинка завернулась.

Паленъ.

Ну, что, какъ вы полагаете, докторъ?

Роджерсонъ.

А что, графъ?

Паленъ.

Какъ что? Да вотъ что тутъ было сейчасъ?

Роджерсонъ.

Ничего не было.

Паленъ.

А языкъ?

Роджерсонъ.

Ну, мы, доктора, къ этому привыкли: всѣ пациенты намъ языкъ показываютъ.

Марія Θεодоровна.

Что это было? Что это было?..

Паленъ.

Ничего не было, по миѣнію господина доктора, намъ померещилось. Мы всѣ, должно-быть, сходимъ съ ума — прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита!

Марія Θεодоровна.

Докторъ! Докторъ! Ступайте же къ нему скорѣе!

Роджерсонъ.

Ваше величество, меня и давеча прогнали, да чуть не прибили. Пусть ужъ лучше кто-нибудь другой...

Марія Θεодоровна.

Графъ!

Паленъ.

Нѣтъ, слуга покорный, я въ сраженіяхъ бывалъ и ядрамъ не кланялся, а туда не пойду, — воля ваша, государыня, хоть казните.

Марія Θεодоровна.

Александръ! Константинъ!

К о н с т а н т и н ъ .

Да вѣдь мы, матушка, подъ арестомъ — куда ужъ намъ!

К у т а й с о в ъ .

Ваше величество, дозвольте, я...

М а р і я Ѳ е о д о р о в н а .

Ахъ, mein lieber Иванъ Павловичъ, ради Бога!

К у т а й с о в ъ .

Ничего-съ, ничего-съ, будьте благонадежны ваше величество! Кстати обѣдать пора — доложить и попробуемъ. Малой мышки левъ не обидить: я мышкою-съ, мышкою-съ. Вотъ такъ, потихоньку, потихонечку...

Уходитъ.

К о н с т а н т и н ъ (пріотворяя дверь и заглядывая).

Подкрался. — Слушаетъ. — Въ щелку глядитъ. — Скребется. — Отперли. — Вошелъ. — Ну, что-то будетъ?

Молчаніе.

К о н с т а н т и н ъ .

Вышелъ!

Входитъ К у т а й с о в ъ .

К у т а й с о в ъ

Премилостивы. Послѣ дождика — солнышко-съ...

К о н с т а н т и н ъ .

Идетъ! Идетъ!

Входитъ П а в е л ъ .

П а в е л ъ (съ изысканною любезностью, цѣлуя руку М а р і и Ѳ е о д о р о в н ы).

Прошу извиненія, ваше величество, — къ обѣду ждать заставилъ — что-то аппетита нѣтъ. Вы ужъ, господа, не взыщите, безъ меня за столъ садитесь извольте, а я уже подожду.

Молчаніе.

П а в е л ь .

Да что это вы всѣ, какъ въ воду опущенные? Напугаль я васъ, видно, давеча моею шуточкой? Ну, не буду, не буду. Пошутилъ — и довольно... (Маріи Θεодоровнѣ.) А скажите-ка, сударыня, вѣдь и я человѣкъ?

Молчаніе.

П а в е л ь .

Ну, что жъ? Отвѣчайте, коли спрашиваютъ — человѣкъ или нѣтъ?

М а р і я Т е о д о р о в н а .

Человѣкъ, ваше величество...

П а в е л ь .

А если человѣкъ, такъ, значить, могу ошибаться. — И вы — человѣкъ?

М а р і я Т е о д о р о в н а .

И я...

П а в е л ь .

Ну, такъ, значить, можете простить.—Простите же меня, сударыня... И вы всѣ, господа, если я въ чемъ...

В с ѣ (наперерывъ).

Ваше величество!.. Ваше величество!..

М а р і я Т е о д о р о в н а (всплескивая руками).

Paulchen!.. Paulchen!..

Плачетъ и хочетъ броситься на шею
П а в л а .

П а в е л ь (отстраняясь).

Ну, ну, перестаньте! Что за комедія! Терпѣть не могу...

Молчаніе.

П а в е л ь.

Графъ Паленъ, у меня къ вамъ дѣло. А васъ, господа, не задерживаю...

Всѣ, кромѣ Павла и Палена, уходятъ.

П а в е л ь.

Докладъ, сударь, готовъ?

П а л е н ь.

Такъ точно, ваше величество!

Подходятъ къ столику у окна.

П а в е л ь.

Прошу садиться.

Паленъ хочетъ сѣсть спиной къ свѣту.

П а в е л ь (указывая на другой стулъ, противъ себя).

Нѣтъ, лицомъ къ свѣту. Когда я съ кѣмъ говорю, то привыкъ смотрѣть прямо въ лицо, сударь, слышите, — прямо въ лицо!

П а л е н ь.

Слушаю, ваше величество!

П а в е л ь.

Ну, то-то же. — Извольте докладывать.

П а л е н ь.

По указу вашего императорскаго величества, два курьера отправлены...

П а в е л ь.

Что вы дѣлаете, графъ, когда не спится?

П а л е н ь.

У меня, государь, сонъ — слава Богу.

П а в е л ь.

Счастливецъ! Значить, совѣсть покойна.

П а л е н ь (продолжая докладъ).

Курьеръ къ его величеству королю Прусскому...

П а в е л ь.

А дурные сны бываютъ?

П а л е н ь.

Намедни снился...

П а в е л ь.

Что?

П а л е н ь.

Бездѣлица сушая: будто бы я - куколка такая, что никакъ не повалишь — упадетъ и встанетъ...

П а в е л ь.

Ванька-встанька? Да это сонъ преселый.

П а л е н ь.

Нѣтъ, государь, скучный: упалъ и всталъ, упалъ и всталъ—такъ всю ночь и промаялся... (Продолжая докладъ.)
Королю Прусскому предписаніе княжество Ганноверское войсками занять въ двадцать четыре часа...

П а в е л ь.

А мнѣ хуже снилось: будто бы кафтанъ парчевый натягиваютъ, узкій-преузкій — никакъ не влѣзу, а все тискаютъ — такъ сдавили, что дохнуть не могу. Закричалъ и проснулся. Съ тѣхъ поръ и безсонница...

П а л е н ь (продолжая докладъ).

Другой курьеръ — въ Парижъ, къ господину первому консулу...

П а в е л ь.

Печку — льдомъ! Печку — льдомъ!.. Вотъ дураки...

П а л е н ь.

Печку льдомъ?

П а в е л ь

Ну, да. Головой къ печкѣ сплю. Велѣль топить не жарко, а чтобы въ спальнѣ—ровно четырнадцать градусовъ. Пощупаю, бывало, печку—холодна; посмотрю на градусникъ—четырнадцать; и сплю. А наемни проснулся—горячехонька. Ничего не сказалъ, только на другой день всталъ пораньше изъ-за ужина да прямо въ спальню, гляжу—по всему полу рогожи, и печку льдомъ натирають: стынетъ до ночи, пока не пощупаю, а за ночь опять нагрѣвается. Шуты гороховые! А все на меня валять—говорять: «съ ума сошелъ!» А я тутъ при чемъ, сударь, а? При чемъ тутъ я?

П а л е н ь.

Ни при чемъ, государь!

П а в е л ь.

Ну то-то же! Извольте, сударь, докладывать.

П а л е н ь (продолжая докладъ).

Въ случаѣ неисполненія королемъ Прусскимъ предписанія. господинъ первый консулъ приглашается...

П а в е л ь.

А скажите-ка, графъ, въ 1762 году, когда государя, отца моего, убили, вы гдѣ быть изволили?

П а л е н ь.

Здѣсь, въ Петербургѣ, ваше величество!

П а в е л ь.

Здѣсь? И что же дѣлали?

П а л е н ь .

Бывъ молодъ и въ чинахъ малыхъ, Конной гвардіи субалтернъ-офицеромъ, ничего не зналъ про заговоръ...

П а в е л ь .

Не знали тогда?.. Ну, а теперь знаете?

Оба встаютъ и молча долго смотраютъ другъ другу въ глаза.

П а в е л ь .

Отвѣчайте же, судары! Знаете или не знаете, что меня убить хотятъ?

П а л е н ь .

Знаю, государы!

П а в е л ь .

Знаете... и молчите?.

П а л е н ь .

Ваше величество, я самъ во главѣ заговорщиковъ...

П а в е л ь .

Вы?.. вы?.. Что такое?.. (Отступая въ ужасъ.) Сумасшедшій!

П а л е н ь .

Никакъ нѣтъ, государь, я въ совершенномъ разсудкѣ...

П а в е л ь .

Такъ я... я... что ли, я съ ума сошелъ?.. Печку — льдомъ!..

П а л е н ь .

Государь, умоляю, минуту спокойствія. Если бы я не былъ увѣренъ, что ваше величество обладаетъ мудростью высочайшею, не столь человѣкомъ, сколь Божеству присущею..

П а в е л ь (топая ногами въ ярости).

Да говорите же, говорите, чортъ побори, что, что, что такое?..

П а л е н ь.

Дѣло столь явное, что и говорить почти нечего: я — во главѣ заговорщиковъ, дабы знать все, слѣдить за всѣмъ и тѣмъ вѣрнѣе охранять отъ покушенія злодѣйскаго священную особу вашего императорскаго величества. И слава Богу, уже всѣ нити заговора въ моихъ рукахъ: шагу не сдѣлаютъ, слова не вымолвятъ, чтобы я не узналъ.

П а в е л ь.

Умны, сударь, слишкомъ умны, такъ умны, что съ ума свести можете... Ванька-встанька!.. Да какъ же вы смѣли не донести мнѣ тотчасъ же?

П а л е н ь.

Сколько разъ хотѣлъ, уже слово было въ устахъ моихъ. Но, не имѣя уликъ достовѣрнѣйшихъ, — коихъ и вы, ваше величество, еще не имѣете?.. (Пристально глядитъ на П а в л а.) Не имѣя оныхъ уликъ и милосердствуя, — простите, государь, слово сіе изъ нѣдръ души болящей исторгнуто, — милосердствуя къ вамъ, щадя сердце родительское, я медлилъ — и въ томъ вина моя единственная; видитъ Богъ, мочи моей не было, мочи моей нѣтъ и сейчасъ сказать отцу, что сынъ его возлюбленный, первенецъ...

П а в е л ь.

Александръ!..

П а л е н ь.

Да, государь-наслѣдникъ — отцеубійца мысленный...

П а в е л ь.

Сгинь, сгинь, пропади!.. Никогда не повѣрю я, чтобы Александръ... Александръ... дитя мое, мальчикъ мой милый!..

П а л е н ь .

Я полагаю, что ваше величество знать изволить болѣе. (Подавая бумагу.) Вотъ списокъ заговорщиковъ: ихъ высочества, оба сына ваши, обѣ невѣстки, ея величество и почти всѣ командиры полковъ, министры, сановники..

П а в е л ь (читая).

Всѣ, всѣ, всѣ!.. За что, Господи?.. Что я имъ сдѣлалъ?..

П а л е н ь .

Я зналъ, государь, сколь тяжко...

П а в е л ь

Охъ, тяжко!.. тяжко!.. тяжко!.. Ужъ лучше бы сразу убили!..

Падаеть на стулъ и закрываетъ лицо руками. Молчаніе.

П а в е л ь (вскакивая).

Сію же минуту всѣхъ — въ кандалы, въ Сибирь, въ каторгу!.. А его... Александра... его... разстрѣлять!

П а л е н ь (вскакивая).

Ваше величество, взять подъ арестъ всю царскую фамилію безъ явныхъ уликъ — ни у кого рука не подыметя, я не найду исполнителей. Симъ возмутить можно всю Россію, не имѣя черезъ то еще вѣрнаго средства спасти особу вашего величества...

П а в е л ь .

Такъ что же?..

П а л е н ь .

Одно изъ двухъ, государь: или казнить меня извольте тотчасъ, какъ измѣнника, или довѣрьтесь мнѣ совершенно...

П а в е л ь .

Не многого, сударь, хотите! Ну, а если вы?..

П а л е н ь (ставъ на колѣни и подавая шпагу).

Пронзите, ваше величество, сердце, пламенѣющее вѣрностью — и съ блаженствомъ умру здѣсь, у ногъ моего государя!

Павель кладетъ обѣ руки на плечи Палена, наклоняется къ нему и смотритъ въ глаза долго..

П а в е л ь.

Лжетъ?.. Нѣтъ... Такъ лгать нельзя... А если лжетъ, то не человѣкъ, а діаволь, діаволь, діаволь!..

П а л е н ь.

Ваше величество!..

П а в е л ь.

Ну, прости... Вѣрю.

Обнимаетъ и цѣлуетъ Палена, потомъ отходитъ къ столу и сидитъ молча, опустивъ голову на руки.

П а л е н ь (вставая).

Угодно вашему величеству знать?

П а в е л ь.

Нѣтъ, нѣтъ... потомъ... Будетъ съ меня!.. А теперь говори скорѣе, что дѣлать.

П а л е н ь (подавая бумагу).

Вотъ указъ, на сей случай мною приготовленный: государя-наслѣдника — въ Шлиссельбургъ, великаго князя Константина Павловича — въ крѣпость, ея величество — въ Архангельскъ, великихъ княгинь — по монастырямъ отдѣленнѣйшимъ.

П а в е л ь.

Подписать?

П а л е н ь.

Токмо указъ оный за вашею подписью въ рукахъ имѣя, дѣйствовать могу безъ промедленія.

Павель подписываетъ.

П а в е л ь.

Еще что?

П а л е н ь.

Изъ покоевъ государыни въ спальню вашего величества двери забить наглухо.

П а в е л ь.

Велѣлъ сегодня. Еще?

П а л е н ь.

Кавалергардскаго полка офицеровъ со всѣхъ карауловъ снять.

П а в е л ь.

Что вы, сударь? Налгали вамъ: ребята вѣрные — я ихъ всѣхъ знаю...

П а л е н ь.

Ежели, ваше величество, лучше знать изволите...

П а в е л ь.

Ну, ладно, ладно — дѣлай, какъ знаешь... Надоѣло... Усталъ я что-то... (Зѣваетъ.) О-хо-хо-шеньки... Только бы выспаться... Ну, все что ли?

П а л е н ь.

Все... Виноватъ, государь, -- еще одно...

П а в е л ь.

Кончай-ка, братецъ, скорѣе!.. Говорю, надоѣло...

П а л е н ь.

Давеча курьеръ задержанъ въ Гатчину съ подложнымъ указомъ...

П а в е л ь.

Аракчееву? Гдѣ? Покажи!

П а л е н ь подаетъ указъ.

П а в е л ь.

Да это подлинный. Развѣ не видишь — моя рука?

П а л е н ь.

Вижу, государь, что генераль Аракчеевъ, врагъ мой злѣйшій, на мѣсто мое назначается военнымъ губернаторомъ, дабы истребить меня, — вижу и глазамъ своимъ не вѣрю...

П а в е л ь (разорвавъ указъ).

Вѣришь теперь?

П а л е н ь.

Вѣрю.

П а в е л ь.

Ну все?

П а л е н ь.

Все.

П а в е л ь.

Когда?

П а л е н ь.

Завтра или въ сію же ночь.

П а в е л ь.

Опять не спать?

П а л е н ь.

Почивать извольте съ Богомъ: я за васъ не сплю.

П а в е л ь.

Спасибо, другъ... Ну, торопнись, чай, — дѣла много. Ступай!

П а л е н ь, поцѣловавъ руку П а в л а, отходитъ къ двери.

П а в е л ь .

Подожди.

Павелъ идетъ къ Палену и опять, какъ давеча, положивъ обѣ руки на плечи его, смотритъ ему въ глаза.

П а в е л ь .

Петръ Алексѣвичъ... Петръ, любишь ли ты меня?..

П а л е н ь .

Люблю, государь...

П а в е л ь .

Любишь?

П а л е н ь .

Ваше величество, вы сами знаете: у меня только Богъ да вы. Я душу мою положу за васъ!

П а в е л ь .

Душу твою за Меня положишь? сказалъ Господь Петру — и пѣтухъ пропѣлъ... Ну, прости... Вѣрю, больше вѣрить нельзя. Дай перекрещу... Помоги тебѣ, Господи... (Крестить, обнимаетъ и цѣлуетъ Палена.) Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!

Паленъ уходитъ. Павелъ опускается въ кресло, откидывается головой на спинку, закрываетъ глаза и дремлетъ.—Входитъ К у т а й с о в ь на цыпочкахъ.

П а в е л ь (просыпаясь и вздрагивая).

Кто? Кто?

К у т а й с о в ь .

Я, ваше величество, я, Иванъ.

П а в е л ь .

А, Иванъ... Ванька-встанька... Вотъ напугалъ... И чего ты все мышью крадешься?..

К у т а й с о в ъ.

Я потихоньку, потихонечку... разбудить боялся...

П а в е л ъ.

Да, вздремнулъ. Такъ-то вотъ днемъ все дремлется, а по ночамъ не сплю. А знаешь, Иванушка, вѣдь насъ убить хотятъ...

К у т а й с о в ъ.

Что вы, что вы, ваше величество!..

П а в е л ъ

А небось, ежели меня убивать будутъ, такъ вы всѣ разбѣжитесь. *Поразу пастыря—и разстѣются овцы.* И ты, Иванушка, ты первый — мышкою-съ, мышкою-съ...

К у т а й с о в ъ.

Ваше величество!..

П а в е л ъ.

Ну, что мое величество? Струсилъ, а? Полно. Чего трясешься? Пошутилъ, а ты и повѣрилъ, дуракъ... Не бойся, братъ, мы еще съ тобою долго будемъ жить, поживать, печку льдомъ натирать.

К у т а й с о в ъ.

Не я, государь, видитъ Богъ, не я...

П а в е л ъ.

Не ты, такъ я. Оба мы съ тобою, видно, Иванушки дурачки. Ступай-ка, доложи княгинѣ Аннѣ, что сейчасъ буду.

К у т а й с о в ъ идетъ къ дверямъ направо.

П а в е л ъ.

Постой

Пишетъ письмо, запечатываетъ и отдаетъ.

П а в е л ь.

Курьера въ Гатчину къ генералу Аракчееву. Явиться немедленно. Скакать во весь духъ, чтобъ къ ночи былъ здѣсь. Да никому о томъ не говори,—никому, слышишь?—ни даже графу Палену. Головой отвѣчаешь!

К у т а й с о в ь.

Будьте благонадежны, ваше величество, — я потихоньку, потихонечку!

К у т а й с о в ь уходитъ. П а в е л ь опять, какъ давеча, опускается въ кресло, откидывается головой на спинку и закрываетъ глаза. Потомъ встаетъ, медленно идетъ къ двери направо, зѣваетъ и потягивается.

П а в е л ь.

О-хо-хошеньки!.. Спать, спать, спать!..

П а в е л ь уходитъ направо. Изъ двери слѣва входятъ П а л е н ь и полковникъ А р г а м а к о в ь.

П а л е н ь.

По всѣмъ городскимъ заставамъ и шлагбаумамъ приказаніе разослать извольте наистрожайшее, дабы никого въ сію ночь не пропускали ни въ городъ, ни изъ города.

А р г а м а к о в ь.

Слушаю-съ.

П а л е н ь.

Смотрите же, сударь, если, не дай Богъ, пропустятъ Аракчеева...

А р г а м а к о в ь.

Будьте покойны, ваше сіятельство!

П а л е н ь.

Ну, ступайте. А что же наслѣдникъ?

А р г а м а к о в ъ .

Докладываль. Будуть сейчасъ. Да вотъ и они.

А р г а м а к о в ъ уходитъ налѣво. Оттуда же входитъ А л е к с а н д р ъ .

А л е к с а н д р ъ .

Что такое?

П а л е н ъ (подавая указъ).

Извольте прочесть, ваше высочество: указъ объ арестѣ вашемъ и всей царской фамиліи.

А л е к с а н д р ъ читаетъ и, чтобы не упасть, хватается за спинку кресла.

П а л е н ъ (поддерживая А л е к с а н д р а).

Дурно вамъ, государь?

А л е к с а н д р ъ .

Ничего... Пройдетъ...

Опускается въ кресло.

А л е к с а н д р ъ .

Я такъ и зналъ.

П а л е н ъ .

Еще не все.

А л е к с а н д р ъ .

Что же еще?

П а л е н ъ .

Государь сказать изволилъ...

А л е к с а н д р ъ .

Говорите — миѣ все равно.

П а л е н ъ .

Сказать изволилъ о вашемъ высочествѣ: «Разстрѣлять его!»

А л е к с а н д р ъ закрываетъ лицо руками. Молчаніе.

А л е к с а н д р ь (опуская руки — тихо).

Ну, что жъ. Одинъ конецъ. Такъ лучше...

П а л е н ь.

Лучше?

А л е к с а н д р ь.

Лучше я, чѣмъ онъ.

П а л е н ь.

Не вы одни, но и ваша супруга, матушка, братья, сестры, мы всѣ — вся Россія, вся Европа. За всѣхъ передъ Богомъ отвѣтите вы...

А л е к с а н д р ь.

Я?

П а л е н ь.

Ды, вы можете...

А л е к с а н д р ь.

Что я могу?

П а л е н ь.

Спасти себя и всѣхъ.

А л е к с а н д р ь.

Да вѣдь завтра же...

П а л е н ь.

Завтра мы погибли, но эта ночь наша. Онъ повѣрилъ мнѣ...

А л е к с а н д р ь.

Повѣрилъ, что вы...

П а л е н ь.

Что я во главѣ заговора, чтобы предать васъ...

А л е к с а н д р ь.

И предали?

П а л е н ь.

Предалъ, чтобы спасти...

А л е к с а н д р ъ .

Да, вотъ какъ. Меня — ему, а его — мнѣ. Но въ концѣ-то, въ концѣ, графъ, кого же вы предадите — меня, его — или обоихъ?

П а л е н ъ .

Рѣшать извольте сами.

А л е к с а н д р ъ .

Мнѣ все равно.

Молчаніе.

П а л е н ъ .

Ваше высочество, я человѣкъ терпѣливый, но есть конецъ и моему терпѣнію...

А л е к с а н д р ъ .

Угроза?

П а л е н ъ .

Мнѣ ли грозить? — я самъ на волосокъ отъ гибели...

А л е к с а н д р ъ .

А скажите-ка, Петръ Алексѣевичъ, вы когда-нибудь плакали?

П а л е н ъ .

Что за вопросъ? Въ младенчествѣ плакалъ.

А л е к с а н д р ъ .

А потомъ — теперь?

П а л е н ъ .

Въ мои годы люди рѣдко плачутъ.

А л е к с а н д р ъ .

Не плачете, зато смѣйтесь. У васъ на лицѣ всегда усмѣшка. Вотъ и сейчасъ...

П а л е н ь .

Сейчасъ, кажется, смѣяться изволите вы. Ну, что жъ, воля ваша. Я ношу сію шпагу не даромъ, но отвѣчать вамъ не могу, государь...

А л е к с а н д р ь .

Какой государь! Приговоренный къ смерти...

П а л е н ь .

Ужо успѣете плакать, а теперь позвольте же и мнѣ поплакать — я вѣдь тоже умѣю, хотя вы и не вѣрите... Завтра вы — государь или ничто, но сегодня — человѣкъ. Сегодня мы всѣ — люди — и я, и вы, и онъ...

А л е к с а н д р ь .

Да, и вы — человѣкъ...

П а л е н ь .

Ну, такъ какъ же вы думаете, легко человѣку вынести то, что я вынесъ, когда онъ тутъ сейчасъ обнималъ меня, цѣловалъ, называлъ своимъ другомъ, благодарилъ за вѣрность и самъ довѣрился мнѣ, какъ дитя малое?

А л е к с а н д р ь .

Для кого же вы, сударь, стараетесь?

П а л е н ь .

Для себя, для васъ.

А л е к с а н д р ь .

Благодарю покорно.

П а л е н ь .

Повѣрили?.. Какъ вы людей презираете, ваше высочество! Нѣтъ, не для себя и не для васъ, а для Россіи, для Европы, для всего человѣчества. Ибо самодержецъ безумный—есть ли на свѣтѣ страшилище оному равное? Какъ хищный звѣрь, что вырвался изъ клѣтки и на всѣхъ кидается.

А л е к с а н д р ъ .

Какъ вы его ненавидите!

П а л е н ъ .

Ненавижу? За что? Развѣ онъ знаетъ, что дѣлаетъ? Сумасшедшій съ бритвою... Не его, Богомъ клянусь, не его, безумца, жалости достойнаго, я ненавижу, а источникъ онаго безумія — деспотичество. Нѣкогда вы говорить миѣ изволили, ваше величество, что самодержавную власть и вы ненавидите, и что гражданскую вольность Россіи даровать намѣрены. Я повѣрилъ тогда. Но вы говорили—я дѣлаю. А дѣлать труднѣе, чѣмъ говорить...

А л е к с а н д р ъ .

Петръ Алексѣичъ...

П а л е н ъ .

Нѣтъ, слушайте — ужь если говорить меня заставили, такъ слушайте! Я думалъ, что Господь избралъ насъ обоихъ для сего высочайшаго подвига — возвратить права человѣческія сорока милліонамъ рабовъ. Вижу теперь, что ошибся. Не мы съ вами — орудіе Божьихъ судебъ. Рабами родились и умремъ рабами. Но не знаю, какъ вы, а я — пусть я умру на плахѣ — я счастливъ есмь погибнуть за отечество и на Божій судъ предстану съ чистою совѣстью, — я сдѣлалъ, что могъ...

А л е к с а н д р ъ .

Петръ Алексѣичъ, простите...

П а л е н ъ .

Ваше высочество!..

А л е к с а н д р ъ .

Я виноватъ передъ вами — простите меня...

П а л е н ь.

Вы... вы?... Нѣтъ, я... ваше высочество... ваше величество!
Становится на колѣни.

А л е к с а н д р ь.

Что вы, что вы, графъ? Перестаньте...

П а л е н ь.

Да — ваше величество! Отнынѣ для меня государь императоръ всероссійскій — вы, и никто, кромѣ васъ... Ангель-избавитель отечества, Богомъ избранный, благословенный!..

Цѣлуетъ руки А л е к с а н д р а.

А л е к с а н д р ь.

Нѣтъ, нѣтъ, вы не поняли...

П а л е н ь.

Понялъ все...

А л е к с а н д р ь.

Да нѣтъ же, нѣтъ, слышите — нѣтъ, я не хочу!..

П а л е н ь.

Не хотите? Ну что жъ, такъ я за васъ... Я одинъ!... И никто никогда не узнаетъ... Пусть думаютъ всѣ, что я, а не вы... Пропадай моя голова, только бы вамъ спастись!..

А л е к с а н д р ь.

Не надо, не надо! Ради Бога, графъ, общайте, клянитесь...

П а л е н ь.

Клянусь, что сдѣлаю все, что въ силахъ человѣческихъ, чтобы э т о г о не было. Но не говорите больше... Кончено, кончено!.. Слава Богу — спасена Россія! (Подавая бумагу.) Только подписать извольте — и кончено.

А л е к с а н д р ь.

Что это?

П а л е н ь.

Манифестъ объ отреченіи императора Павла и о восше-
ствіи на престолъ Александра.

Александръ долго и молча
смотритъ на Палена.

Александръ.

Подписать?

Палень.

Да.

Александръ.

Кровью?

Палень.

Зачѣмъ кровью? Чернилами.

Александръ.

А я думалъ, — договоръ съ діаволомъ — кровью...

Палень.

Опять смѣяться изволите..

Александръ.

Нѣтъ, не я, а вы... опять... (Вскакиваетъ, комкая бумагу
и бросая на полъ.) Прочь! Прочь! Прочь!.. Діаволъ!..
(Падаеть въ кресло, плачетъ и смѣется, какъ въ припадкѣ.) Уходите,
оставьте меня!.. Господи!.. Господи!.. Что вы со мною дѣ-
лаете!.. Не могу! Не могу! Не могу!..

Палень (подавая воды).

Успокойтесь, ради Бога успокойтесь, ваше высочество...
Водичы испейте...

Александръ.

Уходите! Уходите! Оставьте меня!..

Палень.

Уйду — только не кричите же такъ, ради Бога... услы-
шатъ...

П а л е н ь (отойдя къ двери и глядя на Александра — тихо, съ презрѣніемъ).

Прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита, — ребенокъ, женщина!

А л е к с а н д р ь.

Петръ Алексѣичъ..

П а л е н ь не отвѣчаетъ.

А л е к с а н д р ь.

Петръ Алексѣичъ!

П а л е н ь.

Государь!

А л е к с а н д р ь.

Ну, давайте же...

П а л е н ь.

Что?

А л е к с а н д р ь.

Подписать.

П а л е н ь (стремительно бросаясь и подбирая съ пола бумагу)
Вотъ! Вотъ!

А л е к с а н д р ь подписываетъ.

П а л е н ь.

Уфъ! (Вытираетъ потъ съ лица.) Ну, а теперь..

А л е к с а н д р ь.

Нѣтъ, нѣтъ!.. Уходите!.. Уходите!.. Уходите!.. Оставьте меня ради Бога!..

П а л е н ь.

Ушелъ, ушелъ... только ручку позвольте, ручку, коей спасно отечество!

П а л е н ь цѣлуетъ руку А л е к с а н д р а и уходитъ. Александръ сидитъ въ креслѣ, точно такъ же какъ давеча П а в е л ь, откинувшись головой на спинку и закрывъ глаза. — Входитъ Е л и з а в е т а.

Е л и з а в е т а .

Саша? (Молчаніе.) Ты спишь, Саша?

А л е к с а н д р ь .

Нѣтъ.

Е л и з а в е т а .

Тутъ былъ Палень?

А л е к с а н д р ь .

Былъ.

Е л и з а в е т а .

Молчи, молчи... не надо... Я знаю... (Становясь на колѣни и цѣлуетъ руки Александра.) Саша, Саша, мальчикъ мой бѣдненькій!..

А л е к с а н д р ь .

Все равно.

Молчаніе.

А л е к с а н д р ь .

Нѣтъ бо власть еще не отъ Бога. Это намъ попъ говорилъ давеча въ церкви, когда присягали. Ну, а если государь — сумасшедшій, власть тоже отъ Бога? Сумасшедшій съ бритвою. И бритва отъ Бога? Хищный звѣрь, что вырвался изъ клѣтки... И царство звѣря — царство Божье? Ничего понять нельзя...

Е л и з а в е т а .

Это я, Саша, я!.. Я тебѣ сказала, что мы должны...

А л е к с а н д р ь .

Должны — и не должны. Надо — и нельзя. Нельзя — и надо. Кто жъ это такъ сдѣлалъ? Богъ, что ли, а?.. Ты вѣришь въ Бога, Лизхень?

Е л и з а в е т а .

Господи, Господи!.. Это я, я...

А л е к с а н д р ъ .

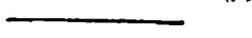
Ты? Нѣтъ, не ты и не я. Никто. И всѣ. Ничего понять нельзя. А, можетъ-быть, и не надо... ничего не надо... ничего нѣтъ .. и Бога нѣтъ?..

Е л и з а в е т а .

Не говори такъ... Страшно, страшно...

А л е к с а н д р ъ .

Все равно.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Собраніе заговорщиковъ въ квартирѣ генерала Талызина, въ Лейбъ-кампанскомъ корпусѣ Зимняго дворца.

Столовая — большая низкая комната, казарменнаго вида, со сводами и голыми выбѣленными стѣнами. По стѣнамъ — портреты царскихъ особъ; портретъ во весь ростъ императора Павла I въ порфирѣ, въ коронѣ, со скипетромъ. Въ глубинѣ—дверь на лѣстницу. Слѣва — дверь во внутреннія комнаты, канапэ и кафельная печка. Справа — два окна на Неву и Петропавловскую крѣпость; отсюда иногда слышится бой курантовъ. Посрединѣ комнаты — большой накрытый столъ со множествомъ бутылокъ; между окнами — меньшій столъ съ водками и закусками.

Ночь. Шандалы съ восковыми свѣчами. Только что кончили ужинать. Одни сидятъ еще за столомъ и пьютъ, другіе, стоя, разговариваютъ кучками. Заговорщиковъ болѣе сорока человѣкъ; всѣ — военные. Тѣсно, душно, накурено.

Гр. ПАЛЕНЪ, военный губернаторъ Петербурга. ТАЛЫЗИНЪ, командиръ Преображенскаго полка. ДЕПРЕРАДОВИЧЪ, командиръ Семеновскаго полка. БЕНИГСЕНЪ, ТУЧКОВЪ — генералы. ЗУБОВЫ — ПЛАТОНЪ, ВАЛЕРІАНЪ, НИКОЛАЙ, князья. КЛОКАЧЕВЪ, флотскій капитанъ-командоръ. ЯШВИЛЬ, кн. МАНСУРОВЪ, ТАТАРИНОВЪ, кн.—полковники. РОЗЕНЪ, бар. СКАРЯТИНЪ, штабсъ-капитанъ. ШЕНШИНЪ, капитанъ. ТИТОВЪ, ротмистръ. АРГАМАНОВЪ, плацъ-адъютантъ Михайловскаго замка. ВОЛКОНСКІЙ, кн. ДОЛГОРУКІЙ, ЕФИМОВИЧЪ — поручики. ФИЛАТОВЪ, МОРДВИНОВЪ—подпоручики. ГАРДАНОВЪ, корнетъ. ѲЕДЯ и КУЗЬМИЧЪ—денщики.

Г о л о с а.

Ура, свобода! Ура, Александръ!

С к а р я т и н ъ (штабсъ-капитанъ — Т а л ы з и н у).

Ваше превосходительство, еще бы шампанскаго дюжинку.

Т а л ы з и н ъ.

Пейте, господа, на здоровье.

Т а т а р и н о в ъ.

Жжонку, жжонку несутъ, зажигайте жжонку!

Р о з е н ъ (стоя у стола, читаетъ по тетрадкѣ).

Поелику подобаетъ намъ первѣе всего обуздать деспотичество нашего правленія...

С к а р я т и н ъ.

Что онъ читаетъ?

Г а т а р и н о в ъ.

Пункты Конституціи Россійской.

Ф и л а т о в ъ.

Вивать, конституція!

С к а р я т и н ъ.

Круглая шляпы да фраки, вивать!

Т а т а р и н о в ъ.

Пукли, пудру долой!

Ф и л а т о в ъ.

Долой цензуру! Вольтера будемъ читать!

С к а р я т и н ъ.

Банчишко метать, фараончикъ съ макашкою!

Т а т а р и н о в ь .

На тройкахъ, съ бубенцами, съ фореиторомъ — катая,
валяй, жги! Ура, свобода!

В о л к о н с к і й (сидя верхомъ на стулѣ и раскачиваясь,
пьяный, поеть).

Allons, enfants de la patrie!
Le jour de gloire est arrivé.

Д о л г о р у к і й (сидя передъ кн. Волконскимъ на полу,
безъ мундира, съ гитарой, пьяный, поеть).

Ахъ ты, сукинъ сынъ, Камаринскій мужикъ,
Ты за что, про что калачницу убилъ?

В о л к о н с к і й (Долгорукому).

Петенька, Петенька, пропляши казачка, утѣшь, родной!

Д о л г о р у к і й.

Отстань, чортъ!

Р о з е н ь (продолжая читать).

Тогда восприметь Россія новое бытіе и совершенно во
всѣхъ частяхъ преобразится...

Д е п р е р а д о в и ч ь (указывая на Платона Зубова).

Что такое съ княземъ?

Я ш в и л ь .

Медвѣжья болѣзнь — разстройство желудка, отъ страха.

Т а л ы з и н ь .

Трусъ! Подъ Катъкиными юбками обабился. Служба-то
отечеству не то, знать, что служба постельная: по ночамъ,
бывало, у дверей спальни мяукаетъ котомъ, зоветъ импера-
трицу на свиданіе; ему двадцать лѣтъ, а ей семьдесятъ — въ
морщинахъ вся, желтая, обрюзглая, зубы вставные, изо
рта пахнетъ — брр... съ тѣхъ поръ его и тошнить!

Д е п р е р а д о в и ч ъ .

За то чуть не самодержцемъ сталъ?

Т а л ы з и н ъ .

А теперь сталъ Брутомъ.

Я ш в и л ь .

Брутъ съ разстройствомъ желудка!

Д е п р е р а д о в и ч ъ .

Да вѣдь что, братцы, подѣлаешь? Революція въ собственномъ брюхѣ важнѣе всѣхъ революцій на свѣтѣ!

Т а л ы з и н ъ (подходя къ Зубову, который лежитъ на канапѣ).

Не полегчало, князь?

П л а т о н ъ З у б о в ъ .

Какое тамъ!

Т а л ы з и н ъ .

Гофманскихъ капель бы приняли.

П л а т о н ъ З у б о в ъ .

Ну ихъ, капли! Домой бы въ постель, да припарки... А я тутъ съ вами возись, чортъ бы побралъ этотъ заговоръ! Попадёмъ въ лапы Аракчееву, тѣмъ дѣло и кончится.

Р о з е н ъ (продолжая читать).

По тринадцатому пункту Конституціи Россійской...

Т а л ы з и н ъ .

Всѣхъ-то пунктовъ сколько?

Р о з е н ъ

Сто девяносто девять.

Т а л ы з и н ъ.

Батюшки! Этакъ, пожалуй, и къ утру не кончите.

Р о з е н ъ (продолжая читать).

По тринадцатому пункту Конституціи Россійской собирается Парламентъ...

С к а р я т и н ъ.

Это что за штука?

Т а т а р и н о в ъ.

Парламентъ — штука нѣмецкая...

Ф и л а т о в ъ.

Нѣмецъ обезьяну выдумалъ!

С к а р я т и н ъ.

А знаете, господа, у княгини Голицыной три обезьянки: когда одинъ самецъ да самочка амурятся, то другой смотритъ на нихъ, и представьте себѣ, тоже...

Говорить на ухо.

Т и т о в ъ.

Удивительно!

Т р о е — у закусочнаго стола.

П е р в ы й.

Послѣдняя цѣна — полтораста.

В т о р о й.

Хочешь сто?

П е р в ы й.

Что вы, сударь, Бога побойтесь! Хотя и крѣпостная, а все равно, что барышня. Шестнадцать лѣтъ, настоящій розанчикъ. Стирать и шить умѣеть.

В т о р о й.

Сто двадцать — и больше ни копейки.

П е р в ы й.

Ну, чортъ съ вами, — по рукамъ. Ужъ очень деньги нужны: въ пухъ проигрался.

Т р е т і й.

Такъ-то вотъ и у насъ въ полку штабсъ-капитанъ Раздиришинъ все, бывало, малолѣтнихъ дѣвокъ покупалъ и столько онъ ихъ перепортилъ, страсть!

Т р о е — у печки.

П е р в ы й.

Всѣ люди изъ рукъ природы выходятъ совершенно равными, какъ сказалъ господинъ Мабли.

В т о р о й.

Въ природѣ, сударь, нѣтъ равенства: и на деревѣ листь къ листу не приходится.

Т р е т і й.

Равенство есть чудовище, которое хочетъ быть королемъ.

П е р в ы й.

Неужели вы, господа, не разумѣете, что политическая вольность націи...

В т о р о й.

Вольность? Что такое вольность? Обманчивый есть шумъ и дымъ пустой.

М а н с у р о в ъ.

Все прахъ, все тлѣнь, все тѣнь: умремъ, и ничего не останется!

Т р е т і й.

Vous avez le vin triste, monsieur!

Ш е н ш и н ъ.

Ахъ ты, птенецъ, птенецъ! И какъ тебя сюда затащили?

Г а р д а н о в ъ.

Изъ трактира Демута, дяденька, за компанію. Пили тамъ—все такіе славные ребята. «Поѣдемъ, говорятъ, Вася, къ Талызину». Вотъ я и поѣхалъ.

Ш е н ш и н ъ.

Ну, куда же тебѣ въ этокое дѣло, мальчикъ ты маленькій?

Г а р д а н о в ъ.

Какой же я маленькій, помилуйте, мнѣ скоро двадцать лѣтъ. Вчера предложеніе сдѣлалъ—стишокъ сочинилъ, хотите скажу? Только на ушко, чтобъ никто не слышалъ.

Зачѣмъ въ безуміи стараться
Востокъ съ полуднемъ соединить?
Чтобъ вѣчно въ радости смѣяться,
Довольно Машеньку любить.

Е ф и м о в и ч ъ.

По исчисленію господина Юнга Штиллинга, кончина міра произойдетъ черезъ тридцать пять лѣтъ.

Т а т а р и н о в ъ.

Ого! Да вы сударь, фармазонъ, что ли?

Е ф и м о в и ч ъ.

Мы—священники, персть Горусовъ на устахъ держащіе и книги тайствъ хранящіе.

Т а т а р и н о в ъ (тихо).

Просто—мошенники: въ мутной водѣ рыбу ловятъ.

Е ф и м о в и ч ъ.

Наша наука въ эдемѣ еще открылась.

Т и т о в ъ.

Удивительно!

Е ф и м о в и ч ъ .

А извѣстно ли вамъ, государи мои, что по системѣ Канта...

С к а р я т и н ъ .

Это еще что за Кантъ?

Е ф и м о в и ч ъ .

Нѣмецкій филозофъ.

Ф и л а т о в ъ .

Нѣмецъ обезьяну выдумалъ!

С к а р я т и н ъ .

А я вамъ говорю, братцы, у княгини Голицыной три обезьянки: когда самецъ и самочка...

К л о к а ч е в ъ .

Какъ же, знаю, знаю господина Канта—въ Кенигсбергѣ видѣлъ: старичокъ бѣленькій да нѣжненькій, точно пуховочка — все по одной аллѣе ходитъ взадъ и впередъ, какъ маятникъ—говоритъ скоро и невразумительно.

Е ф и м о в и ч ъ

Ну, такъ вотъ, государи мои, по системѣ Кантовой—Божество неприступно есть для человѣческаго разума...

Т а т а р и н о в ъ .

А слышали, господа, намедни, въ Гостиномъ дворѣ, подпоручикъ Ѳомкинъ доказалъ публично, какъ дважды два четыре, что никакого Бога нѣтъ?

Т и т о в ъ .

Удивительно!

Т а л ы з и н ъ .

Господа, господа, намъ нужно о дѣлѣ, а мы чортъ не знаетъ о чемъ!

М а н с у р о в ъ.

Какія дѣла! Умремъ—и ничего не останется: все прахъ,
все тлѣнь, все тѣнь.

Д о л г о р у к і й (поеть).

Ахъ, ты, сукинъ сынъ, Камаринскій мужикъ,
Ты за что, про что калачницу убилъ?

С к а р я т и н ъ.

А я тебѣ говорю, ёсть Богъ!

Т а т а р и н о в ъ.

А я тебѣ говорю, нѣтъ Бога!

В о л к о н с к і й.

Петенька, Петенька, пропляши казачка, миленькій!

Д о л г о р у к і й.

Отстань, чорты!

Г о л о с а.

Слушайте! Слушайте!

Т а л ы з и н ъ (читаетъ).

Отреченіе отъ престола императора Павла I.—Мы, Павелъ I-й, милостью Божьей, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, и прочее, и прочее, безпристрастно и непри-
нужденно объявляемъ, что отъ правленія государства Рос-
сійскаго навѣкъ отрицаемся, въ чемъ клятву нашу предъ Богомъ, и всецѣлымъ свѣтомъ приносимъ. Вручаемъ же престоль сыну и законному наслѣднику нашему, Александру Павловичу.

Р о з е н ъ.

А гдѣ же конституція?

Т а л ы з и н ъ.

Александръ—наша конституція!

Г о л о с а.

Вивать, Александръ!

Т а л ы з и н ь.

Мы, господа, на совѣсть. Извольте и то разсудить, что государь самодержавный не имѣетъ права законно власть свою ограничить, понеже Россія вручила предкамъ его самодержавіе нераздѣльное...

Б и б и к о в ь.

Помилуйте, господа, изъ-за чего же мы стараемся? Изъ-за круглыхъ шляпъ да фраковъ, что ли?

Г о л о с а.

Круглая шляпы да фраки, вивать! Вивать, свобода!

К л о к а ч е в ь.

Не угодно ли будетъ, государи мои, выслушать прожектъ о соединеніи областей Россійской имперіи, по образцу Сѣверо-Американской республики?

П л а т о н ь З у б о в ь.

А вотъ, погодите, задастъ вамъ ужь Аракчеевъ республику!

Шумъ, крики.

О д н и.

Вивать, самодержавіе!

Д р у г і е

Вивать, конституція!

Т у ч к о в ь.

А миѣ что-то, ребятушки, боязно—ужь не чортъ ли насъ путаетъ?..

Т а л ы з и н ь.

Господа, господа! Дайте же слово сказать...

Г о л о с а.

Слушайте! Слушайте!

Т а л ы з и н ь.

Россійская имперія, столь велика...

П е р в ы й.

Велика Ѳедора да дура.

В т о р о й.

Ничего въ Россіи нѣтъ: по внѣшности есть все, а на дѣлѣ—нѣтъ ничего.

Т р е т ı й.

Россія—метеоръ: блеснулъ и пропалъ.

М а н с у р о в ь.

Умремъ—и ничего не останется: все прахъ все тлѣнь, все тлѣнь.

Г о л о с а.

Слушайте! Слушайте!

Т а л ы з и н ь.

Россійская имперія столь велика и обширна, что, кромѣ государя самодержавнаго, всякое иное правленіе неудобно-возможно и пагубно...

Г о л о с а.

Вѣрно! вѣрно! Къ чорту конституцію! Это все нѣмцы придумали, враги отечества, фармазоны проклятые!

Т а л ы з и н ь.

Ибо что, господа, зримъ въ Европѣ? Просвѣщеннѣйшій изъ всѣхъ народовъ сбросилъ съ себя златыя цѣпи порядка гражданскаго, опрокинулъ алтари и троны и, какъ потокъ, надутый всѣми мерзостями злочестія, и разврата, выступилъ изъ береговъ своихъ, угрожая затопить Европу...

Т а т а р и н о в ъ.

Европа вскорѣ погрузится въ варварство...

Т а л ы з и н ъ.

Одна Россія, какъ нѣкій колоссъ непоколебимый, стоитъ, и основаніе онаго колосса—вѣра православная, власть самодержавная

Г о л о с а.

Вивать, самодержавіе! Вивать, Россія!

Ї к а р я т и н ъ.

Россія спасетъ Европу!

Т и т о в ъ.

Удивительно!

М о р д в и н о в ъ.

Граждане російскіе...

В о л к о н с к і й.

Петенька, Петенька; пропляши казачка!

Д о л г о р у к і й.

Отстань, чорты!

Г о л о с а.

Слушайте! Слушайте!

М о р д в и н о в ъ.

Граждане російскіе! Можетъ ли быть вольность политическая тамъ, гдѣ нѣтъ простой человѣческой вольности, и гдѣ миллионы рабовъ томятся подъ властью помѣщиковъ? Звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что мы оставляемъ крестьянству? То, чего отнять не можемъ,—воздухъ. Обратимъ же взоры наши на человѣчество и устыдимся, граждане! Низлагая тирана, да не будемъ сами тиранами—освободимъ рабовъ...

Т а т а р и н о в ъ.

А Емельку Пугачева забыли?

С к а р я т и н ъ.

Освободи ихъ, отродіе хамово, такъ они намъ горло перервутъ.

М о р д в и н о в ъ.

Граждане російскіе...

О д н и.

Слушайте! Слушайте!

Д р у г і е.

Довольно!

М о р д в и н о в ъ.

Блюдитесь же, граждане! День мщенія грядетъ—возстанутъ рабы и цѣпями своими разобьютъ намъ головы и кровью нашею нивы свои обагрятъ. Плаха и петля, мечъ и огонь—вотъ что насъ ждетъ. Будетъ, будетъ сіе!.. Взоръ мой пронцаетъ завѣсу временъ... Я зрю сквозь цѣлое столѣтіе... я зрю...

Г о л о с а.

Молчите! Молчите! Довольно!

Т а т а р и н о в ъ.

Вы оскорбляете, сударь, честь дворянства російскаго! Мы не позволимъ...

Т а л ы з и н ъ.

Господа, мы все не о томъ—намъ нужно о дѣлѣ, а мы чортъ знаетъ о чемъ!

Г о л о с а.

Въ чемъ же дѣло, говорите!

Т а л ы з и н ъ.

А дѣло въ томъ, что если государь отреченья не подпишетъ, какъ намъ быть?

О д н и.

Арестовать!

Д р у г і е.

Въ Шлиссельбургъ!

Т а л ы з и н ь.

Легко сказать—Шлиссельбургъ. Войска ему преданы, освободятъ и что тогда?

Б е н и г с е н ь.

Messieurs, le vin est tiré, il faut le boire. У государя самодержавнаго корону отнять и сохранить ему жизнь, есть дѣло невозможное.

Всѣ сразу умолкли; такая тишина, что слышится бой курантовъ за Невою, на Петропавловской крѣпости.

Т у ч к о в ь.

О-хо-хо! Царя убить—страшное дѣло...

Д е п р е р а д о в и ч ь.

Помазанникъ Божій...

Ш е н ш и н ь.

Присяга—не шутка...

Е ф и м о в и ч ь.

И въ Писаніи сказано: Бога бойтесь, царя чтите.

Б и б и к о в ь.

Государи мои милостивые! Для всякаго ума просвѣщеннаго невинность тиранубійцы есть математическая ясность: ежели, скажемъ, нападетъ на меня злодѣй и, вознесши надъ главою моею кинжалъ...

Я ш в и л ь.

Эхъ, господа, чего канитель-то тянуть? Намедни онт меня по лицу ударилъ, а таковыя обиды кровью смываются

Г о л о с а .

Вѣрно! Вѣрно! Кровь за кровь. Смерть тирану!

Г а р д а н о в ъ (вскочивъ на стуль).

Ликуйте, склепанны народы,
Пылай, кровавая заря—
Се, правосудіе свободы
На плаху возвело царя!

Г о л о с а .

Смерть тирану! Смерть тирану! Ура, свобода!

В а л е р і а н ъ З у б о в ъ (съ деревянною ногою).

Нѣтъ, господа! Я, одинъ на одинъ, хоть съ чортомъ биться готовъ, но сорокъ человѣкъ на одного—воля ваша, я не запятнаю шпаги моею таковою подлостью!

Б и б и к о в ъ .

Лучше сорокъ на одного, чѣмъ одинъ на сорокъ милліоновъ—туть, говорю, математика...

О д н и .

Къ чорту математику! Не хотимъ! Не надо! На надо!

Т у ч к о в ъ .

Жаль Пāvлушку...

Д р у г і е .

А коли вамъ жаль, такъ ступайте, донесите!

П л а т о н ъ З у б о в ъ .

Господа, разойдемся, а то арестуютъ—тѣмъ дѣло и кончится.

Т а л ы з и н ъ .

Что вы, князь? Сами кашу заварили, а теперь на попятный?

П л а т о н ъ З у б о в ъ .

Да вѣдь не я одинъ, а вотъ и они...

О д н и.

Князь правду говорить—толку не быть—разойдемся.

Д р у г і е.

Труссы! Шпіоны! Предатели!

О д и н ъ.

Какъ вы, сударь, смѣете?..

Кто-то въ кого-то пускаетъ бутылкою.

Г о л о с а.

Ваше превосходительство, тутъ дерутся!

Г о л о с а

Тише, тише вы тамъ, черти, анаемы!

Т а л ы з и н ъ.

Господа, господа, какъ вамъ не стыдно? Отечество въ опасности, а вы...

Крики, смятеніе. Платонъ Зубовъ пробирается къ выходу.

В а л е р і а н ъ З у б о в ъ.

Куда ты, Платонъ?

П л а т о н ъ З у б о в ъ.

Домой.

В а л е р і а н ъ З у б о в ъ.

Братъ, а братъ, да ты и вправду струсилъ, что ли?

П л а т о н ъ З у б о в ъ.

А ты чего хорохоришься? На деревяшкѣ-то своей не далеко ускачешь. И не самъ ли сейчасъ говорилъ, что убивать не пойдешь?

В а л е р і а н ъ З у б о в ъ.

Не пойду убивать, но умирать пойду за отечество!

П л а т о н ъ   З у б о в ъ .

Ну, братъ, знаемъ—Кузькина мать собиралась умирать... Да ну же, полно дурить, пусти!

В а л е р і а н ъ   З у б о в ъ .

Не пущу!

П л а т о н ъ   З у б о в ъ   (толкаетъ его).

Пусти, чорты!

В а л е р і а н ъ   З у б о в ъ   (обнажая шпагу).

Стой, подлець! Заколю!

П л а т о н ъ   З у б о в ъ   (кидаясь на него со шпагою).

Ахъ ты, каракатица безногая! Я тебя!..

Бьются. Ихъ разнимають.

Т а л ы з и н ъ

Платонъ Александровичъ! Валеріанъ Александровичъ!
Братъ на брата...

Стукъ въ наружную дверь.

П л а т о н ъ   З у б о в ъ   (въ ужасѣ, падая навзничь на стуль).

Аракчеевъ!..

Смятеніе.

Г о л о с а .

Аракчеевъ! Аракчеевъ! Бѣгите!

Т а л ы з и н ъ .

Господа, что вы? Богъ съ вами, какой Аракчеевъ? Это Палень—мы Палена ждемъ!

Г о л о с а .

Палень, Палень! Экъ перетрусилнѣ

Т а л ы з и н ъ   (у двери).

Кто тамъ?

Г о л о с ъ (изъ-за двери).

Да я же, я, Николай Зубовъ. Отпирайте, чортъ побери, ошалѣли, что ли?

Талызинъ отпираетъ. Входитъ Н и к о
л а й З у б о в ъ.

Т а л ы з и н ъ.

Ну, батюшка, напугали.

Н и к о л а й З у б о в ъ.

А что?

Т а л ы з и н ъ.

Думали, Аракчесвъ...

Н и к о л а й З у б о в ъ.

Типунъ вамъ на языкъ—зачѣмъ его поминаете къ ночи?

Т а л ы з и н ъ.

А вы гдѣ же, сударь, пропадали?

Н и к о л а й З у б о в ъ.

Болѣлъ.

Т а л ы з и н ъ.

Животикъ тоже, какъ у братца?

Н и к о л а й З у б о в ъ.

Не животъ, а чортъ.

Т а л ы з и н ъ.

Чортъ? Въ какомъ же видѣ?

Н и к о л а й З у б о в ъ.

Въ видѣ генерала Аракчеева.

Т а л ы з и н ъ.

Тьфу, скверность!

Н и к о л а й   З у б о в ъ .

Да, сперва по ночамъ душиль, а потомъ и днемъ являть-ся сталъ: куда ни обернусь все эта рожа паскудная,—торчитъ, будто бы, подъ бокомъ да шепчетъ на ухо: «Поди, донеси, а то арестую». И такая на меня тоска напала, такая, братцы, тоска—ну, просто смерть! Пойду-ка, думаю, къ знахаркѣ: съ уголька не спрыснетъ ли? Поутру сегодня ранешенько иду мимо Лѣтняго сада, по набережной; темень, слякоть, склизко; на мостикѣ Лебяжьемъ споткнулся, упалъ, едва ногу не вывихнулъ; ну, думаю, шабашъ, тутъ меня Аракчеевъ и сцапаетъ. Гляжу,—а на снѣгу образокъ лежитъ малюсенькій, вотъ этотъ самый,—видите? Николай Угодникъ Мценскій.

Т и т о в ъ .

Удивительно!

Н и к о л а й   З у б о в ъ .

Подобралъ, перебѣжалъ по мосткамъ на Петербургскую къ Спасу, отслужилъ молебенъ, да какъ запѣли: «Отче, святителю Николаю! моли Бога о насъ», — такъ меня словно что осѣнило: ахъ, батюшки, думаю, да вѣдь это онъ самъ святитель-то, ангель мой, благословилъ меня иконкою! И все какъ рукой сняло—ничего я теперь не боюсь: и вы, братцы, не бойтесь—Никола вывезетъ!

Т а л ы з и н ъ .

Никола-то Николою, а мы тутъ, ваше сіятельство, чуть не перессорились...

Н и к о л а й   З у б о в ъ .

Изъ-за чего?

Т а л ы з и н ъ .

А если отреченья государь не подпишетъ, такъ что дѣ-лать?

Н и к о л а й   З у б о в ъ .

Что дѣлать? Убить какъ собаку—и кончено!

Г о л о с а .

Убить! Убить! Собакъ собачья смерть! Смерть тирану!

Б и б и к о в ъ (въ изступленіи).

Не ему одному, а всѣмъ! Пока не перерѣжемъ ихъ всѣхъ, не истребимъ гнѣздо проклятое,—не будетъ въ Россіи свободы!

О д н и .

Всѣхъ! Всѣхъ! Бить такъ бить!

Д р у г і е .

Что вы, что вы, братцы!.. Бога побойтесь!

Н и к о л а й З у б о в ъ .

Небойсь, ребята, бойсь,—Никола вывезетъ!

Стукъ въ дверь. Опять, какъ давеча, смятеніе.

Г о л о с а .

Аракчеевъ! Вотъ когда Аракчеевъ... Бѣгите! Бѣгите!

Т а л ы з и н ъ (у двери).

Кто тамъ?

Г о л о с ъ (изъ-за двери).

Графъ Палень.

Т а л ы з и н ъ отпираетъ дверь. Входитъ П а л е н ъ .

П а л е н ъ .

Ну, что, господа, какъ у васъ тутъ? Все ли готово?

Т а л ы з и н ъ .

Все, ваше сіятельство! Только вотъ никакъ сговориться не можемъ.

П а л е н ъ .

Не говорить, а дѣлать надо. Одно, друзья, помните: не разбивши яицъ, не состряпаешь яичницы.

Т а т а р и н о в ъ .

Это что же значить? А?

С к а р я т и н ъ .

Яйца—головы царскія, а яичница—революція, что ли?

П а л е н ъ .

Ну, господа, времени терять нечего—идемъ!

Г о л о с а .

Идемъ! Идемъ!

П а л е н ъ .

На два отряда раздѣлимся: одни со мною, другіе съ княземъ Платономъ...

П л а т о н ъ З у б о в ъ .

Нѣтъ, графъ, на меня не рассчитывайте.

П а л е н ъ .

Что такое?

П л а т о н ъ З у б о в ъ .

Не могу—боленъ.

П а л е н ъ .

Что вы, что вы, Платонъ Александровичъ, батюшка, помилуйте, въ послѣднюю минуту,—прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита.

Б е н и г с е н ъ .

Не извольте беспокоиться, графъ! Князь, правда, боленъ. Но это пройдетъ—у меня для него отличное средство... (Платону Зубову.) Ваше сіятельство, на два слова. (Палену.) А вы, графъ, пока раздѣляйте отряды.

Бенигсенъ отводитъ Платона Зубова въ сторону.

П а л е н ь.

Господа, кому угодно со мною, сюда пожалуйста, направо, а прочіе, съ княземъ,—налѣво.

Всѣ стоять, не двигаясь.

П а л е н ь.

Ну, что же? Раздѣляйтесь... (Молчаніе.) А, понимаю...

Самъ разставляетъ всѣхъ по очереди.

П а л е н ь.

Со мной—съ княземъ, со мной—съ княземъ.

П л а т о н ь   З у б о в ь   и   Б е -
н и г с е н ь — в ь   с т о р о н ь .

П л а т о н ь   З у б о в ь .

Что вамъ, сударь, угодно?

Б е н и г с е н ь .

А то что если вы...

П л а т о н ь   З у б о в ь .

Оставьте меня въ покоѣ!

Б е н и г с е н ь .

Если вы...

П л а т о н ь   З у б о в ь .

Убирайтесь къ чорту!

Б е н и г с е н ь .

Если вы сейчасъ не согласитесь итти съ нами, я васъ убью на мѣстѣ.

Вынимаетъ пистолеть.

П л а т о н ь   З у б о в ь .

Что за шутки!

Б е н и г с е н ь .

А вотъ увидите, какъ шучу.

Взводитъ курокъ.

П л а т о н ь З у б о в ь .

Перестаньте, перестаньте же, Леонтій Леонтьевичъ...

Б е н и г с е н ь .

Рѣшать извольте, пока сосчитаю до трехъ. Разъ—идете?

П л а т о н ь З у б о в ь .

Послушайте...

Б е н и г с е н ь .

Два—идете?

П л а т о н ь З у б о в ь .

Э, чортъ...

Б е н и г с е н ь .

Три.

П л а т о н ь З у б о в ь .

Иду, иду!

Б е н и г с е н ь .

Ну, давно бы такъ. (П а л е н у.) Князь идетъ—пилюли изрядно подѣйствовали.

П а л е н ь .

Ну, вотъ и прекрасно. Значить, все готово. Хозяинъ, шампанскаго! Выпьемъ—и съ Богомъ.

Д е п р е р а д о в и ч ь

Ваше сіятельство, а какъ же мы въ замокъ войдемъ?

П а л е н ь (указывая на А р г а м а к о в а).

А вотъ Александръ Васильичъ проведетъ—ему всѣ ходы извѣстны.

А р г а м а к о в ь .

Отъ Лѣтняго сада черезъ канавку по малому подъемному мостику.

Я ш в и л ь .

А если не опустятъ?

А р г а м а к о в ъ .

По командѣ моей, какъ плацъ-адъютанта замка, опустятъ.

Д е п р е р а д о в и ч ъ .

А потомъ?

А р г а м а к о в ъ .

Потомъ черезъ Воскресенскія ворота, что у церкви, во дворъ и по витой лѣстницѣ прямо въ переднюю къ дверямъ спальни.

Я ш в и л ь .

Караула въ передней много ли?

А р г а м а к о в ъ .

Два камеръ-гусара.

Д е п р е р а д о в и ч ъ .

Изъ нашихъ?

А р г а м а к о в ъ .

Нѣтъ. Да съ двумя-то справимся.

Д е н щ и к и подаютъ на подносахъ бокалы съ шампанскимъ.

П а л е н ь (подымая бокаль).

Съ новымъ государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Ура!

В с ѣ .

Ура! Ура!

Б е н и г с е н ь (отводя Палена въ сторону).

Игра-то, кажется, не стоитъ свѣчь?

П а л е н ь .

Почему?

Б е н и г с е н ь .

А потому, что съ этими господами революціи не сдѣлаешь. Низложивъ тирана, только утвердимъ тиранство.

П а л е н ь .

Ваше превосходительство, теперь поздно...

Б е н и г с е н ь

Поздно, да, — или рано. А жаль. Вѣдь можно бы... Эхъ!.. Ну, да все равно. *Le vin est tiré, il faut le boire.* Идемте.

П а л е н ь .

Идемте, господа!

Г о л о с а .

Идемъ! Идемъ! Ура!

Т а л ы з и н ь .

Ваше сіятельство, какъ же такъ? — вѣдь мы ничего не рѣшили...

Г о л о с а .

Довольно! Довольно! Идемъ! Ура!

Всѣ уходятъ. Два денщика, старый — Кузьмичъ и молодой—Федя, гасятъ свѣчи, убираютъ со стола, сливаютъ изъ бокаловъ остатки вина и пьютъ.

Ф е д я .

Дяденька, а дяденька, грѣхъ-то какой — вѣдь они его убьютъ?

К у з ь м и ч ь .

Убьютъ, Федя, не миновать, убьютъ.

Ф е д я .

Какъ же такъ, дяденька, а? Царя-то?.. Ахъ ты, Господи, Господи!

К у з ь м и ч ь .

Да что, братъ, подѣлаешь? Отъ судьбы не уйдешь: убили Алешеньку, убили Иванушку, убили Петеньку, убьютъ и Павлушку. Выпьемъ-ка, Ѳедя за новаго.

Ѳ е д я .

Выпьемъ, Кузьмичъ! А только какъ же такъ, а? И какой-то еще новый будетъ?

К у з ь м и ч ь .

Не лучше стараго, чай. Да намъ, что новый, что старый, все едино, — кто ни попъ, тотъ и батька.

Ѳедя поднимаетъ съ пола гитару, брошенную къ н. Долгорукимъ, и, какъ бы о другомъ думая, тихонько перебираетъ струны. Кузьмичъ сперва тоже тихо, потомъ все громче подпѣваетъ.

К у з ь м и ч ь .

Аха ты, сукинъ сынъ, Камаринскій мужикъ,
Ты за что, про что калачницу убилъ?
Я за то, про то калачницу убилъ,
Что не съ солию калачики пекла,
Не поджаристые.

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Комната княгини А н н ы Гага р и н о й. Налѣво — дверь въ спальню; въ глубинѣ — дверь на лѣстницу, ведущую въ апартаменты государя. Направо — каминъ съ огнемъ. Въ углу стѣнные часы. Ночь.

ПАВЕЛЪ и АННА.

А н н а сидитъ въ креслѣ у камина.
П а в е л ь у ногъ А н н ы, положивъ
голову на ея колѣни, дремлетъ.

А н н а.

Баю-баюшки-баю! Спи, Пáвлушка, спи, родненькій!

П а в е л ь.

Какіе у тебя глазки ясные — точно два зеркальца — вижу въ нихъ все и себя вижу маленькимъ, маленькимъ... А знаешь, Аннушка, когда я такъ лежу головой на колѣняхъ твоихъ, то будто и вправду я маленькій, и ты на рукахъ меня держишь, баюкаешь...

А н н а.

Спи, маленькій, спи, дѣточка!

П а в е л ь.

Сплю, не сплю, а все что-то грезится давнее-давнее, дѣтское, такое же маленькое, какъ вотъ въ глазахъ твоихъ. Большое-то забудешь, а малое помнится. Бывало, за день обидитъ кто, ляжешь въ постель, съ головой одѣяломъ укроешься и плачешь такъ сладко, какъ будто и радъ, что обидѣли... Ты это знаешь, Аннушка?

А н н а.

Знаю, милый! Нѣтъ слаще тѣхъ слезъ — пусть бы, кажись, всегда обижали, только бы плакать такъ...

П а в е л ь.

Вотъ, вотъ!.. А тебя кто обижаль?

А н н а.

Мачеха

П а в е л ь

А меня мать родная... Ну, да не надо объ этомъ... Зато, когда весело, такъ весело — расшались, бывало, съ Борей Куракинымъ, со стола учительскаго скатерть сдернемъ и ну кататься, валяться — пыль столбомъ. Изъ шкаповъ книжныхъ полки повытаскаемъ, мосты военные строимъ. А лошадки, солдатики! А тамъ ужъ и дѣла сердечныя... Влюбляться-то чуть не съ колыбели началъ. Въ томахъ Энциклопедіи Французской — книжищахъ преогромныхъ, больше меня самого — все изъясненіе къ слову Amour ищу и съ фрейлинами — противъ насъ жили во флигелѣ — въ окна переглядываемся. Не зналъ еще, что такое любовь, а ужъ дня не могъ прожить безъ страсти. Подышу на зеркало и выведу пальцемъ имя возлюбленной, а услышу, идутъ — сотру поскорѣе. Разъ на балу персикъ укралъ, спряталъ въ карманъ, чтобъ любезной отдать, да забылъ, сѣлъ, раздавилъ, по штанамъ потекло — срамъ! А красавицы-то, не шутя, на плутишку заглядывались: я вѣдь тогда, — не то что теперь, курносый уродъ, — мальчикъ былъ прехоршенькій. Портретикъ мой помнишь? Гдѣ онъ? Покажи-ка.

А н н а снимаетъ съ шеи цѣпочку съ медальономъ и подаетъ П а в л у.

П а в е л ь (глядя на портретъ).

А-а! Я и забылъ, что мы тутъ вдвоемъ: на одной половинкѣ — я, на другой — онъ. Ровесники. Обоимъ лѣтъ по двѣнадцати. И похожи-то какъ! Двѣ капли воды. Не разберешь, гдѣ я, гдѣ онъ. Точно близнецъ, аль двойникъ. Ну

да и не диво—вѣдь сынъ родной, первенецъ, плоть и кровь моя, мальчикъ мой милый!.. Александръ, Александръ!

Ломаеть медальонъ и бросаетъ въ огонь.

П а в е л ь.

Будь онъ проклятъ! проклятъ! проклятъ!

А н н а.

Что ты, Пáвлушка? Сына родного...

П а в е л ь.

Отцеубійца!

А н н а.

Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрь, напгали тебѣ — Александръ невинень...

П а в е л ь.

Невинень? Онъ-то невинень? Да знаешь ли, что онъ со мною сдѣлать хотѣлъ? Пусть бы просто убилъ — какъ разбойникъ, ночью пришелъ и зарѣзалъ... Такъ нѣтъ же, нѣтъ! Не тѣло, а душу мою умертвить онъ хотѣлъ — лишитъ меня разума... Съ ума-то свести можно всякаго, только стой все кругомъ, да подмигивай: «вотъ, молъ, сходитъ, сходитъ съ ума!» Хоть кого, говорю, возьми, не выдержишь — взбѣсится... А сошелъ бы съ ума, — посадили бы на цѣпь, пришли бы дразнить, какъ звѣря въ клѣткѣ, и я бы вылъ, вылъ, вылъ, какъ звѣрь, или какъ вѣтеръ—слышишь?—въ грубѣ воетъ — у-у-у!..

А н н а.

Не надо, не надо, Пáвлушка миленькій! А то вѣдь и вправду можно...

П а в е л ь.

Можно! А ты что думала? Когда тяжесть Россіи, тяжесть Европы, тяжесть міра, вся на одной головѣ,—съ ума сойти можно. Богъ да я — больше никого, вотъ что тяжко,—

человѣку, пожалуй, и не вынести... Тронъ мой — крестъ мой, багряница — кровь, корона — терновый вѣнецъ, иглы пронзили мнѣ голову... За что, за что, Господи?.. Да будетъ воля Твоя... Но тяжело, тяжело, тяжело!..

Падаеть на колѣни.

А н н а (обнимая и цѣлуя голову П а в л а).

Павлушка, бѣдный ты мой, бѣдненькій!..

П а в е л ь.

Да, — «Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!» — Знаешь, кто это сказалъ?

А н н а.

Кто?

П а в е л ь.

Петръ.

А н н а.

Кто?

П а в е л ь.

Государь императоръ Петръ I, мой прадѣдъ.

А н н а.

Во снѣ?

П а в е л ь.

Наяву.

А н н а.

Привидѣніе?

П а в е л ь.

Не знаю. А только видѣлъ я его, видѣлъ вотъ какъ тебя вижу сейчасъ. Давно было, лѣтъ двадцать назадъ. Шли мы разъ ночью зимою съ Куракинымъ по набережной. Луна свѣтло, почти какъ днемъ, только на снѣгу тѣни черныя Ни души, точно все вымерло. На Сенатскую площадь вышли гдѣ нынче памятникъ. Куракинъ отсталъ. Вдругъ слышу рядомъ кто-то идетъ — гляжу — высокій, высокій, въ черномъ плащѣ, шляпа низко — лица не видать. «Кто это?»

говорю. А онъ остановился, снялъ шляпу — и узналъ я— государь императоръ Петръ I. Посмотрѣлъ на меня долго, скорбно да ласково такъ, головой покачалъ и два только слова молвилъ, тѣ же вотъ, что ты сейчасъ: «Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!»

А н н а.

И что же?

П а в е л ь.

Не помню. Упалъ я, вѣрно, безъ чувствъ. Только, какъ пришелъ въ себя, вижу, Куракинъ надо мною хлопочетъ, нѣгомъ виски третъ. «Это, говоритъ, у васъ отъ желудка». Что жъ, можетъ-быть, и отъ желудка. Никто ничего не знаетъ. А ты вѣришь въ привидѣнія, Аннушка?

А н н а.

Не знаю... Не надо объ этомъ... страшно...

П а в е л ь.

Да, страшно. Все страшно, — о чемъ ни подумаешь, какъ въ яму провалишься... Никто ничего не знаетъ... Таскалъ говаривалъ, что вещь наималѣйшая такая для него есть бездна темноты, что разсудку на то не достанетъ... Такъ вотъ и я всего боюсь, а больше всего бояться боюсь... Ну, да правда твоя — не надо объ этомъ... Лучше опять такъ — головой на колѣняхъ твоихъ — тихо, тихо — баю-баюшки-баю...

А н н а.

Баю-баюшки-баю! Спи, Пáвлушка, спи, родненькій.

П а в е л ь.

Давнее-давнее, дѣтское... Клѣточка для чижиговъ, одинъ чижижъ прикованъ къ столбику съ обручемъ, а внизу вода—самъ таскаетъ ведерышкомъ; клѣточка, будто бы, пустынь, а чижижъ — пустынный, «Дмитріемъ Ивановичемъ» звать, а другой на волѣ, тотъ — «Ванька слуга»...

А еще столовые часики фарфоровые, бѣлыя, съ цвѣточками золотыми да розовыми... Когда солище на нихъ, то въ цвѣточкахъ веселіе райское...

Часы на стѣнѣ быють три четверт-
одиннадцатаго.

П а в е л ь.

Спать пора. Дастъ Богъ, усну сегодня сладко — снить ся будетъ, что баюкаешь... А вѣтеръ-то въ трубѣ опять какъ воетъ, слышишь? — у-у-у! Точно мой Шпиць. Собачонка проклятая — весь день выла — подъ ногами все вертится въ глаза глядитъ и воетъ... Ну, прощай, Аннушка, спи съ Богомъ!

П а в е л ь встаетъ. А н н а съ внезап-
нымъ порывомъ обнявъ его, прижимаетс-
къ нему.

П а в е л ь.

Что ты?

А н н а.

Не уходи! Не уходи!

П а в е л ь.

Да что, что такое?

А н н а.

Не знаю... Страшно...

П а в е л ь.

Напугалъ привидѣніями, что ли?

А н н а.

Не знаю... нѣтъ... не то...

П а в е л ь.

Такъ что же?

Молчаніе. А н н а еще крѣпче прижи-
мается къ П а в л у и дрожитъ.

П а в е л ь.

А, вотъ что! Думаешь, убьютъ. Небось, не убьютъ. Пусть-ка сунутся, попробуютъ. Ребятущекъ моихъ намедни видѣла, какъ любятъ меня? Коли что — умрутъ, а не выдадутъ. Ну, да и Палень, чай, не дуракъ.

А н н а.

Палень—измѣнникъ.

П а в е л ь.

А вотъ посмотримъ, — я уже послалъ за Аракчеевымъ—завтра же узнаемъ все.

А н н а.

Завтра? А если въ эту ночь?..

П а в е л ь.

Небось, говорю, не успѣютъ. Да и какъ имъ войти сюда? Послѣ вечерней зори — всѣ ворота заперты, мосты подняты: мы тутъ въ замкѣ, какъ въ осажденной крѣпости—рвы глубокие, стѣны гранитныя, бойницы съ пушками — цѣлымъ войскомъ не взять.

А н н а.

А все-таки страшно, Пáвлушка!.. Прости ты меня, глупую... Видно, и я, какъ собачка твоя... Ну, родненькій, ну, миленькій, ну что тебѣ стоитъ?.. Останься, побудь со мной до утра...

П а в е л ь.

Что вы, княгиня? «Cela ne convient pas», -- какъ говорить ея величество... Нѣтъ, не шутя, сударыня, я не хочу, чтобъ называли любовницей Павла ту, которую скоро назовутъ императрицею Всероссійской... Завтра же... Какой завтра день?

А н н а.

Понедѣльникъ.

П а в е л ь.

А, тяжелый день... Ну да для кого — понедѣльникъ, а для насъ — воскресенье. Завтра же я нанесу великій ударъ — падуть на плахѣ головы, нѣкогда мною любимыя... Завтра старому конецъ — и новая, новая жизнь — воскресіе!.. Ну, прощай, а то вѣдь и вправду, пожалуй...

А н н а.

Останься! Останься!

П а в е л ь.

Нѣтъ, нѣтъ! Какъ вамъ не стыдно? Трусъ я, что ли? Миѣ ли, самодержцу, великаго Прадѣда правнуку, бояться этой сволочи? Взгляну — и побѣгутъ, дохну — и разсѣются? Яко таетъ воскъ отъ огня, побѣгутъ нечестивые! Съ нами Богъ! Не бойся же, Анна, и помни — съ нами Богъ!

П а в е л ь обнимаетъ Анну и уходитъ. Анна падаетъ въ кресло и сидитъ неподвижно, какъ бы въ оцѣпенѣніи, глядя на огонь въ каминѣ. Потомъ подбѣгаетъ къ двери, въ которую ушелъ П а в е л ь.

А н н а.

Павлушка! Павлушка! (Прислушивается.) Ушелъ...

Возвращается на прежнее мѣсто у камина, садится и опускаетъ голову на руки.

А н н а.

Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Двѣ комнаты. раздѣленныя стѣною; направо — узкая прихожая-коридоръ; налево — спальня государя. Въ стѣнѣ — двойная дверь, соединяющая обѣ комнаты.

Въ глубинѣ прихожей запертая дверь на маленькую витую лѣстницу во дворъ. Далѣе — печка и скамья для часовыхъ. Направо — дверь въ пріемную и окно на Нижній Лѣтній садъ. На полу фонарь.

Въ глубинѣ спальни — маленькая походная кровать безъ занавѣсокъ, съ ширмами; ночникъ. Направо — голландская печка, на ножкахъ; забитая наглухо дверь въ апартаменты государыни. Стѣны обложены деревомъ, крашенымъ въ бѣлый цвѣтъ.

Павелъ, въ бѣломъ полотняномъ камзолѣ, въ ночномъ колпакѣ спитъ на постели.

Въ прихожей два часовыхъ камеръ-гусара, Ропшинскій, помоложе, и Кирилловъ, постарше, дремлютъ на скамьѣ у печки.

Ропшинскій встаетъ, зѣваетъ, потягивается, подходитъ къ двери спальни, пріотворяетъ первую наружную дверь, прикладываетъ ухо къ замочной скважинѣ и прислушивается.

Кирилловъ.

Спитъ?

Ропшинскій.

Спитъ.

Кирилловъ.

Ну, слава Богу. Теперь до утра, чай, не проснется. Умаялся, столько-то ночей не спавши.

Р о п ш и н с к і й.

Какъ легъ, такъ и заснулъ, точно ключъ ко дну пошелъ. И помолиться не успѣлъ.

К и р и л л о в ъ.

Ну, Богъ проститъ! Что другое, а къ молитвѣ усерденъ. Въ прежніе-то годы, въ Гатчинскомъ дворцѣ, бывало, такъ-то ночью тоже стоишь на часахъ у спальни и все сквозь двери слышишь, какъ молится, вздыхаетъ да охаетъ, лбомъ объ полъ колотитъ, земные поклоны кладетъ — на паркетѣ протерты, и нынче видать, словно двѣ ямочки.

П а в е л ъ (во снѣ).

Часики фарфоровые бѣлые съ цвѣточками... Когда на нихъ солнце, то въ цвѣточкахъ веселіе райское...

Р о п ш и н с к і й (прислушиваясь).

Бредитъ.

К и р и л л о в ъ.

Ничего. Всегда во снѣ говоритъ, иной разъ по-русски, а иной по-французски, внятно такъ, будто наяву; ежели въ день былъ веселъ, то бредитъ спокойно, а ежели какія противности, то и сквозь сонъ говоритъ угрюмо и гнѣваться изволитъ... О-хо-хо, грѣхи наши тяжкіе... Сохрани и помилуй Царица Небесная... Ложись-ка, Степа!

.. Р о п ш и н с к і й.

Нѣтъ, я посижу, Данилычъ, а то какъ лягу, не добудишься.

К и р и л л о в ъ.

Ну, съ Богомъ! А я тутъ у печки прикорну — дѣло наше старое — поясницу что-то ломитъ — не къ морозу ли? Дай Богъ мороза да солнышка...

К и р и л л о в ъ разстиляетъ шинель на полу и укладывается. Р о п ш и н с к і й дремлетъ, сидя на скамьѣ и прислонившись головой къ печкѣ. Сначала издали, потомъ все ближе и ближе, наконецъ, у самыхъ оконъ, на деревьяхъ Лѣтняго сада, слышится воронье карканье.

Р о п ш и н с к і й.

Слышишь, Данилычъ?

К и р и л л о в ъ.

А что?

Р о п ш и н с к і й.

Воронье-то раскаркалось.

К и р и л л о в ъ.

Да, вишь, проклятыя! И съ чего это ночью имъ вздумалось? Не къ добру, ой, не къ добру!.. То собачонка выла весь день, а то воронье. Какъ бы государя не взбудили. Спугнулъ ихъ, что ли, кто? Да кому ночью по саду ходить?.. Погляди-ка, Степка, что тамъ такое?

Р о п ш и н с к і й (глядя въ окно).

Не видать—стекло замерзло. Вверху будто пройсиѣло, вызвѣздило, а внизу не то вьюга мететь, не то люди идутъ — много людей... войско...

К и р и л л о в ъ.

Какое тамъ войско, Господь съ тобой! Спросонокъ, чай, мерещится.

Р о п ш и н с к і й.

Можетъ, и мерещится — мутно, бѣло — не видать...

Отходить къ скамѣ.

К и р и л л о в ъ.

Ну то-то... Дѣло ночное — всяко бываетъ. А то оградишь крестомъ да молитвою — чуръ насъ, чуръ,—тебя и не тронетъ. (Крестится и зѣваетъ.) О-хо-хо, грѣхи наши тяжкіе... Сохрани и помилуй, Царица Небесная...

К и р и л л о в ъ и Р о п ш и н с к і й
засыпаютъ. Воронье карканье стихаетъ.
Фонарь чадитъ и гаснетъ. Въ окнѣ голубоватыѣ отсвѣтъ лунной вьюги.

П а в е л ь (во снѣ).

Сашенька, Сашенька, мальчикъ мой миленькій!..

Стукъ съ лѣстницы въ наружную
дверь прихожей.

К и р и л л о в ь (просыпаясь).

Стучатъ!.. Степа, а Степа?

Р о п ш и н с к і й (въ полуснѣ).

Воронье... воронье... Охъ, Данилычъ, что мнѣ присни-
лось-то... (Совсѣмъ проснувшись.) А? Что?.. Стучатъ?..

К и р и л л о в ь.

О, Господи! Ужъ не бѣда ли какая?.. Помилуй, Царица
Небесная!.. (Надѣвъ саблю и подойдя къ двери.) Кто тамъ?

Г о л о с ь А р г а м а к о в а (изъ-за двери).

Отворяй! Отворяй!

К и р и л л о в ь.

Да кто? Кто такой?

Г о л о с ь А р г а м а к о в а.

Оглохъ ты, старая тетеря, не слышишь, что ли, по го-
лосу? Я, я — Аргамакъ, плацъ-адъютантъ...

К и р и л л о в ь.

Александръ Васильевичъ ваше высокоблагородіе, чего
угодно?..

Г о л о с ь А р г а м а к о в а.

Продери-ка глаза, пьяная рожа! Аль забылъ, съ кѣмъ
говоришь?.. Я къ его величеству съ рапортомъ.

К и р и л л о в ь.

Государь почивать изволятъ, ваше высокоблагородіе,—
будить не велѣно...

Г о л о с ь   А р г а м а к о в а .

Врешь, дуракъ! О пожарахъ и ночью докладывать вѣтѣно

К и р и л л о в ь .

Пожаръ? Гдѣ пожаръ?

Г о л о с ь   А р г а м а к о в а .

Въ Адмиралтействѣ. Да чортъ тебя дерн, долго ли мнѣ тутъ съ тобой разговаривать?.. Ужо на гауптвахтѣ выпорю, такъ узнаешь, сукинъ сынъ, какъ команды не слушаться... Отворяй!

К и р и л л о в ь .

Сейчасъ, сударь! сейчасъ. Фонарь потухъ, темно, ключа не найду... (Тихо Ропшинскому). Степа, а Степа? Бѣды бы не вышло?.. Не взбудить ли государя, что ли?..

Р о п ш и н с к і й .

Нѣтъ, Данилычъ, упаси Боже будить — убьетъ... Пусть ужъ полковникъ самъ, какъ знаетъ, а наше дѣло — сторона.

Г о л о с ь   А р г а м а к о в а .

Отворяй же! Отворяй, чортъ, анаеема!

Р о п ш и н с к і й .

Вишь, какъ лютъ, — пожалуй, и вправду, засѣчетъ. Отворяй-ка скорѣе, Данилычъ!

К и р и л л о в ь .

О, Господи, Господи! Помилуй, Царица Небесная...

Отпирается дверь. Входитъ А р г а м а к о в ь . За нимъ — Б е н и г с е н ь , кн. Я ш в и л ь , Б и б и к о в ь , Т а т а р и н о в ь . С к а р я т и н ь , Н и к о л а й и П л а т о н ь З у б о в ы , съ глухими фонарями и шпагами наголо.

К и р и л л о в ъ.

Кто такіе?.. Кто такіе?.. Ой, ой... батюшки... Карауль!..

Р о п ш и н с к і й (убѣгая направо).

Карауль!

К и р и л л о в ъ (выхвативъ саблю изъ ноженъ и становясь
передъ дверью спальни).

Стой! Стой!

З а г о в о р щ и к и окружаютъ К и
р и л л о в а.

Н и к о л а й З у б о в ъ.

Саблю долой!

Ударомъ шпаги выбиваетъ у К и р и л
л о в а саблю и ранитъ его въ руку.

К и р и л л о в ъ (падая).

Государь! Государь! Бунтъ!

П а в е л ъ (на мгновенье проснувшись, приподымается
на постели).

Кто тамъ? Кто тамъ? (Падаетъ навзничъ и опять, засыпая,
бредитъ.) Сашенька, Сашенька, мальчикъ мой милый... я
такъ и зналъ... ну, слава Богу...

Я ш в и л ь (приставивъ дуло пистолета къ виску
К и р и л л о в а).

Молчи—убью!

А р г а м а к о в ъ (хватая кн. Я ш в и л я за руку).
Что вы, князь, — всѣхъ перебудите.

Н и к о л а й З у б о в ъ.

Ротъ платкомъ! Тащи внизъ!

К и р и л л о в у затыкаютъ ротъ и ста-
скиваютъ по лѣстницѣ.

А р г а м а к о в ъ.

А другой?

Николай Зубовъ.
Убѣжалъ.

Платонъ Зубовъ.
Бѣда! Тревогу подыметъ.

Бенигсенъ.
Не успѣетъ. А наши-то гдѣ?

Николай Зубовъ.

Разбѣжались. Кто на лѣстницѣ да на дворѣ отсталъ, а кто — въ саду; какъ давеча вороны-то раскакались, всѣ перетрусили.

Бенигсенъ.

Ну, чортъ съ ними! Насъ и такъ довольно. Только скорѣе, скорѣе! (Подойдя къ дверямъ спальни, открываетъ наружную дверь и пробуетъ отворить внутреннюю.) Изнутри заперся — значитъ тамъ. (Прислушивается.) Вѣрно, спитъ. У кого инструментъ?

Аргаматовъ
Здѣсь.

Бенигсенъ.
Отпирайте.

Аргаматовъ (Платону Зубову).
Фонарь подержите.

Голоса заговорщиковъ (съ лѣстницы).
Бѣгите! Бѣгите! Тревога!

Платонъ Зубовъ.
Господа, слышите?..

Дрожатъ и роняетъ фонарь.

Бенигсенъ.
Эхъ, князь, теперь не время дрожать!

П а в е л ь (просыпаясь).

Кто?.. Кто?.. Кто?..

Соскочивъ съ постели, подбѣгаетъ къ двери и прислушивается.

Б е н и г с е н ь.

Инструментъ, что ли, испортился?

А р г а м а к о в ь.

Нѣтъ, да замокъ аглицкій, съ фокусомъ — отмычка не беретъ.

Н и к о л а й З у б о в ь.

Ну-ка, плечомъ, — авось, подастся.

Напираетъ плечомъ на дверь. Дверь трещитъ. П а в е л ь отбѣгаетъ въ противоположный конецъ спальни, забивается въ уголь у печки за ширмами и плотно прижимается, какъ будто расплющивается, весь бѣлый на бѣлой стѣнѣ, почти невидимый. Дверь открывается. З а г о в о р щ и к и вбѣгаютъ въ спальню.

Я ш в и л ь (освѣтивъ постель фонаремъ).

Убѣжалъ!

Н и к о л а й З у б о в ь.

Куда? Не въ окно же выскочилъ?

Б е н и г с е н ь (пощупавъ постель).

Le nid est chaud, l'oiseau n'est pas loin.

Ищутъ, заглядываютъ въ шкапы, подъ кресла, подъ столъ, подъ кровать.

П л а т о н ь З у б о в ь (указывая подъ ширмы).

Ноги!

Б и б и к о в ь.

Тьфу! Точно въ прятки играемъ...

Бенигсенъ (отодвигая ширмы).

Онъ!

Николай Зубовъ.

Да что съ нимъ такое? Будто не живой...

Бенигсенъ.

Ваше величество...

Аргаматовъ.

Не слышитъ.

Скарятинъ.

Отъ страха ошалѣлъ — столбнякъ.

Николай Зубовъ.

А вотъ посмотримъ.

Подноситъ фонарь къ лицу Павла и тихонько однимъ пальцемъ дотрогивается до руки его. Павелъ весь, съ головы до ногъ, вздрагиваетъ и отпрядываетъ отъ стѣны, какъ будто хочетъ броситься на заговорщиковъ. Всѣ отступаютъ.

Павелъ (быстро и невнятно, какъ въ бреду).

Что?.. Что?.. Что?.. Что?.. Что?.. Что?..

Бибиковъ.

Экая мерзость!.. Господа, нельзя же такъ... Чортъ знаетъ, что такое! Кончайте скорѣе!

Бенигсенъ (Платону Зубову).

Князь, отреченіе у васъ? Ступайте же, ступайте, говорите, какъ рѣшили. Да ну же, ну!..

Платонъ Зубовъ (вытирая потъ съ лица).

Сейчасъ...сейчасъ... я только неіного...

Бенигсенъ (подталкивая Платона Зубова).

Да ну же, ну, ступайте!.. Э, чортъ васъ дерит!..

Платонъ Зубовъ выступаетъ впередъ, держа въ рукахъ манифестъ.

Платонъ Зубовъ.

Sire, nous venons au nom de la patrie... Нѣтъ, не могу... Дурно...Воды!..

Бенигсенъ (вырвавъ у Платона Зубова манифестъ).

Ну васъ къ чорту! (Подойдя къ Павлу.) Ваше величество, вы арестованы...

Павель.

Арестованъ?.. Арестованъ?.. Что значить арестованъ?..

Бенигсенъ.

Арестованы и низложены. Государь-наслѣдникъ, Александръ Павловичъ, объявленъ императоромъ. На вашу жизнь никто посягнуть не осмѣлится: я буду охранять особу вашего величества. Только предайтесь намъ совершенно. Въ случаѣ же сопротивленія малѣйшаго, я не отвѣчаю...

Павель.

Господи!.. Господи!.. Господи!.. Что я вамъ сдѣлалъ?.. Что я вамъ сдѣлалъ?..

Николай Зубовъ.

Четыре года тиранилъ, злодѣй!

Татариновъ.

Давно бы съ тобою покончить!

Бенигсенъ.

Господа, перестаньте! Мы пришли сюда для спасенія отечества, а не для низкаго мщенія. (Подавая Павлу манифестъ.) Sire, ayez l'obligeance de signer sur le champs cet acte d'abdication...

Н и к о л а й З у б о в ъ .

Эхъ, генераль, чего французить! Лучше мы по-русски... Ну-ка, Павелъ Петровичъ, добромъ говоримъ — отрекайся, а то, сударь, плохо будетъ!

П а в е л ь (подымая руки вверхъ, торжественно, внезапно измѣнившимся голосомъ).

Я... я... я... помазанникъ Божій... Самодержецъ Всероссийскій!.. Убейте, убейте!.. Не отрекусь!.. Съ нами Богъ!.. Съ нами Богъ!..

Н и к о л а й З у б о в ъ .

Видите, совсѣмъ ряхнулся. Что съ нимъ разговаривать?.. Кончать надо!

С к а р я т и н ъ .

Не разбивши яицъ, не сдѣлаешь яичницы!

Толпа остальныхъ заговорщиковъ вбѣгаетъ съ лѣстницы въ прихожую. Шумъ, крики, смятеніе.

Г о л о с а (въ прихожей).

Бѣгите! Бѣгите! Спасайтесь!

Б е н и г с е н ъ .

Что такое?

Т а л ы з и н ъ (вбѣгая изъ прихожей въ спальню).

Скорѣе, скорѣе! Кончайте! Карауль идетъ!

П а в е л ь (бросаясь къ двери).

Карауль! Карауль! Помогите!

Б е н и г с е н ъ (со шпагою наголо, заступая дорогу П а в л у).

Restez tranqui!, Sire, il y va de vos jours!

П а в е л ь .

Пустите! Пустите! Карауль!

Н и к о л а й   З у б о в ъ .

Чего орешь.

Хватаетъ П а в л а за руку. П а в е л ь
вырываетъ у него руку. Н и к о л а й
З у б о в ъ ударяетъ его кулакомъ по
виску. Онъ падаетъ. Толпа изъ прихо-
жей врывается въ спальню

Г о л о с а .

Скорѣе! Скорѣе! Скорѣе! Идутъ!

П а в е л ь (подымаясь).

Помогите! Помогите, ребятушки!

К н. Я ш в и л ь кидается на П а в л а .
Оба падаютъ. На нихъ наваливаются
другіе, передніе — на заднихъ, образуя
кучу копошащихся тѣлъ. Ширма опроки-
нута. Ночникъ погасъ. Свалка

Б е н и г с е н ь .

Стой! Стой!

Н и к о л а й   З у б о в ъ .

Небось, братцы, Никола вывезетъ. Бей!

Г о л о с а .

Бей! Смерть тирану!

Я ш в и л ь .

Шпагу! Шпагу давай!

Н и к о л а й   З у б о в ъ .

Зачѣмъ шпагу? Не надо крови. Души!

Т а т а р и н о в ъ .

Веревку!

А р г а м а к о в ъ .

Веревки-то нѣтъ.

Скарятинъ.

Подушками!

Николай Зубовъ.

Гдѣ тутъ возиться!

Татариновъ.

Шарфомъ!

Скарятинъ.

Вотъ!

Татариновъ.

Петлю!

Скарятинъ.

Готово!

Николай Зубовъ

Надѣвай!

Скарятинъ.

Выбился, чортъ!

Павель.

Помогите, помогите!

Татариновъ.

Ну же, тyani!

Скарятинъ.

Руку подсунулъ — не стянешь!

Павель.

Ради Бога! Ради Бога! Помолиться!

Татариновъ.

Стягивай! Стягивай! Стягивай!

Павель.

Александръ! Александръ!

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Парадная лѣстница Михайловскаго замка; гранитныя ступени между двумя балюстрадами изъ сѣраго сибирскаго мрамора и пилястрами изъ полированной бронзы. Двѣ площадки, верхняя и нижняя; съ нижней — двѣ лѣстницы между мраморными колоннами, направо — во дворъ замка, налево — въ апартаменты Александра; съ верхней — дверь направо въ апартаменты Павла, налево — въ Тронную залу; въ глубинѣ — большое окно-дверь на балконъ и площадь передъ замкомъ.

Раннее, еще темное утро. Потомъ свѣтаетъ.

МАРІА ѲЕОДОРОВНА. АЛЕКСАНДРЪ. КОНСТАНТИНЪ. ЕЛИЗАВЕТА. ПАЛЕНЪ, гр. БЕНИГСЕНЪ. ТАЛЫЗИНЪ. АРГАМАКОВЪ. НИКОЛАЙ и ПЛАТОНЪ ЗУБОВЫ, кн. ЯШВИЛЬ, кн. ТАТАРИНОВЪ. СКАРЯТИНЪ. МАРИНЪ. ПОЛТОРАЦКІЙ. РОДЖЕРСОНЪ. ГОЛОВКИНЪ, гр. ГОЛИЦЫНЪ, кн. НАРЪШКИНЪ. КУШЕЛЕВЪ. ЛИВЕНЪ, кн. АМВРОСІЙ-МИТРОПОЛИТЬ. ИСИДОРЪ ДУХОВНИКЪ. Духовенство. Придворныя чины.

Истопникъ. Чиновникъ. Солдаты.

На лѣстницѣ никого. Темнота. Тишина. На нижнюю площадку справа выбѣгаетъ Марія Ѳеодоровна, съ распущенными волосами, въ ночной рубашкѣ, въ туфляхъ на босую ногу, въ шубѣ, накинутой на одно плечо, спадающей и волочащейся по полу. За нею — княгиня Ливенъ.

Марія Ѳеодоровна.

Paulchen! Paulchen! Paulchen!

Взбѣгаетъ навверхъ по лѣстницѣ, спотыкается, падаетъ, теряетъ туфлю, встаетъ и бѣжитъ дальше.

Л и в е н ь .

Ваше величество... погодите... туфля туфля... ваше величество!

Марія Теодоровна убѣгаетъ направо; за нею — кн. Л и в е н ь . На нижнюю площадку справа входитъ поручикъ Полторацкій, за нимъ — солдаты.

П о л т о р а ц к і й .

Ребята, за царя!

Полторацкій съ обнаженною шпагою взбѣгаетъ до середины лѣстницы, за нимъ — солдаты. На верхнюю площадку справа выходитъ Палень и Беннгсенъ.

П а л е н ь .

Карауль, стой!

П а л е н ь .

Солдаты останавливаются.

Его величество государь императоръ Павелъ I скончался апоплексическимъ ударомъ. Государь наслѣдникъ Александръ Павловичъ изволилъ вступить на престолъ.

Молчаніе; потомъ глухой ропотъ солдатъ.

С о л д а т ы .

Не вѣрь, братцы, не вѣрь!.. Убили, убили! Злодѣи!..

П а л е н ь .

Смирно-о! (Полторацкому.) Извольте, поручикъ, сводить карауль!

П о л т о р а ц к і й .

Ваше сіятельство...

П а л е н ь .

Молчать! Какъ вы смѣете, сударь, команды не слушаться?.. (Солдатамъ.) Я васъ всѣхъ ужю, сукины дѣти... пикни только!

Полторацкій (солдатамъ).

Смирно-о!

Ропоть стихаетъ.

Полторацкій.

На плечо-о!

Солдаты берутъ на плечо.

Полторацкій

Направо-кругомъ-маршъ!

Полторацкій и солдаты,
сойдя по лѣстницѣ, уходятъ направо.

Палень.

Уфъ! Еще минута — и бросились бы на насъ... прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита!

Бенигсенъ.

Только покойникъ и спасъ.

Палень.

Покойникъ?

Бенигсенъ.

Ну, да, вышколилъ такъ, что довольно 'скомандовать, чтобы стали машинами.

Голосъ Маріи Θεодоровны (за дверью).

Пустите! Пустите! Пустите!

Палень.

Что такое?

Бенигсенъ (заглядывая въ дверь).

Государыня!

Голосъ кн. Яшвиля.

Вытащите вонъ эту бабу!

Г о л о с ь М а р и н Ѳ е о д о р о в н ы .
Paulchen! Paulchen!.. Ой-ой-ой!..

Б е н и г с е н ь .
Однако, не церемонятся... Видѣли?

П а л е н ь .
А что?

Б е н и г с е н ь .
Татариновъ схватилъ ее въ охапку и понесъ, какъ ношу.

На верхнюю площадку справа входитъ
лейбъ-медикъ Р о д ж е р с о н ь .

П а л е н ь .
А, докторъ! Ну, что, какъ у васъ тамъ?

Р о д ж е р с о н ь .
Раньше ночи не поспѣемъ.

П а л е н ь .
Что вы, сударь, помилуйте! Сегодня же надо выставить.

Р о д ж е р с о н ь .
Невозможно, графъ! Сами видѣтъ изволили, на что по-
хожъ — узнать нельзя, такъ искалѣчили.

П а л е н ь .
Мерзавцы! Какъ же, генераль, хоть вы бы удержали?

Б е н и г с е н ь .
Удержишь ихъ! Звѣри! Мертваго били.

П а л е н ь .
Что же дѣлать, докторъ, а?

Р о д ж е р с о н ь .
Сдѣлаемъ, что можно — только не торопите. Тамъ те-
перь два живописца работаютъ.

П а л е н ь.

Живописцы?

Р о д ж е р с о н ь

Да, красятъ. Только, знаете, господа, съ мертвеца-то на мертвецѣ портретъ писать не очень пріятно. Старичокъ, учитель рисованія — изъ Академіи Художествъ привезли— такъ испугался, что едва параличъ не хватилъ. Другой, помоложе, все храбрится. Только если и онъ за эту ночь посѣдѣетъ, я не удивлюсь... Что еще сказать-то я хотѣлъ?.. Затѣмъ и пришелъ, да вотъ не вспомню... Кажется, и у меня голова не въ порядкѣ... Да, да, за такія ночи люди сѣдѣютъ...

П а л е н ь.

Успокойтесь, докторъ! А то, ежели всѣ мы потеряемъ голову...

Р о д ж е р с о н ь.

Постойте-ка, дайте припомнить... Ахъ, да, — языкъ!

П а л е н ь.

Языкъ?

Р о д ж е р с о н ь.

Ну, да, что съ языкомъ дѣлать? Высунулся, распухъ, никакъ въ ротъ не всунешь, — придется отрѣзать...

П а л е н ь.

Ну, будетъ, будетъ! Ступайте, дѣлайте, что хотите, — только, ради Бога, оставьте насъ въ покоѣ и кончайте скорѣе.

Р о д ж е р с о н ь уходитъ. Поручикъ
М а р и н ь входитъ на нижнюю площад-
ку слѣва.

М а р и н ь.

Его величество.

П а л е н ь.

Не пускать! Скажите, что нельзя...

М а р и н ъ.

Говорили. Не слушаетъ, плачетъ, рвется сюда. Не удержишь. Руки на себя наложить хочетъ... Да вотъ и самъ.

А л е к с а н д р ъ взбѣгаетъ по лѣстницѣ.

А л е к с а н д р ъ.

Батюшка! Батюшка! Батюшка!

Хочетъ войти въ дверь направо. П а л е н ъ не пускаетъ.

П а л е н ъ.

Ваше величество, государь родитель...

А л е к с а н д р ъ.

Вы его...

П а л е н ъ.

Скончался.

А л е к с а н д р ъ.

Убили!

Падаетъ безъ чувствъ на руки Б е н и г с е н а и П а л е н а.

П а л е н ъ.

Доктора!

М а р и н ъ выбѣгаетъ и тотчасъ возвращается съ Роджерсономъ. Александра кладутъ на полъ и стараются привести въ чувство.

П а л е н ъ.

Ну, что?

Р о д ж е р с о н ъ.

Надо быть осторожнѣе, графъ, а то можетъ скверно кончиться... Пока отнести бы въ спальню.

П а л е н ъ.

Несите!

М а р и н ъ (въ дверь направо).

Ребята, сюда!

Входятъ караульные солдаты.

М а р и н ъ.

Подымай! Легче, легче!

М а р и н ъ, Р о д ж е р с о н ъ и солдаты сносятъ на рукахъ А л е к с а н д р а по лѣстницѣ. Всѣ уходятъ. Лѣстница долго остается пустою. —Свѣтаетъ. Въ окнѣ ясное зимнее утро, голубое небо и первые лучи солнца. На нижнюю площадку справа входятъ и с т о п н и к ъ и ч и н о в н и к ъ.

Ч и н о в н и к ъ.

Умеръ ли? Точно ли умеръ, а?

И с т о п н и к ъ.

Да говорятъ же, умеръ, Оома Невѣрный!

Ч и н с в н и к ъ.

А бальзамируютъ?

И с т о п н и к ъ.

Сейчасъ потрошатъ, а къ вечеру и бальзамируютъ.

Ч и н о в н и к ъ.

Ну, значитъ, умеръ! Слава Те, Господи!.. (Крестится.) Аллилуія, аллилуія и паки аллилуія! Съ новымъ государемъ, кумъ! Поцѣлуемся...

И с т о п н и к ъ.

Ну тебя, отстань! Вишь, нализался...

Ч и н о в н и к ъ.

Выпилъ, братъ, есть грѣхъ, да какъ на радостяхъ-то не выпить. Весь городъ пьянъ — въ погребахъ ни бутылки

шампанскаго. А на улицахъ-то — народу тьма тьмушая. Снуютъ, бѣгаютъ, словно ошалѣли все — обнимаются, цѣлуются, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. И денекъ-то выдался свѣтлый такой, — то все была слякоть да темень, а нынче съ утра солнышко, будто нарочно для праздника. Ну, да и подлинно праздникъ — Воскресеніе, Воскресеніе Россіи... Ура!

И с т о п н и к ъ

Тише ты! Услышать — долго ли до грѣха? — бѣды съ тобой наживешь...

Ч и н о в н и к ъ

Небось, кумъ, теперь — свобода... Иду я давеча сюда по Мойкѣ, а навстрѣчу офицеръ гусарскій по самой серединѣ панели верхомъ скачетъ, кричитъ: «Свобода! Гуляй, душа. — все позволено!»

И с т о п н и к ъ .

Рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла... Да ну же, ступай, говорятъ, ступай — слышь, идутъ..

И стопникъ и чиновникъ уходятъ направо. Роджерсонъ и Маринъ входятъ на нижнюю площадку слѣва.

М а р и н ъ .

Пойду, доложу его сіятельству.

Р о д ж е р с о н ъ .

Попросите же, чтобъ графъ поосторожнѣе, а то, ежели опять, какъ давеча, — я ни за что не отвѣчаю — разсудка можетъ лишиться.

М а р и н ъ .

Слушаю-съ.

Маринъ, взойдя по лѣстницѣ, уходитъ направо. Роджерсонъ — лѣво. Ки. Платонъ Зубовъ и оберъ-церемоніймейстеръ графъ Голубкинъ входятъ на верхнюю площадку слѣва.

П л а т о н ъ З у б о в ъ .

Всѣмъ чинамъ военнымъ и гражданскимъ въ Зимній дворецъ, въ Большую церковь съѣзжаться для учиненія присяги. Митрополита и духовенство повѣстить не забудьте.

Г о л о в к и н ъ .

Митрополитъ внизу, въ церкви ждетъ.

П л а т о н ъ З у б о в ъ .

Зачѣмъ? Кто просилъ?

Г о л о в к и н ъ .

Самъ пріѣхалъ. Панихиды служить.

П л а т о н ъ З у б о в ъ .

Панихидъ не будетъ, пока тѣло не выставятъ. Такъ и скажите дураку — пусть во дворецъ ѣдетъ.

Г о л о в к и н ъ .

Слушаю-съ.

П л а т о н ъ З у б о в ъ .

Eh bien, comte, qu'est ce qu'on dit du changement?

Г о л о в к и н ъ .

Mon prince, on dit que vous avez eté un des romains.

П л а т о н ъ З у б о в ъ .

Да, дѣло было жаркое—потрудились мы на пользу отечества...

Уходятъ. Александръ входитъ на нижнюю площадку слѣва. Елизавета и Роджерсонъ ведутъ его подъ руки.

Р о д ж е р с о н ъ .

Потихоньку, потихоньку, ваше величество! Присядьте, отдохнуть извольте...

Камеръ-лакей приноситъ стулъ и уходитъ. Александръ садится. Елизавета даетъ ему нюхать спиртъ.

А л е к с а н д р ь .

Ничего... прошло... Только вотъ голова немного... Все забываю... Что, бишь, я говорилъ-то, Лизанька? А?

Е л и з а в е т а .

Объ отреченіи, Саша!

Роджерсонъ, взойдя по лѣстницѣ, уходитъ направо.

А л е к с а н д р ь

Да, отреченіе... А ты мнѣ что? Вотъ опять забылъ...

Е л и з а в е т а .

Я говорила, что сейчасъ нельзя—послѣ...

А л е к с а н д р ь .

Послѣ... послѣ... всю жизнь... всегда—каждый день, каждый часъ, каждую минуту—то же, что сейчасъ вотъ—это—и больше ничего... Какъ съ этимъ жить, какъ съ этимъ царствовать? Ты знаешь?.. Я не знаю... я не могу... пусть кто можетъ... а я не могу...

Е л и з а в е т а .

Что же дѣлать, Саша? Надо...

А л е к с а н д р ь .

Надо... и нельзя — опять, какъ тогда, помнишь? — надо и нельзя, нельзя и надо. Что жъ это, что жъ это такое, Господи?.. Сойти бы съ ума, что ли... не думать, не помнить... забыть... О-о-о... Нѣтъ, не забудешь... Годы пройдутъ, вѣчность пройдетъ, а это — никогда, никогда!..

Е л и з а в е т а становится на колѣни, обнимаетъ и цѣлуетъ голову Александра.

Е л и з а в е т а .

Ну, полно же, полно... Сашенька... родненькій...

А л е к с а н д р ъ .

Хорошо... не буду... Только что еще сказать-то я хотѣлъ? Что, бишь, такое?.. Да, да...власть отъ Бога... *нѣтъ бо власть еще не отъ Бога...* И это — опять, какъ тогда... А знаешь, Лизанька, вѣдь тутъ что-то неладно... А ну, какъ не отъ Бога власть самодержавная? Ну, какъ тутъ мѣсто проклятое — станешь на него и провалишься?.. Проваливались всѣ до меня — и я проваляюсь... Ты думаешь, съ ума схожу, брежу?.. Нѣтъ, я теперь знаю, что говорю, — можетъ, потомъ и забуду, а теперь знаю... Тутъ, говорю, чортъ къ Богу близко, близехонько — Бога съ чортомъ спутали такъ, что не распутаешь!..

Марія Θεодоровна входитъ на нижнюю площадку справа. Она въ утреннемъ шлафроку, волосы не убраны, на головѣ шаль.

А л е к с а н д р ъ .

Матушка!

Подходитъ къ Маріи Θεодоровнѣ, хочетъ обнять ее, но, взглянувъ ей въ лицо, отступаетъ. Она смотритъ на него долго и пристально, какъ будто не узнаетъ.

М а р і я Т е о д о р о в н а .

А-а, ваше высочество... ваше величество... Вы — здѣсь. А тамъ были?.. Нѣтъ?.. Я оттуда сейчасъ... не пускали... Заднимъ ходомъ прошла — карауль поставитъ забыли... Видѣла... Ступайте же и вы посмотрите...

А л е к с а н д р ъ .

Матушка! Матушка!

Марія Θεодоровна

Теперь васъ поздравляю: вы — императоръ!

Александръ падаетъ на колѣни, закрывъ лицо руками. Марія Θεодоровна, не взглянувъ на него, проходитъ мимо, налѣво. Елизавета и Роджерсонъ бросаются къ Александру, поднимаютъ и усаживаютъ. Паленъ, Бенигсенъ, Аргамаконъ, Талызинъ, Депре-радовичъ, Николай Зубовъ, Татаринновъ и другіе заговорщики входятъ на верхнюю площадку справа.

Аргамаконъ (тихо Палену).

Ваше сіятельство, въ Преображенскомъ неладно.

Паленъ.

Что такое?

Аргамаконъ.

Шумятъ, команды не слушаютъ, «покажите, говорятъ, государя покойнаго, а то присягать не будемъ!»

Паленъ.

Сейчасъ нельзя — не убрано.

Аргамаконъ.

Какъ бы не вышло бѣды, ужъ очень бунтуютъ.

Паленъ (тихо).

Подождите, приберемъ немного, и пустимъ два ряда, покажемъ издали. Чортъ съ ними, коли такъ преданы, пускай наглядятся.

Съ площади доносится стукъ барабана, звуки трубъ, возрастающій гулъ голо-совъ, крики войскъ. Заговорщики въ смятеніи приходятъ, уходятъ, бѣгаютъ, кричатъ, машутъ руками, указываютъ и заглядываютъ въ окна.

Г о л о с а   з а г о в о р щ и к о в ъ .

Слышите? Бунтъ? Бунтъ? Чего же смотрите? Гдѣ государь? Государя къ войскамъ! Скорѣе! Скорѣе! Скорѣе!

Паленъ, Бенигсенъ, Николай Зубовъ, Татариновъ и другіе заговорщики сбѣгаютъ по лѣстницѣ и окружаютъ Александра.

П а л е н ъ .

Ваше величество, пожалуйста... Что такое? Опять обморокъ?

Е л и з а в е т а .

Ничего, пройдетъ. Только погодите минутку.

П а л е н ъ .

Ждать ни минуты нельзя. Если государь къ войскамъ не выйдетъ тотчасъ же, можетъ быть бунтъ. — Пожалуйста ваше величество!

А л е к с а н д р ъ .

Не надо! Не надо!

П а л е н ъ .

Полно, государь! Не время теперь. Благополучіе сорока милліоновъ людей зависитъ отъ вашей твердости. Пожалуйста пожалуйста же, ваше величество!..

Паленъ и Бенигсенъ съ одной стороны, Николай Зубовъ и Татариновъ — съ другой, берутъ Александра подъ руки и ведутъ, какъ будто насильно тащить вверхъ по лѣстницѣ. На верхней площадкѣ открываютъ стеклянную дверь на балконъ.

А л е к с а н д р ъ .

Что я скажу имъ, что я скажу?

П а л е н ь.

Скажите только: «государь императоръ скончался ударомъ—все при мнѣ будетъ, какъ при бабушкѣ». Но, ради Бога, повеселѣе, ваше величество — нельзя же такъ... Слезки-то, слезки вытереть извольте. Ну, съ Богомъ!

А л е к с а н д р ь выходитъ на балконъ.

В о й с к а (съ площади).

Ура! Ура! Ура!

Великій князь Константинъ, оберъ - церемоніймейстеръ гр. Головкинъ, оберъ - гофмаршалъ Нарышкинъ, адмиралъ Кушелевъ и другіе придворные въ парадныхъ мундирахъ выходятъ на верхнюю площадку слѣва. На нижнюю справа — дворцовые караулы Семеновскаго, Преображенскаго, Лейбъ-гренадерскаго, Конно - гвардейскаго и другихъ полковъ со знаменами и штандартами. Караулы становятся по обѣимъ сторонамъ лѣстницы съ эспантонами наголо.

А л е к с а н д р ь (съ балкона).

Государь императоръ скончался. Все при мнѣ будетъ, какъ при бабушкѣ...

В о й с к а (съ площади).

Ура! Ура! Ура!

Т а л ы з и н ь (указывая на Александра).

Точно ангелъ въ лазури небесной парить!

Д е п р е р а д о в и ч ь.

А солнце-то, солнце — се Александровыхъ дней восходящее солнце!

Константинь (Кушелеву, указывая на заговорщиковъ).

Я бы ихъ всѣхъ повѣсилъ!.. А впрочемъ, наплевать...

На верхней площадкѣ толпа разступается, митрополитъ Амвросій съ духовенствомъ входитъ справа.

Головкинь.

Пожалуйте, владыка, карету подали.

Амвросій.

Иду, иду — только вотъ государя поздравить...

Александръ выходитъ съ балкона.

Амвросій (подойдя къ Александру и благословляя его).

Во имя Отца, и Сына, и Духа Святаго.

Александръ, опять какъ давеча, падаетъ на колѣни, закрывъ лицо руками.

Амвросій (положивъ руки на голову Александра).

Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя нашего, императора Александра Павловича спаси, Господи, и помилуй. Силою Твоею возвеселится царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется. Положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна, даси ему благословеніе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Палень.

Господа, въ Зимній дворецъ! Владыка, пожалуйста. Пожалуйста ваше величество!

Палень и другіе заговорщики берутъ Александра подъ руки и сводятъ по лѣстницѣ, какъ будто несутъ на рукахъ. Онъ идетъ съ опущенной головой, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, едва передвигая ногами. Карауль, отдавая честь императору, склоняетъ къ ногамъ его знамена и штандарты. Съ площади слышатся «ура!» и военная музыка—Екатерининскій маршъ «Слався; слався симъ Екатерина, Слався, иѣжная къ намъ мать!»

В с ѣ.

Ура! Ура! Ура! Александръ!

Г о л и ц ы н ь (тихо Н а р ы ш к и н у)

Не на престоль, будто, а на плаху ведутъ.

Н а р ы ш к и н ь.

Еще бы! Дѣдушкины убійцы позади, батюшкины убійцы
впередн..

Т а л ы з и н ь (заговорщикамъ).

Господа, слышали, Аракчеевъ здѣсь — у государя про-
ситъ аудіенцін.

Д е п р е р а д о в и ч ь.

А вотъ посмотримъ, приметъ ли.

П л а т о н ь З у б о в ь.

Какъ не принять? Рубашками-то съ тѣла помѣнялись
не даромъ, братья названые!

Б е н и г с е н ь.

Помяните слово мое, господа: умеръ Павелъ, живъ Арак-
чеевъ — умеръ звѣрь, живъ звѣрь!

К у ш е л е в ь (забѣгая впередъ и становясь на колѣни передъ
Александромъ).

Благословенъ Грядый во имя Господне. Осанна въ выш-
нихъ!

В с ѣ.

Ура! Ура! Ура! Александръ!

АЛЕКСАНДРЪ I.

Часть первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Очки погубили карьеру князя Валерьяна Михайловича Голицына.

— Поди-ка сюда, карбонарь! За ушко да на солнышко. Расскажи, чего напроказилъ? Что за исторія съ очками? А? Весь городъ говоритъ, а я и не знаю,—сказалъ, подставляя бритую щеку для поцѣлуя князю Валерьяну дядя его, старичокъ лысенкій, кругленькій, катавшійся, какъ шарикъ, на коротенькихъ ножкахъ, все лицо въ мягкихъ бабьихъ морщинахъ, какія бываютъ у старыхъ актеровъ и царедворцевъ,—министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ Синода, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Когда князь Валерьянъ, послѣ двухлѣтняго отсутствія (онъ только что вернулся изъ чужихъ краевъ), вошелъ въ министерскую пріемную, большую, мрачную комнату съ окнами на Михайловскій замокъ, такъ и пахнуло на него запахомъ прошлаго, вѣчною скукою повторяющихся сновъ.

На томъ же мѣстѣ опустилась подъ нимъ ослабѣвшая пружина въ старомъ кожаномъ креслѣ. Такъ же на канцелярскомъ зеленомъ сукнѣ стола лежали запрещенныя духовною цензурою книги; *О вредѣ грибовъ*, прочелъ онъ заглавіе одной изъ нихъ: грибы постная пища,—догадался,—нельзя сомнѣваться въ ихъ пользѣ. Тѣмъ же снимками со всѣхъ изображеній Спасителя, какія только существуютъ на свѣтѣ, увѣшаны были стѣны пріемной: ликъ Господень

превращенъ въ обойный узоръ. Такъ же рдѣла въ глубинѣ сосѣдней комнаты-молельни темно-красная лампада, въ видѣ кроваваго сердца; такъ же пахло застарѣлымъ, точно покойницкимъ, ладаномъ.

— Помпосердствуйте, дядюшка! Вы уже двадцатый меня объ этомъ сегодня спрашиваете,—сказалъ князь Валерьянъ, глядя на стараго князя изъ-подъ знаменитыхъ очковъ, съ тонкою усмѣшкою на сухомъ, желчномъ и умномъ лицѣ, напоминавшемъ лицо Грибоѣдова.

— Да ну же, ну, говори толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ. На вчерашнемъ дворцовомъ выходѣ въ очкахъ явился; отвыкъ отъ здѣшнихъ порядковъ: изъ памяти вонъ, что въ присутствіи особъ высочайшихъ ношеніе очковъ не дозволено...

— Поздравляю, племянничекъ! Камеръ-юнкеръ въ очкахъ! И свой карьеръ испортилъ, и меня, старика, подвелъ. Да еще въ такую минуту...

— Изъ-за очковъ паденіе министерства, что ли?

— Не шути, мой другъ, не доведутъ тебя до добра эти шутки...

— Что за шутки! Завтра къ Аракчееву являться. Ежели въ крѣпость или въ телѣжку посадятъ съ фельдъегеремъ,—только на васъ и надѣюсь, дядюшка!

— Не надѣйся, душа моя! Я отъ тебя отступился: совѣтовъ не слушаешь, самъ лѣзешь въ петлю. Думаешь, не знаетъ начальство, какая у васъ каша заваривается? Все знаетъ, мой милый, все. Погоди-ка, уже выведутъ васъ на чистую воду, господа карбонары... А письмо-то, письмо? Это еще что такое? Откровенничать вздумалъ по почтѣ? Ужъ если такъ приспичило, можно бы, чай, и съ оказіей...

Въ перехваченномъ тайной полиціей и представленномъ государю письмѣ князь Валерьянъ называлъ Аракчеева «гадиной». Князь Александръ Николаевичъ ненавидѣлъ Аракчеева; не кланялся съ нимъ даже во дворцѣ, въ присутствіи государя. Князь Валерьянъ зналъ, что за это письмо дядя готовъ простить ему многое.

— Я всегда полагалъ, ваше сіятельство,—проговорилъ онъ съ еще болѣе тонкой усмѣшкой на слегка поблѣднѣвшихъ губахъ,—что заглядывать въ частныя письма все равно, что у дверей подслушивать..

Старикъ зашикалъ, замахалъ руками.

— Если желаете, сударь, продолжать со мною знакомство, извольте, выбирать выраженія ваши,—сказалъ онъ по-французски.

— Виновать, ваше сіятельство, но, право, мочи нѣтъ! Вся кровь въ желчь превращается. Я понимаю, что можно здоровому человѣку привыкнуть жить въ желтомъ домѣ съ сумасшедшими, но честному съ подлецами въ лакейской—нельзя.

— Вы очень измѣнились, мой милый, очень измѣнились,—покачалъ головою дядюшка.—И скажу прямо, не къ лучшему: эти заграничныя знакомства вамъ не впрокъ.

«Успѣли-таки донести, мерзавцы!» подумалъ князь Валерьянъ. Заграничное знакомство былъ вольнодумный философъ Чаадаевъ, съ которымъ онъ сблизился во время своего пребывенія въ Парижѣ.

— Я вижу, дорогой мой, вы все еще не можете освободиться отъ самого себя и обратиться въ то ничто, которое едино способно творить волю Господню,—дроговорилъ дядюшка и завелъ глаза къ небу.—Какъ блудный сынъ, покинули вы отчій домъ и рады питаться свиными рожками на поляхъ иноплеменниковъ...

«Свиные рожки—конституція», догадался князь Валерьянъ.

Долго еще говорилъ дядюшка объ Иисусѣ сладчайшемъ, о совлеченіи ветхаго Адама и воскрешеніи Лазаря, о состояніи Маріи, долженствующемъ замѣнить состояніе Марон, о божественной росѣ и воздыханьяхъ голубицы

Князь Валерьянъ слушалъ съ тоскою. «Тюлевый бы чепчикъ съ рюшками тебѣ на лысинку, и точь въ точь Крюденерша пророчица!» думалъ онъ, глядя на стараго князя.

— Всякая власть отъ Бога. Христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленной, есть совер-

шенное противорѣчіе,—кончилъ старикъ тѣмъ, чѣмъ кончались всѣ подобныя проповѣди.

— А вѣдь я и забылъ, ваше сіятельство,—успѣлъ, наконецъ, вставить князь Валерьянъ,—порученіе отъ Марьи Антоновны...

Взялъ со стола свертокъ, развязалъ и подаль, не безъ камеръ-юнкерской ловкости, шелковую подушечку, изъ тѣхъ, какія употреблялись для колѣнопреклоненій во время молитвы, съ вышитымъ католическимъ пламенѣющимъ сердцемъ Иисусовымъ.

— Собственными ручками вышить изволили. Пусть, говорятъ, будетъ князю память о другѣ вѣрномъ всегда, особенно же нынѣ, въ претерпѣваемыхъ имъ безвинно гоненіяхъ.

— Ахъ, милая, милая! Вотъ истинная дочь Израиля!—умилился дядюшка.—Будешь у нея сегодня на концертѣ Вьельгорскаго?

— Буду.

— Ну, такъ скажи ей, что завтра же приѣду расцѣловать ручки.

Въ любовныхъ ссорахъ государя съ Марьей Антоновной Нарышкиной князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ всегдашнимъ примирителемъ, за что злые языки называли его «старою своднею».—«Тридцатилѣтній другъ царевъ, угождая плоти, міру и діаволу, князь всегда былъ заодно съ царемъ, въ такихъ дѣлахъ, о нихъ же нельзя и глаголати», обличалъ его архимандритъ Фотій.

— И еще порученьице, дядюшка: узнать о министерскихъ дѣлахъ, о козняхъ враговъ.

— Самъ расскажу ей... А, впрочемъ, вы, можетъ-быть, тамъ больше нашего знаете? Ну-ка, что слышалъ? Расскажи.

— Много ходитъ слуховъ. Говорятъ, министерства вашего дни сочтены; въ заговорѣ, будто, о. Фотій съ Аракчеевымъ...

— И съ Магницкимъ.

— Быть не можетъ! Магницкій—сынъ о Христѣ возлюбленный... А вѣдь говорилъ я вамъ, дядюшка: берегитесь Магницкаго. Шельма, какихъ свѣтъ не видалъ,—помѣсь курицы съ гѣною.

— Какъ, какъ? Курицы съ гѣною? Недурно. Ты иногда бываешь остроумень, мой милый...

— А помните, ваше сіятельство, какъ исцѣляли бѣсноватаго?—спросилъ князь Валерьянъ.

— Да, представь себѣ, кто бы могъ подумать? Мошеники... Ну, да что Магницкій! Богъ съ нимъ. А вотъ о. Фотій, о. Фотій,—какой сюрпризъ!

Сбѣгалъ въ кабинетъ и вернулся съ двумя письмами.

— Читай.

«Ваше сіятельство, высокочтимый князь! Ты и я—какъ тѣло и душа. Сердце одно мы. Христось посреди насъ и есть будетъ», кончалось одно письмо, отъ Фотія.

Другое—черновикъ, отвѣтъ Голицына:

«Высокопреподобный отче Фотій! Свиданія съ вами жажду, какъ холодной воды въ жаркій день. Орошаюсь слезами и прошу у Господа крылъ голубиныхъ, чтобы летѣть къ вамъ. Воистину Христось посреди насъ».

— Ахъ, дядюшка, дядюшка, погубить васъ доброе сердце!—едва удержался князь Валерьянъ отъ злораднаго смѣха.

— Богъ милостивъ, мой другъ! Сколько люди меня ни обманываютъ, а я въ дуракахъ не бывалъ. Такъ вотъ и нынче. Министерство отнять хотятъ. Да я радешенекъ! Только того и желаю, чтобы на свободѣ подумать о спасеньи души...

Опять завелъ глаза къ небу.

— У государя—вотъ у кого доброе сердце,—вздыхнулъ съ умиленіемъ.—Ну, тотъ этимъ и пользуется...

«Тотъ» былъ Аракчеевъ: старый князь такъ ненавидѣлъ его, что никогда не называлъ по имени.

— Подойдетъ тихохонько, склонивъ голову набокъ и пригорюнится: «государь батюшка, ваше величество, одолѣли меня, старика, немощи, увольте въ отставку»...

Князь Валерьянъ взглянулъ на дядюшку и замеръ отъ удивленія: мягкія бабьи морщины сдѣлались жесткими, глаза потухли, щеки впали, лицо вытянулось,—живой Аракчевъ. Но исчезло видѣніе, и опять сидѣлъ передъ нимъ благочестивый проповѣдникъ; только гдѣ-то, въ самой глубинѣ глазъ, искрилась шалость.

Вспомнился князю Валерьяну рассказъ, слышанный отъ самого дядюшки, какъ однажды въ юности, еще камеръ-пажемъ, побился онъ объ закладъ, что дернетъ за косу императора Павла I. И дѣйствительно, стоя за государевымъ стуломъ во время обѣда, изловчился,—дернулъ, государь обернулся. «Ваше величество, коса покривилась, я исправилъ».—«А, спасибо, дружокъ!»

— Такъ-то, мой милый,—продолжалъ дядюшка.—Говоря между нами, это министерство просвѣщенія у меня вотъ гдѣ! Сытъ по горло. Не министерство, а гиѣздо демонское, котораго очистить нельзя,—развѣ ангелъ съ неба сойдетъ. Всѣ училища—школы разврата. Новая философія изрыгнула адскія лжемудрствованія и уже стоитъ среди Европы съ поднятымъ кинжаломъ. Кричатъ: науки! науки! А мы, христіане, знаемъ, что въ злохудожную душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повинномъ грѣху. И что можно сдѣлать добраго книгами? Все уже написано. Буква мертвитъ, а духъ животворить... Я бы, мой другъ, всѣ книги сжегъ!—закончилъ онъ съ тою же рѣзвостью, съ которою, должно-быть, дергалъ императора за косу.

«Ахъ, шалунъ, шалунъ!—думалъ князь Валерьянъ.—Сколько зла надѣлалъ, а вѣдь вотъ невинень, какъ дитя поворожденное».

— Ты что на меня такъ уставился? Аль не по шерсткѣ? Ничего, братъ, стерпится, слюбится. Ты еще вернешься къ намъ...

Посмотрѣлъ на часы.

— Въ Синодъ пора, два архіерея ждутъ. Ну, Господь съ тобой. Дай перекрещу. Вотъ такъ,—теперь не бойся, ничего тебѣ *тотъ* не сдѣлаеть. А право же, возвращайся-ка къ намъ, блудный сынокъ!

— Нѣтъ ужъ, дядюшка, куда мнѣ? Горбатаго развѣ могилка исправить.

— Не могилка, а дѣвица Турчанинова.

— Какая дѣвица?

— Не слышалъ? Удивительно. Исцѣляетъ взглядомъ горбатыхъ и глухонѣмыхъ. Я собственными глазами видѣлъ сына генерала Толя, съ одной ногой короче другой, и—представь себѣ!—черезъ мѣсяцъ ноги сравнялись. Силу эту уподобить можно помпѣ или—какъ это?—насосу, что ли, извлекающему изъ природы магнетизмъ животный... Сейчас некогда, потомъ расскажу. Хочешь, къ ней съѣздить?

— Съ удовольствіемъ. Можетъ-быть, и меня выправить?

— А ты что думалъ? Богу все возможно. Или не вѣришь?

— Вѣрю, дядюшка! А только знаете, что мнѣ иногда въ голову приходитъ: если бы Самъ Христосъ сталъ творить чудеса и проповѣдывать на Адмиралтейской или Дворцовой площади, тутъ и до Пилата не дошло бы, а первый квартальный взялъ бы Его на съѣзжую. И архіереи ваши не заступились бы...

«Ни вы, ни вы, ваше сіятельство!» едва не сорвалось у него съ языка—и, не дожидаясь отвѣта, выбѣжалъ изъ комнаты.

Старый князь только пожалъ плечами.

— Безпутная голова, а сердце доброе. Жаль, что скверно кончить!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

. . . . .
Вскорѣ послѣ Аустерлица появилось въ иностранныхъ газетахъ извѣстіе изъ Петербурга: «Госпожа Нарышкина побѣдила всѣхъ своихъ соперницъ. Государь былъ у нея въ первый же день по своемъ возвращеніи изъ арміи. Доселѣ связь была тайной; теперь же Нарышкина выставляетъ ее на показъ, и всѣ передъ ней на колѣняхъ. Эта открытая связь мучитъ императрицу».

Однажды на придворномъ балу государыня спросила Марью Антоновну объ ея здоровьѣ.

— Не совсѣмъ хорошо,—отвѣтила та,—я, кажется, беременна,

Обѣ знали отъ кого.

«Поведеніе вашего супруга возмутительно, — особенно, маленькіе обѣды съ этой тварью, въ собственномъ кабинетѣ его, рядомъ съ вами», писала дочери своей, русской императрицѣ, великая герцогиня Баденская. Шла рѣчь о разводѣ.

Но за двадцать лѣтъ къ этому всѣ привыкли, и уже никто не удивлялся. Марья Антоновна была такъ хороша, что не хватало духа осудить ея любовника.

«Разиня ротъ, стоялъ я въ театрѣ передъ ея ложей и преглупымъ образомъ дивился красотѣ ея, до того совершенной, что она казалась неестественной, невозможной», вспоминалъ черезъ много лѣтъ одинъ изъ ея поклонниковъ.

«Скажи ей, что она ангель, — писалъ Кутузовъ женѣ, — и что если я боготворю женщинъ, то для того только, что она—сего пола: а если бъ она мужчиной была, тогда бы всѣ женщины были мнѣ равнодушны».

Всѣхъ Аспазія милѣй
Черными очей огнями,
Грудью пышною своей...
Она чувствуетъ, вдыхаетъ,
Нѣжная видна душа;
И сама того не знаетъ,
Чѣмъ всѣхъ болѣ хороша,—

пѣлъ старикъ Державинъ.

Никто не удивлялся и тому, что у мужа Марьи Антоновны, Дмитрія Львовича Нарышкина, двѣ должности явная — оберъ-гофмейстера и тайная — «снисходительнаго мужа» или, какъ шутники говорили, «великаго мастера масонской ложи рогоносцевъ».

Добродѣтельная императрица Марія Теодоровна писала добродѣтельной супругѣ Марьѣ Антоновнѣ: «супругъ вашъ доставляетъ мнѣ удовольствіе, говоря о васъ съ чувствами такой любви, коей, полагаю, немногія жены, подобно вамъ, похвалиться могутъ».

Любовникъ, впрочемъ, былъ не менѣе снисходителенъ, чѣмъ мужъ. Однажды засталъ онъ Марью Антоновну врасплохъ со своимъ адъютантомъ Ожаровскимъ. Но она сумѣла убѣдить государя, что ничего не было, и онъ повѣрилъ ей больше, чѣмъ глазамъ своимъ. Слѣдовали другіе, безчисленные, большею частью, изъ молоденькихъ флигель-адъютантовъ . . . . .

Обѣ дочери государя отъ Елизаветы Алексѣевны умерли въ младенчествѣ. Первая дочь отъ Марьи Антоновны умерла тоже. Вторая, Софья, осталась въ живыхъ, но съ дѣтства была слаба грудью. Опасались чахотки. Этотъ послѣдній и единственный ребенокъ, котораго государь считалъ своимъ, о чемъ, однако, спорили,—маленькая Софочка была его любимицей.

Благодаря дядѣ своему, старому другу дома, князь Валерьянъ Михайловичъ принятъ былъ у Нарышкиныхъ какъ родной. Софья любила его какъ сестра. Онъ — ее больше, чѣмъ братъ, хотя самъ того не зналъ. Надолго

разлучались,—Софью часто увозили на югъ,—какъ будто забывали другъ друга, но сходились опять какъ родные.

— Лучшаго жениха не надо для Софьи,—говорила Марья Антоновна.

Но на Веронскомъ конгрессѣ государь представилъ ей другого жениха, графа Андрея Петровича Шувалова, только что зачисленнаго въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, молодого дипломата меттерниховской школы.

Какъ всѣ Шуваловы, графъ Андрей былъ искателенъ, ловокъ и вкрадчивъ; втируша, тихоня, ласковый теленокъ, который двухъ матокъ сосеть. Такіе, впрочемъ, государю нравились.

Старая графиня, мать жениха, долго жившая въ Италіи, перешла въ католичество. Римскіе отцы-іезуиты начали свадьбу, а парижскіе шарлатаны кончили. Месмэрово лѣченіе тогда снова входило въ моду. Принялись лѣчить и Софью. Графъ Андрей магнетизировалъ ее, по предписанію ясновидящихъ. Пятнадцатилѣтняя дѣвочка, почти ребенокъ, отдала ему руку свою, какъ отдала бы ее первому встрѣчному, по волѣ отца, сама не зная, что дѣлаетъ.

Князь Валерьянъ, тоже бывший тогда въ Веронѣ,—только утративъ Софью, понялъ, какъ ее любилъ. Онъ уѣхалъ въ Парижъ къ Чаадаеву. Бесѣды съ мудрецомъ не утѣшили его, но дали надежду замѣнить любовь къ женщинѣ любовью къ Богу и къ отечеству.

Года черезъ два, съ дозволенія ясновидящихъ, Софью привезли въ Петербургъ, гдѣ назначена была свадьба. Зимой начались обычныя среды у Нарышкиныхъ, на Фонтанкѣ, близъ Аничкина моста.

Урожденная княгиня Святополкъ-Четвертинская, Марья Антоновна была ревностной полькой и собирала вокругъ себя польскихъ патріотовъ. Увѣряли, будто конституціей Польша обязана ей. И русскіе либералы видѣли въ ней свою заступницу. Салонъ ея былъ единственнымъ мѣстомъ въ Петербургѣ, гдѣ можно было говорить свободно не только о вредѣ взятокъ, но и о самомъ Аракчеевѣ, котораго она ненавидѣла.

По средамъ, въ Великомъ посту, у Нарышкиныхъ давались концерты. Въ ту среду, въ которую собрался къ нимъ князь Валерьянъ, въ первый разъ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, назначенъ былъ концертъ знаменитаго музыканта-любителя, графа Михаила Вьельгорскаго.

Когда князь Валерьянъ вошелъ въ бѣлый залъ съ колоннами и огромнымъ, во всю стѣну, зеркаломъ, отражавшимъ портретъ юнаго императора Александра Павловича,—первая половина концерта кончилась, и послѣдній звукъ виолончели замеръ, какъ человѣческое рыданіе. Послышались рукоплесканія, шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, шорохъ дамскихъ платьевъ и жужжащій говоръ толпы. Раззолоченные арапы высоко подымали надъ головами гостей подносы съ мороженымъ; поправляли восковыя свѣчи въ жирондоляхъ.

Голицынъ увидалъ издали своего пріятеля, лейбъ-гвардіи полковника, князя Сергѣя Трубецкого, директора Сѣверной управы Тайнаго Общества, и хотѣлъ подойти къ нему, чтобы переговорить окончательно о своемъ, уже почти рѣшенномъ, поступленіи въ члены Общества, но раздумалъ: рѣшилъ—потомъ.

Опять, какъ давеча, въ пріемной у дядюшки, пахнуло на него знакомымъ запахомъ прошлаго, вѣчною скукою повторяющихся сновъ.

Все такъ же, какъ два года назадъ: такъ же воскликнула, повторяя, видимо, заученную фразу, пожилая дама съ голыми костлявыми плечами:

— Графъ Михаилъ играетъ какъ ангелы на концертахъ у Господа Бога!

Такъ же склонился и шепчетъ что-то на ухо графинѣ Еленѣ Радзивилль о. Розавенна, іезуитъ, молодой, красивый итальянецъ, идоль петербургскихъ дамъ, похожій, въ своей шелковой черной сутанѣ, на чернаго, гладкаго кота, который, выгнувъ спину, ласково мурлычитъ; нельзя понять, любезничаетъ или исповѣдуетъ; съ одинаковымъ искусствомъ передаетъ любовныя записочки и причащаетъ изъ тайной дароносицы, тутъ же, на великосвѣтскихъ раутахъ,

своихъ поклонницъ, новообращенныхъ въ католичество. «Ушкомъ» прозвали графиню Елену за то, что она краснѣла не лицомъ, а однимъ изъ своихъ прелестныхъ, какъ перламутровыя раковинки, ушекъ. И теперь подъ ласковый шопоть о. Розавенны не даромъ у нея краснѣетъ ушко: можетъ-быть, по примѣру хорошенькой графини Куракиной, сожжетъ себѣ пальчикъ на свѣчкѣ, чтобы уподобиться христіанскимъ мученицамъ. А девяностолѣтняя бабушка Архарова, въ пунцовомъ халдейскомъ тюрбанѣ, съ ярко-зелеными перьями, нарумяненная, похожая на свою собственную моську, которая вѣчно храпитъ у нея на колѣняхъ,—смотритъ ехидно въ лорнетъ на эту парочку—отца-іезуита съ графиней Ушкомъ—и, должно-быть, готовитъ злую сплетню.

На своемъ обычномъ мѣстѣ, поближе къ печкѣ, сидитъ баснописецъ Крыловъ. Видно, какъ пришелъ,—завалился въ кресло, чтобы не вставать до самаго ужина: «спасибо хозяюшкѣ-умницѣ, что мѣсто мое не занято; тутъ потеплѣе». Въ поношенномъ, просторномъ, какъ халатъ, фракѣ табачнаго цвѣта, съ мѣдными пуговицами и потускнѣвшей орденской звѣздой,—эта огромная туша кажется необходимою мебелью. Руки уперлись въ колѣни, потому что уже не сходятся на брюхѣ; ротъ слегка перекошенъ отъ бывшаго два года назадъ удара; лицо жирное, бѣлое, расползшееся, какъ опара въ квашнѣ, ничего не выражающее, развѣ только,—что жаренаго гуся съ груздями за обѣдомъ обѣлся и ожидаетъ поросенка подъ хрѣномъ къ ужину, несмотря на Великій постъ: «у меня, грѣшнаго,—говариваль,—по натурѣ своей, желудокъ къ посту неудобень». Дремлетъ; иногда пріоткроетъ одинъ глазъ, посмотреть изъ-подъ нависшей брови, прислушается, усмѣхнется не безъ тонкаго лукавства—и опять дремлетъ:

Не движась, я смотрю на суету мірскую
И философствую сквозь сонъ.

А подойдетъ къ нему сановникъ въ золотомъ шитьѣ: «какъ ваше драгоценное, Иванъ Андреевичъ?»—и дремоты какъ не бывало: вскочитъ вдругъ съ косолапою ловкостью,

легкостью медвѣдя подѣ барабанъ танцующаго на ярмаркѣ, изогнется весь, рассыпаясь въ учтивостяхъ,—вотъ-вотъ въ плечико его превосходительство чмокнетъ. Потомъ опять завалится—дремлетъ.

Такъ и пахнуло на Голицына отъ этой крыловской туши, какъ изъ печки, роднымъ тепломъ, роднымъ удушьемъ. Вспоминалось слово Пушкина: «Крыловъ—представитель русскаго духа; не ручаюсь, чтобы онъ отчасти не вонялъ; въ старину нашъ народъ назывался *смердъ*». И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, въ замороженномъ приличіи большого свѣта, въ благоуханіяхъ пармской фіалки и букэ-а-ля-марешаль, эта отечественная непристойность напоминала запахъ рыбнаго садка у Пантелеймонскаго моста или гнилой капусты изъ погребовъ Пустого рынка.

— Давно ли, батюшка, изъ чужихъ краевъ?—поздоровался Крыловъ съ Голицынымъ, проговоривъ это съ такою лѣнью въ голосѣ, что, видно было, его самого въ чужія края калачомъ не заманишь.

— Въ старыхъ-то зданіяхъ, Иванъ Андреевичъ, всегда клопамъ водѣ,—продолжалъ начатый разговоръ князь Нелединскій-Мелецкій, секретарь императрицы Маріи Теодоровны, директоръ карточной экспедиціи, маленькій, пузатенькій старичокъ, похожій на старую бабу:—вотъ и въ Зимнемъ дворцѣ, и въ Аничкиномъ, и въ Царскомъ—клоповъ тьма-тьмушая, никакъ не выведутъ...

Почему-то всегда такіе несвѣтскіе разговоры заводились около Ивана Андреевича.

— Да и у насъ, въ Публичной библіотекѣ, клоповъ не оберешься, а зданіе-то новое. Отъ книгъ, что ли? Книга, говорятъ, клопа родитъ,—замѣтилъ Крыловъ.

— Была у меня въ Москвѣ, у Харитонья, фатерка изрядненькая,—улыбнулся Нелединскій пріятному воспоминанію,—и свѣтленько, и тепленько,—словомъ, всѣмъ хорошо. А клоповъ такая пропасть, какъ нигдѣ я не видывалъ. «Что это, говорю хозяйскому приказчику, какая у васъ въ домѣ нечисть?» А онъ: «извольте, говорить, сударь, посмотрѣть—на стѣнкѣ билетъ противъ клоповъ». Велѣлъ

принести: какое-нибудь, думаю, средство или клоповщика мѣстожителство. И что же, представьте себѣ, на билетѣ написано,—святому священномученику Діонисію Ареопагиту молитва!

— Н-да, точно, Ареопагитъ клопу изводчикъ,—промямлилъ Крыловъ, зѣвая и крестя ротъ.—Ежели который человекъ вѣрять, то по вѣрѣ ему и бываетъ...

— А меня почечуй, батюшки, замучилъ,—не разслышавъ, о чемъ говорятъ, зашамкалъ другой старичокъ, сенаторъ, дряхлый-предряхлый, съ отвислой губой.—И еще маленькіе вертижцы...

— Какіе вертижцы?—спросилъ Нелединскій съ досадой.

— Вертижцы... когда голова кругомъ идетъ... Помню, во дни блаженной памяти Екатерины матушки...—началь онъ и, какъ всегда, не кончилъ: его никто не слушалъ; со своимъ почечуемъ-гемороемъ онъ лѣзъ ко всѣмъ, даже, по разсѣянности, къ дамамъ.

— Опять разболталъ! И какой тебя чортъ за языкъ дергаетъ?—выговаривалъ князь Вяземскій Александру Ивановичу Тургеневу.—Ну, можно ли такія письма въ клубѣ показывать? Разблаговѣстятъ по городу, попадетъ въ тайную полицію—и поминай Сверчка какъ звали...

Голицынъ прислушался. Онъ зналъ, что Сверчокъ—арзамасское прозвище Пушкина. Вмѣстѣ съ Тургеневымъ и Вяземскимъ случалось ему не разъ хлопотать у дядюшки за ссыльнаго коллежскаго секретаря Пушкина.

— Слышали, князь?—обратился къ нему Вяземскій.

— Нѣтъ. Какое письмо?

— А вотъ какое,—защепталъ ему Тургеневъ на ухо знаменитыя строки, которыя такъ часто повторялъ, что затвердилъ ихъ наизусть: «ты хочешь знать, что я дѣлаю. Беру уроки чистаго аеизма. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастью, болѣе всего правдоподобная».

— Ну, посудите сами, князь, неужели за такой вздоръ...

— Да ты гдѣ живешь, братецъ, на лунѣ, что ли?—
опять загорячился Вяземскій:—будто не знаешь, что нынче
въ Россіи за какой-угодно вздоръ...

— Ну, не ворчи, полно, не буду... А Сверчокъ-то, гово-
рятъ, опять впухъ проигрался?

— Мало ли врутъ? Вотъ распустили намедни слухъ,
будто застрѣлился...

— Ну, нѣтъ, не застрѣлится,—усмѣхнулся Тургеневъ,—
словечко-то его помнишь: «только бы жить!». Кто другой,
а Пушкинъ, небось, не застрѣлится...

Подошелъ хозяинъ, Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ;
одѣтый по-старинному, въ пудрѣ, въ чулкахъ и башмакахъ
съ красными каблучками—настоящій маркизъ Людовика XV;
иногда судорога дергала лицо его, такъ что онъ языкъ
высовывалъ, точно поддразнивалъ; но все же величественъ,
какъ старый пѣтухъ, хотя и съ продолбленной головой,
а шагающій съ важностью.

— А вашъ-то пострѣлъ Пушкинъ опять пресмѣшные
стишки сочинилъ, слышали?—сказалъ онъ, присоединяясь
къ собесѣдникамъ.

— А ну-ка, ну?—залюбопытствовалъ Тургеневъ и под-
ставилъ ухо съ жадностью.

По знаку Дмитрія Львовича головы сблизились, и
онъ прошепталъ съ игривой улыбкой прошлаго вѣка:

Свободъ хотѣли вы,—свободы вамъ даны:

Изъ узкихъ сдѣлали широкіе штаны.

— Да это не Пушкина!—разсмѣялся Вяземскій.—Ска-
залъ бы я вамъ стишки, да боюсь, не прогнѣвались бы, ваше
высокопревосходительство: ужъ очень вольные...

— Ничего, ничего, говори, князь,—ободрилъ его Дмит-
рій Львовичъ.—Я вольные стишки люблю. Вѣдь и мы,
сударь, небось, въ наше время наизусть Баркова знали...

Глядя на портретъ государя съ такимъ вольномыслен-
нымъ видомъ, какъ будто дѣлалъ революцію, Вяземскій
прочелъ:

Воспитанный подъ барабаномъ,

Нашъ... былъ бравымъ капитаномъ,

Подъ Аустерлицемъ онъ бѣжалъ,
Въ двѣнадцатомъ году—дрожалъ;
Зато былъ фрунтовой профессоръ,
Но фронтъ герою надоѣлъ;
Теперь коллежскій онъ ассессоръ
По части иностранныхъ дѣлъ.

Нарышкинъ тихонько захопалъ въ ладоши и высунулъ языкъ отъ удовольствія: былъ вѣрнопопданный и сердечный другъ царя, но не даромъ, видно, учился у Баркова вольномыслию.

А докторъ говоритъ, одышка отъ гречневой каши,—жаловался Нелединскій Крылову.—И такъ я отъ этихъ удушій ослабъ, такъ ослабъ, что надо бы за мной приставить маму...

— А у меня все маленькіе вертижцы...—зашамкалъ опять старичокъ.

— Плюнь-ка ты на докторовъ, князенька!—вдругъ ожилъ Крыловъ, даже оба глаза раскрылъ.—Возьми съ меня примѣръ: чуть задурить желудокъ,—вдвое наѣмся, а тамъ онъ себѣ какъ хочешь развѣдывайся. У Степаниды Петровны, на масляной, передъ самымъ обѣдомъ,—рубцы и потрохъ у нея готовятъ ангельскіе,—такъ подвело, что хоть вонъ бѣги. Да вспомнилъ, что на Щукиномъ—грузди отмѣнные. Только что доложилъ о томъ, Степанида Петровна, матушка, сію жъ минуту,—пошли ей Господь здоровья, кормилицѣ,—спосылала на Щукинъ верхомъ, и грузди поспѣли къ жаркому. Принялъ я порцію, въ шести груздяхъ состоящую, и съ тѣхъ поръ свѣтъ увидѣлъ. А ты говоришь, доктора...

Вяземскій вольнодумничалъ уже не въ стихахъ, а въ прозѣ, говорилъ о «затменіи свыше», о цензурныхъ неистовствахъ, которыя дошли до того, что нельзя сказать «голая истина», потому что непристойно лицу женскаго пола являться голымъ; о запрещеніи Филаретова Катехизиса; объ изувѣрствахъ Магницкаго, который предлагалъ разрушить до основанія Казанскій университетъ и заставилъ профессоровъ похоронить весь анатомическій ка-

бинеть, трупы, скелеты и человѣческихъ уродцевъ, потому что находилъ «мерзкимъ и богопротивнымъ употреблять человѣка, образъ и подобіе Божіе, на анатомическіе препараты», вслѣдствіе чего заказаны были гробы, въ коихъ помѣстили препараты и, по отпѣтіи панихиды, въ торжественномъ шествіи понесли ихъ на кладбище.

Слушая однимъ ухомъ Крылова, другимъ Вяземскаго, Голицынъ сравнивалъ обоихъ, и ему казалось, что пылающій свободомысліемъ Вяземскій лопнетъ, какъ мыльный пузырь, а чугунный дѣдушка Крыловъ не поколеблется. «Неужели же это лицо—опара, изъ квашни расплзшаяся,—лицо всей Россіи?» думалъ онъ со смѣхомъ и ужасомъ.

Но пересталъ думать, увидя на другомъ концѣ залы Марью Антоновну съ графомъ Шуваловымъ.

На ней—всегдашнее простое, бѣлое платье, туника съ прямыми складками, какъ на древнихъ изваяніяхъ; старая мода, а на ней—новая, вѣчная; никакихъ украшеній, только вмѣсто пряжки на плечѣ—каменя-хризолитъ, подарокъ императрицы, да гирлянда незабудокъ въ черныхъ волосахъ. Лѣтъ за сорокъ, а все еще плѣнительна. Сегодня—особенно. Не вторая, а двадцатая молодость. Глубокая ясность осеннихъ закатовъ, душистая зрѣлость осеннихъ плодовъ.

Всѣхъ Аспазія милѣй
Черными очей огнями.

Сегодня—чернѣе, огненнѣе, чѣмъ когда-либо. «Минерва въ часъ похоти», назвалъ ее кто-то. Рѣсницы стыдливо опущены, и во всѣхъ движеніяхъ—тоже стыдливость, опущенность, какъ въ томномъ трепетѣ плакучихъ пвѣ.

«Что съ нею?» удивлялся Голицынъ. Онъ зналъ ее хорошо: не даромъ былъ почти влюбленъ въ нее когда-то; зналъ, что такой, какъ сегодня, она бываетъ всегда, когда мѣняетъ любовника. Кто же теперь?

Вглядѣлся пристальнѣй въ Шувалова. Лицо красивое до наглости, какъ у Платона Зубова, героя «постельныхъ услугъ». По этому лицу, хотѣлось вѣрить ходившимъ о немъ слухамъ, будто бралъ онъ деньги у старыхъ женщинъ

и отказался отъ поединка за дѣло чести. Безукоризненный англійскій фракъ съ преувеличенно узкой, по послѣдней модѣ, таліей; точенныя ножки, затянутыя въ черный атласъ; галстучекъ, завязанный небрежно, по-шатобріановски; хохолокъ, взбитый тщательно, по-меттерниховски. «А хорошо бы подержать у барьера, подѣ пистолетомъ эту смазливую рожицу!» подумалъ Голицынъ съ ненавистью.

И вдругъ показалось ему, что на слишкомъ ласковый блескъ въ глазахъ Марьи Антоновны глаза Шувалова отвѣтили такимъ же блескомъ.

«Такъ вотъ кто!—промелькнула у Голицына мысль, которая ему самому показалась нелѣпой.—Мать—съ женихомъ дочери!.. Съ ума я схожу, что ли?»

Насильно отвелъ глаза въ другую сторону и увидѣлъ Софью. Она разговаривала съ княземъ Трубецкимъ. Для нея одной пришелъ сюда Голицынъ, но какъ будто испугался,—спрятался отъ нея за колонну, и по тому, какъ забилось у него сердце, какъ не хотѣлъ давеча говорить съ Трубецкимъ о Тайномъ Обществѣ,—вдругъ понялъ, что все еще не исполнилъ совѣтовъ мудреца Чаадаева—не замѣнилъ любви къ женщинѣ любовью къ отечеству.

— Принимая вещи даже въ самой строгой септикѣ, должно, полагаю, согласиться, что въ Россіи не можетъ быть хуже того, что есть,—заговорилъ князь Козловскій, отвѣчая Вяземскому, въ постепенно расширяющемся кругѣ собесѣдниковъ.

Козловскій, бывший посланникъ въ Сардиніи, «за неосновательность поступковъ» отъ службы уволенный, былъ полуполякъ, тайный католикъ и, по слухамъ, даже іезуитъ, но въ то же время человѣкъ вольнаго образа мыслей въ политикѣ. Наружностью не то Бурбонъ, не то Фальстафъ. Дородства не меньшаго, чѣмъ дѣдушка Крыловъ, но живой, бойкій, подвижный. Когда говорилъ о политикѣ, не только лицо его, но и вся тюленья туша трепетала, какъ будто искрилась умомъ. Въ такія минуты влюблялись въ него даже молоденькія женщины.

— Освободили Европу, Россію возвеличили! Съ нами Богъ! А у князя Меттерниха на посылкахъ бѣгаемъ. Каланчой пожарной сдѣлалась россійская политика: стережемъ, не загорится ли гдѣ, и скачемъ, высуня языкъ, по всей Европѣ, съ конгресса на конгрессъ, заливая чужіе пожары собственной кровью. Революція здѣсь, революція тамъ. Ужъ не ошиблись ли народы, низложивъ Бонапарта? Вмѣсто одного великаго тирана—сотни маленькихъ. Льва свалили и достались волкамъ на добычу...

— Зато, говорятъ, правленіе нынче законное, — поддразнилъ его Вяземскій.

— Законное? Гдѣ? Видѣли, князь, на Литейномъ вывѣску: Комиссія составленія законовъ. Буква с выпала: Комиссія... оставленія законовъ. Не вѣрнѣ ли такъ? Не пора ли оставить законы? Къ чему они, когда скрижали ихъ о первый камень самовластья разбиваются?..

Ударилъ жирнымъ кулакомъ по жирной ладони съ демократической яростью. Фальстафъ превратился въ Мирабо. А дамы слушали съ такой же пріятностью, какъ давеча Вьельгорскаго: второй концертъ не хуже перваго.

— Да, сударь, въ Россіи нѣтъ законовъ!—гремѣлъ Козловскій, какъ съ трибуны:—указы, то отъ любимца-истопника исходящіе, то отъ курляндца-берейтора, то отъ турка-брадобрея, то отъ Аракчеева, нельзя считать законами: это только право сильнаго, анархія, гдѣ лучше задушить, чѣмъ быть задушеннымъ. Мы какъ Донъ-Кишоты дѣйствуемъ: освобождая другихъ, сами стонемъ подъ ненавистнымъ игомъ...

— Да за это, батюшка, на сѣзжую!—прошипѣла Архарова, и зеленія перья на пунцовомъ токъ грозно заколебались, моська на ея колѣняхъ проснулась съ ворчаніемъ. Крыловъ тоже проснулся, зашевелился съ такимъ видомъ, что откуда-то сквознякъ. А панъ Вышковскій, и панъ Хлоповскій, и панъ Храповицкій, и панъ Салтыкъ хлопали въ ладоши, какъ на Варшавскомъ сеймѣ: «bravo! bravo! bravissimo!» Тургеневъ наклонилъ голову, загнувъ ухо ладонью руки, чтобы не пропустить ни слова,

запомнить и разнести по городу. Вяземскій наслаждался и завидовалъ. Ушко графини Елены пылало. О. Розавенна рѣшилъ о Козловскомъ по Жозефу де-Местру: «университетскій Пугачевъ». Дмитрій Львовичъ высовывалъ языкъ отъ восхищенія, а Марья Антоновна улыбалась, какъ добрая хозяйка, радуясь, что гости довольны.

Голицынъ смотрѣлъ на Софью. Она тихонько подошла, присѣла на кончикъ стула, положила на колѣни худенькія дѣтскія ручки,—казалось, пальцы должны быть въ чернилахъ, какъ у школьницы, и, вытянувъ шею, никого не видя, вся замерла, недвижная, устремленная, какъ стрѣла на тетивѣ. Глаза—ясновидящей. «Человѣкъ съ нечистою совѣстью не могъ бы въ нихъ смотрѣть», сказалъ однажды Голицынъ объ этихъ глазахъ. Вся не отъ міра сего; слишкомъ хрупкая, тонкая, прозрачная; кажется, душа видна сквозь тѣло, какъ огонь сквозь алебастръ: вотъ-вотъ не выдержать стѣнки лампы, огонь разобьетъ ихъ и вырвется наружу.

Голицыну вспомнилось то, что онъ слышалъ о ней: какъ тринадцатилѣтняя дѣвочка носила поясъ, вываренный въ соли, разѣдавшій тѣло; стояла на солнцѣ, пока кожа на лицѣ не трескалась, хотѣла убѣжать въ монастырь, принять постриженіе и странствовать въ мужской одеждѣ, подъ именемъ умершаго юнаго послушника Назарія.

Для такихъ, какъ она, отъ слова до дѣла—только шагъ. И теперь для нея одной, въ этой толпѣ, рѣчь Козловскаго—не музыка, а проповѣдь.

— Суровость покойнаго императора Павла, безъ обмана, безъ лести, не въ тысячу ли разъ сноснѣе того, что мы терпимъ въ наши дни?—продолжалъ Козловскій все вдохновеннѣе.—Не вздыхаемъ ли о временахъ Павловыхъ, терпя, чего терпѣть безъ подлости не можно? Всякій день оскорбляется у насъ человѣчество, правосудіе, просвѣщеніе—все, что мѣшаетъ землѣ превратиться въ пустыню или вертепъ разбойничій. Когда видишь всѣ мерзости, на каждомъ шагу въ Россіи совершающіяся, хочется бѣжать за тридевять земель...

Бабушка Архарова встала, гнѣвная, собираясь уходить моська на рукахъ ея, поджавъ хвостъ, залаяла. Крыловъ тоже привсталъ, но, должно-быть, вспомнивъ объ ужинѣ, снова опустился въ кресло и только рукой махнулъ. У Нелединскаго сдѣлалась одышка хуже, чѣмъ отъ гречневой каши. Старичокъ съ вертижцами, казалось, готовъ былъ упасть въ обморокъ. А паны повскакали и захлопали неистово—видно было по лицамъ ихъ: «еще Польша не сгинѣла».

Но звукъ віолончели раздался—и все затихло, успокоилось, словно кто-то пролилъ масло на бурныя волны.

Вьельгорскій игралъ духовный концертъ Гайдна. Слышался ангельскій хоръ. И рабство, свобода, Россія, политика—все земное вдругъ сдѣлалось ничтожнымъ. Казалось, по хрустальной лѣстницѣ, звенящей и поющей, какъ солнечный дождь златокрылые, съ золотыми ведрами, восходятъ и нисходятъ ангелы.

Голицынъ подошелъ къ Софѣ. Но она не замѣтила его, погруженная въ мысли свои или музыку.

— Софья Дмитриевна...

Обернулась, вздрогнула.

— Вы... здѣсь?.. А я и не знала, Господи!..

Вся покраснѣла отъ радости. На вопросъ его о здоровьи отвѣтила по-французски, совсѣмъ какъ большая свѣтская барышня:

— Не надо о моемъ здоровьи, ради Бога! Расскажите-ка лучше о вашихъ очкахъ...

А глаза, полные дѣтскимъ восторгомъ, говорили другое, родное, милое, старое.

Несмотря на модную, сложную прическу, на парижское длинное платье попелиноваго сѣро-серебристаго газа съ вышитымъ зеленымъ верескомъ,—видно было по глазамъ что она все та же маленькая дѣвочка въ коротенькомъ бѣломъ платицѣ, въ соломенной шляпкѣ-мармоткѣ, голубоглазая, пепельнокудрая, съ которой онъ бѣгалъ въ горѣлки, въ селѣ Покровскомъ, подмосковной Нарышкиныхъ,

удилъ пескарей въ пруду, за теплицами, и читалъ Людмилу Жуковскаго.

Ахъ, невѣста, гдѣ твой милый
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой—гробъ; женихъ—мертвецъ...

прочла непонимающимъ дѣтскимъ голоскомъ и вдругъ задумалась, какъ будто поняла,—выронила книгу, поблѣднѣла, закинула ему тоненькія руки на шею и вся прижалась довѣрчиво: «какъ страшно!..» Тогда въ первый разъ поцѣловалъ онъ ее, не какъ братъ сестру:

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ,
Ты, моя Свѣтлана!

Все та же, родная, любимая, вѣчная, Богомъ данная,—сестра и невѣста вмѣстѣ. А Шуваловъ? Ну, что жъ, пусть Шуваловъ. «А ну ее къ чорту, эту парикмахерскую куклу!» Зналъ, что ея не отнимуть у него сорокъ тысячъ Шуваловыхъ.

Отошли вмѣстѣ на другой конецъ залы и сѣли рядомъ у большого зеркала, противъ портрета юнаго императора: семнадцатилѣтній улыбающійся мальчикъ похожъ былъ на голубоглазую, пепельнокудрую дѣвочку. Говорили шопотомъ, подъ музыку, подъ пѣвучіе звоны солнечнаго ливня, который лили на землю золотыя ведра ангеловъ, восходящихъ и нисходящихъ по хрустальной лѣстницѣ. Чувствовали оба, что не говорили бы такъ, если бъ не музыка.

— Правда, что вы карбонаромъ сдѣлались?

— Что значитъ карбонаръ, Софья Дмитриевна?

— Какая Софья Дмитриевна?—поправила она съ ребяческимъ кокетствомъ въ улыбкѣ и строгою лаской въ глазахъ.— Забыли Верону? Забыли Покровское? Забыли все?

— Ничего не забылъ, Софочка... Ахъ, если бъ вы знали... Ну, да что говорить? Вы же знаете...

— Что значитъ карбонаръ?—перебила она его, съ дѣтскимъ усиліемъ мысли, сдвинувъ тонкія брови.— Карбонары—тѣ, кто противъ Бога и царей? Мнѣ еще намедни Михаилъ Евграфычъ объяснилъ...

Михаль Евграфовичъ Лобановъ былъ Софѣинъ учитель русскаго языка, ревностный поклонникъ Магницкаго.

— А развѣ нельзя быть противъ царей съ Богомъ?— усмѣхнулся Голицынъ.

— Не знаю,—задумалась она.—Нѣтъ, нельзя... у насъ въ Россіи нельзя. Спросите нянюшку Прокофьевну и Филатыча дворецкаго, и дѣдушку Власія, покровскаго пчельника,—помните, онъ такой умный,—и самого дѣдушку Крылова,—онъ вѣдь тоже умница... Ну, чего вы смѣетесь? Я сказать не умѣю. Но это такъ: всѣ скажутъ, что въ Россіи царь отъ Бога.

— А почему же правда, что всѣ говорятъ? И развѣ одна Россія на свѣтѣ?... По-итальянски карбонары значить *угольщики*. Это простые добрые люди, которые въ Бога вѣруютъ не меньше нашего и хотятъ свободы отечеству отъ чужеземнаго ига...

— Да развѣ у насъ чужеземное иго?

— А слышали, что говорилъ Козловскій?

— Козловскій—полякъ: они всѣ ненавидятъ Россію, готовы сдѣлать ей всякое зло. А вѣдь вы ее любите?

— Не знаю, люблю ли, но можно и любя ненавидѣть. И чья вина, что наша любовь похожа на ненависть?.. Только лучше не надо объ этомъ, милая, право, не надо... Посмотрите-ка на дѣдушку Крылова. Вотъ, кто чужеземнаго ига не чувствуетъ! Когда его спросили однажды, какое по-русски самое нѣжное слово, онъ отвѣтилъ, не задумавшись: «кормилецъ мой». Какая рожа, Господи! А умень, еще бы! Можетъ - быть, умнѣе насъ всѣхъ... Только вотъ никакъ не рѣшить:

Не больше ли вреда, чѣмъ пользы отъ наукъ?

— Зачѣмъ вы?... Не надо, не смѣйтесь.

— Да я не смѣюсь, Софья! Мнѣ страшно...

— Слушайте, Валя, голубчикъ, скажите, скажите мнѣ все, что думаете! Со мной никто никогда не говоритъ объ этомъ, а мнѣ такъ нужно, если бы вы знали... такъ нужно!..

— Что сказать?

— Все, все! Почему въ Россіи чужеземное иго? Почему любовь похожа на ненависть? Почему вамъ страшно?..

Онъ взглянулъ на нее и опять, какъ давеча, увидѣлъ въ лицѣ ея недвижную стремительность: стрѣла на тетивѣ, слишкомъ натянутой. Понялъ, что отъ того, что скажетъ, будутъ зависѣть ихъ общія судьбы. Душа ея обнажена передъ нимъ, беззащитна, и, можетъ-быть, слова его пройдутъ ее, какъ мечъ: будутъ подобны убійству. Но нельзя молчать.

И онъ заговорилъ уже не подъ музыку, а противъ музыки: она—о небесномъ, онъ—о земномъ, о великой неправдѣ земли, о человѣческомъ рабствѣ.

Говорилъ о русскихъ помѣщикахъ-извергахъ, которые раздаютъ борзыхъ щенятъ по деревнямъ своимъ для прокормленія грудью крестьянокъ. Не всѣ ли мы эти щенки, а Россія раба, кормящая грудью щенятъ? Говорилъ о баринѣ, который сѣкъ восьмилѣтнюю дворовую дѣвочку до крови, а потомъ барыня приказывала ей слизывать языкомъ кровь съ пола. Не вся ли Россія эта дѣвочка? О княгинѣ помѣщицѣ, которая велѣла старостѣ отбирать каждый день по семи здоровыхъ дѣвокъ и присылать на господскій дворъ; тамъ надѣвали на нихъ упряжь, впрягали въ шарабанъ; молоденькая княжна садилась на козлы, рядомъ съ собой сажала кучера, брала въ руки вожжи, хлысть и отправлялась кататься; вернувшись домой, кричала: «Мама! мама! овса лошадямъ!» Мама выходила; приносили кульки орѣховъ, пряниковъ, конфетъ, насыпали въ колоду и подгоняли дѣвокъ; онѣ должны были стоять у колоды и ѣсть. Не все ли величье Россіи, ея побѣдоносное шествіе—катанье на семеркѣ бабъ?

Онъ говорилъ,—и съ жалобнымъ звономъ хрустальная лѣстница рушилась, и въ черную пропасть падали ангелы. Онъ видѣлъ, какъ лицо Софьи блѣднѣетъ, но уже не могъ остановиться; чувствовалъ восторгъ разрушенія, насилія, убійства. Вѣчная правда земли—противъ вѣчной правды небесъ.

— Почему же государю не скажете?—прошептала Софья, когда онъ умолкъ:—вѣдь не вы одинъ такъ думаете?

— Не я одинъ.

— Ну, такъ вы должны сказать ему все...

Онъ взглянулъ на портретъ государя, такой похожій на нее, — и вдругъ ему обоихъ стало жалко, страшно за обоихъ. Но опять — небесная музыка, опять хрустальная лѣстница — и восторгъ святого разрушенія, святого насилья, святого убійства

— А вы, Софья, почему государю не скажете?

— Развѣ онъ меня послушаетъ? Я для него ребенокъ...

— Ну, такъ и мы всѣ ребята, щенята: сосемъ рабью грудь и пищимъ, а когда надоѣстъ нашъ пискъ, удавятъ, какъ щенятъ...

Послѣдній звукъ віолончели замеръ; послѣдніе осколки хрустальной лѣстницы рухнули — и наступило молчаніе, мракъ; и во мракѣ — бѣлое, жирное, какъ опара, изъ квашни расплзшаяся, — лицо Крылова, — лицо всей рабьей земли: «долго ли до поросенка подъ хрѣномъ?»

Въ лицѣ Софьи было такое страданіе, такой ужасъ, что Голицынъ самъ ужаснулся тому, что сдѣлалъ.

— Софочка, милая...

— Нѣтъ, оставьте, не надо, не надо, молчите! Потомъ... — проговорила она, еще больше блѣднѣя; быстро встала и пошла отъ него. Онъ хотѣлъ было итти за ней, но почувствовалъ, что не надо, — лучше оставить одну. Ужаснулся. Но радость была сильнѣе, чѣмъ ужасъ; радость о томъ, что теперь любовь къ Софьѣ и любовь къ свободѣ для него — уже одна любовь.

Захотѣлось играть, шалить, какъ школьнику. Подсѣлъ къ дѣдушкѣ Крылову и шепнулъ ему на ухо съ таинственнымъ видомъ:

— Все ли съ огурцами, дѣдушка?

— Ну, ну, чего тебѣ? Какихъ огурцовъ? — покосился тотъ недовѣрчиво.

— Изъ вашей же басни, Иванъ Андреевичъ! Помните, *Огородникъ и Философъ*:

У Огородника возшло все и поспѣло,
А Философъ—
Безъ огурцовъ.

Это вѣдь о насъ, глупенькихъ. А вы, дѣдушка, умница — единственный въ Россіи философъ съ огурцами...

— Ну, ладно, ладно, братъ, ступай-ка, не замай дѣдушку...

— А только какъ бы и вамъ безъ огурцовъ не остаться? — не унимался Голицынъ. — У дядюшки-то моего, въ министерствѣ, знаете что? На баснописца Крылова доносъ...

И рассказалъ, немного преувеличивая, то, что дѣйствительно было. Филаретъ московскій, составитель Катехизиса, предлагалъ запретить большую часть басенъ Крылова за глумленіе надъ святыми, такъ какъ въ этихъ басняхъ названы христіанскими именами безсловесныя животныя: медвѣдь—Мишкою, козель—Ваською, кошка—Машкой, а самое нечистое животное, свинья—Февроньей.

Крыловъ остолбенѣлъ, вытаращилъ глаза, и ротъ у него перекосялся такъ, что, казалось, вотъ-вотъ сдѣлается съ нимъ второй ударъ. Голицынъ уже и самъ не радъ былъ шуткѣ своей.

Подошла Марья Антоновна и, когда узнала, въ чемъ дѣло, разсмѣялась.

— Крылышко, миленькій, какъ же вы не видите, что онъ пугаетъ васъ нарочно? Никакого доноса нѣтъ, а если бъ и было что, развѣ мы васъ въ обиду дадимъ?

— Матушка!.. Марья Антоновна!.. Кормилица!.. — лепеталъ Крыловъ, и цѣловалъ ея руки, и готовъ былъ повалиться въ ноги.

Долго еще не могъ успокоиться, все крестился, чурался, отплевывался:

— Ахти, ахти!.. Грѣхъ-то какой!.. Февронья-Хавронья...
А мнѣ и не вдомекъ... Господи, Матерь Царица Небесная!..

Наконецъ позвали ужинать. Только войдя въ столовую и увидѣвъ поросенка, который, оскаливъ мордочку, улыбнулся ему ласково, какъ внучекъ дѣдушкѣ, — Иванъ Андреевичъ успокоился окончательно, выпилъ рюмку водки, подвязалъ салфетку, и опять воцарилась на лицѣ его ясность невозмутимая:

А мнѣ что говорить ни стануть,—

Я буду все твердить свое:

Что впереди—Богъ вѣсть, а что мое—мое.

Уходя отъ Нарышкиныхъ, Голицынъ встрѣтился на лѣстницѣ съ княземъ Трубецкимъ и сказалъ ему, что о своемъ поступленіи въ Тайное Общество завтра, послѣ свиданія съ Аракчеевымъ, дастъ рѣшительный отвѣтъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Милый другъ Софа, сегодня я не приду къ вамъ, какъ обѣщала. Я устала на заупокойной обѣднѣ и, хотя ногъ моей лучше, но она все-таки даетъ себя чувствовать. Штоф-регень говорилъ мнѣ, что вы опять больны. Онъ жалуется, что вы недостаточно бережетесь. Если бъ вы знали, какъ это огорчаетъ меня. Прошу васъ, дитя мое, исполняйте совѣты медиковъ въ точности: всякая неосторожность въ здѣшнемъ климатѣ можетъ быть для васъ пагубна. Будьте же умницей, слушайтесь докторовъ и лѣчитесь какъ слѣдуетъ. Только что выберу свободную минуту, пріѣду къ вамъ и надѣюсь видѣть васъ уже здоровой. Государыня цѣлуетъ васъ. Медальонъ съ ея портретомъ почти готовъ; я самъ привезу его вамъ. Храни васъ Богъ.

11 марта, 1824 г.

С.-Петербургъ».

Это письмо государя, написанное по-французски, передала Софѣ старая няня, Василиса Прокофьевна. Когда Софья прочла его, ей захотѣлось плакать.

— Ну, хорошо, ступай, — проговорила она, едва удерживая слезы.

— Лѣкарство принять извольте, барышня!

Съ рѣшительнымъ видомъ Прокофьевна взяла склянку съ лѣкарствомъ и ложку.

— Не надо, оставь. Потомъ. Сама приму... Ступай же!

— Давеча не приняли и теперь не хотите!..

— Ахъ, няня, няня! Господи, какая несносная... Да ступай же, говорятъ тебѣ, ступай!.. — прикрикнула на нее

Софья, и слезы дѣтскаго упрямства, дѣтской обиды задрожали въ голосѣ.

Но старушка не уходила и, наливъ лѣкарство въ ложку, преодолажала ворчать:

— Докторъ, небось, велѣлъ аккуратно. а вы что? И маменькѣ общали, и папенькѣ...

Поднесла къ самымъ губамъ ея ложку.

— Сейчасъ принять извольте.

Ложка дрожала въ старыхъ рукахъ, вотъ-вотъ расплещется. Когда Софья представила себѣ, что проглотить мутно-желтую густую жидкость съ отвратительно-знакомымъ вкусомъ, вкусомъ болѣзни, ей показалось, что ее стошнить. Склоненное надъ нею, съ поджатымъ, ввалившимся ртомъ, сморщенное лицо старушки, незапамятно-родное, милое, все, до послѣдней морщинки, нѣжно любимое,—вдругъ сдѣлалось ненавистнымъ, тошнымъ, какъ вкусъ лѣкарства. Ей казалось, что она больна не отъ болѣзни, а отъ няни, отъ мамы, отъ доктора, отъ Шувалова, отъ всѣхъ, кто къ ней пристаеъ, мучить ее. Злобно оттолкнула протянутую руку. Ложка упала на полъ, лѣкарство пролилось.

— Матерь Царица Небесная!—взахалась Прокофьевна.—Коверъ залили! Ужо Филатычъ увидить... Что же это такое, Господи? Что за ребенокъ! Ни лаской, ни сердцемъ! Погоди-ка, сударыня, вотъ ужо скажу папенькѣ...

«Какому папенькѣ?» подумала Софья. Няня называла когда-то Дмитрія Львовича папенькой, теперь—сударя, а прежняго папеньку—дяденькой или просто бариномъ,—его превосходительствомъ; только иногда путалась и стыдилась. Развѣ она маленькая? Развѣ не знаетъ всего? Чего же стыдиться? Два—такъ два.

Старушка вышла. Слава Богу, теперь можно подумать, поплакать. Но только что усѣлась поудобиѣ, поджала подъ себя ноги, закуталась въ старенькій нянинъ платокъ и начала думать—послышались старческіе, шаркающіе шаги. Прокофьевна вернулась съ полотенцемъ. Кряхтя, опустилась на колѣни, вытерла полъ и опять начала наливать лѣкарство въ ложку. Софья вскочила, вырвала у нея склян-

ку, бросила ее въ каминъ,—бутылка разбилась вдребезги, лѣкарство зашипѣло на горящихъ угольяхъ,—и закричала, затопала:

— Вонъ! Вонъ! Вонъ!

— Воля ваша, Софья Дмитриевна, а только, какъ заболѣете опять, сляжете,—хуже будетъ. Богъ вамъ судья, не жалѣете вы папеньку...

— И не жалѣю, и заболѣю, и слягу, и умру, умру, подохну... И пусть! Такъ миѣ и нужно. Оставьте меня, оставьте!.. Ради Бога! не мучьте... Не могу я больше, не могу... Уходи жѣ! Уходи Уходи!

Бросилась лицомъ въ подушку, зарыдала; худенькія плечи задергались отъ разрывающей судороги кашля.

Когда успокоилась и подняла лицо, няни уже не было въ комнатѣ. На носовомъ платкѣ увидѣла привычное алое пятнышко. Надо будетъ спрятать отъ няни, отъ маменьки, отъ папеньки, отъ доктора, отъ всѣхъ. А то опять пойдутъ разговоры: кровью кашляетъ, на югъ везти. А лучше умереть, чѣмъ уѣхать сейчасъ.

Жаль няню. За что обидѣла? Гдѣ-нибудь плачетъ теперь. Пойти помириться. Но когда встала,—почувствовала, что ноги подкашиваются, въ глазахъ темнѣетъ. А можетъ-быть, это день такой темный? На дворѣ безконечная мартовская оттепель съ мокрымъ снѣгомъ

Опять опустилась на диванъ, поближе къ огню, усѣлась «какорою», какъ говорила няня, подобрала ноги, руками обняла колѣни, съежилась вся, сдѣлалась маленькой, съ головой закуталась въ платокъ.

Перечла письмо; поцѣловала то мѣсто, гдѣ сказано о государынѣ. Вспомнила свои рѣдкія, словно запретныя и влюбленныя, встрѣчи съ нею, то въ церкви, то во время прогулки на набережной, въ Лѣтнемъ саду или на Крестовскомъ островѣ; вспомнила ее усталое, почти старое, но все еще прекрасное, не женское, а дѣвичье лицо; благоуханную свѣжесть, какъ будто не духовъ отъ платья, а отъ нея самой, какъ отъ цвѣтка; торопливыя, словно тоже запретныя и влюбленныя ласки; теплоту поцѣлуевъ и слезъ

ся на лицѣ своемъ и робкіе взоры, которыми оглядывалась императрица, какъ будто боялась, чтобы ихъ не увидѣли вмѣстѣ; и почти безумный, жадный, страстный шопоть: «дѣвочка моя милая, любишь ли ты меня хоть чуточку?»— и свой отвѣтный, такой же безумный, страстный шопоть: «люблю, маменька, маменька!»—и такое при этомъ счастье, какое бываетъ только во снѣ. Тогда, ребенкомъ, сама не понимала, что говоритъ; потомъ поняла. Да, другая настоящая мать, какъ другой настоящій отецъ. Два отца, двѣ матери. Но она вѣдь знаетъ, что настоящая мать одна. Такъ почему же?.. Нѣтъ, лучше объ этомъ не думать. Страшно.

Хотѣлось опять кашлять, но удерживалась, а то будетъ кровь; если много, то не спрячешь. Вспомнилась крошечная обезьянка Тинька, ея любимица, которая не вынесла петербургской зимы, простудилась, долго кашляла, дрожала отъ озноба, вся скорчившись и сидя тоже какорою, поближе къ огню; глядѣла на всѣхъ жалкими дѣтскими глазами, странно, по-птичьи, языкомъ щелкала и, наконецъ, умерла отъ чахотки.

Тинькой ее прозвала няня, потому что нѣсколько похожа была на эту обезьянку Софьиной французженка, мадамъ д'Аттиньи; няня звала ее тоже Тинькой, не долюбливая обѣихъ—мартышку, похожую на чорта, и мадамъ, похожую на вѣдьму. Ходили слухи, будто въ ранней молодости, еще во время Великой революціи, мадамъ д'Аттиньи была первосвященницей Авиньонскаго тайнаго общества, основаннаго графомъ Оаддеемъ Грабянкою, который занимался черной магіей. Черезъ него мадамъ д'Аттиньи, «великая мать боговъ, Геката, Діана, царица неба и ада, современная хаосу», какъ называли ее адепты, поступила гувернанткой къ Нарышкинымъ. Умерла въ глубокой старости; передъ смертью впала въ дѣтство, сморщилась, ссохлась и сдѣлалась еще больше похожа на обезьяну.

Всю ночь сегодня въ бреду Софья снилась Тинька, не то мадама, не то мартышка: бѣгаетъ, будто, прыгаетъ по комнатѣ, языкомъ щелкаетъ: «я — Геката, я — Діана, я —

великая мать боговъ!» Потомъ вдругъ вскочила ей на грудь, стала душить. Снилось также, что дѣдушка Крыловъ сѣчетъ маленькую дѣвочку до крови и кричитъ ей: «Тинька, Тинька, слижи кровь языкомъ!» — и дѣвочка, ползая на карачкахъ по полу, сморщивается, ссыхается, становится Тинькою и языкомъ слизываетъ кровь. А потомъ—будто множество маленькихъ, черненькихъ, полущенятъ, полумартышекъ присосалось къ бѣлымъ, толстымъ грудямъ бабы Ненилы, покровской скотницы. Вотъ и сейчасъ, кажется, забралась къ ней Тинька подъ платокъ и холодной лапкой щекочетъ ей горло, такъ что хочется кашлять до крови.

Очнулась; съ усиленіемъ открыла глаза; поняла, что бредить. Неужели, и правда, заболѣетъ, сляжетъ опять, какъ въ прошломъ году, до самаго лѣта, — такъ и не увидитъ «настоящей маменьки»? Нѣтъ, вздоръ, не надо поддаваться болѣзни. Вотъ угрѣлась—и прошелъ ознобъ; только жарко, душно подъ платкомъ. Скинула его, встала, подошла къ окну.

Окно зеркальное, въ полукругломъ балконѣ-фонарикѣ, выходящемъ на Фонтанку. Посмотрѣла въ обѣ стороны, къ Симеоновскому мосту и къ Невскому; не промелькнетъ ли знакомая, темно-синяя карета съ бородатымъ кучеромъ Ильею? Намедни тоже папенька писалъ, что не будетъ, а потомъ пріѣхаль.

Кареты не было, а тянулись похоронныя дроги съ маленькимъ гробикомъ, сосновымъ, бѣлымъ, парчой не прикрытымъ: вмѣсто парчи — сѣрый мокрый снѣгъ. За гробикомъ шелъ старый, плѣшивый, красноносый чиновникъ въ куцей шинелишкѣ, похожей на женскій салопъ; шатался, какъ пьяный, не то отъ горя, не то отъ водки; крошечная дѣвочка вела его за руку, должно-быть, сестрица покойника. По ухабамъ и ямамъ раскачивались дроги такъ, что вотъ-вотъ гробикъ свалится въ грязь.

Небо мутно-желтое съ темно-сѣрыми пятнами. И сыплется оттуда изморось, не то льдистый дождь, не то мокрый ледъ. Оттепельный черный, страшный городъ похожъ на трупъ, съ котораго сорвали саванъ. И трупнымъ запахомъ прони-

каетъ мутно-желтый, удушливо-ѣдкій туманъ сквозь окно въ комнату, сжимаетъ горло, саднитъ грудь такъ, что нечѣмъ дышать. А на другой сторонѣ Фонтанки, на челѣ казеннаго зданія, Екатерининскаго института, паритъ съ распростертыми крыльями двуглавый орелъ. Надъ черной петербургской слякотью, надъ чернымъ, оголеннымъ трупомъ кажется онъ зловѣщимъ и нелѣпо-торжественнымъ.

Опять подкосились ноги, потемнѣло въ глазахъ. Оперлась о подножіе бюста. Это былъ снимокъ съ Торвальдсенова мрамора — изваяніе императора Александра I.

Когда прошла темнота въ глазахъ, взглядѣлась въ мраморъ. Онъ ей не нравился: родное лицо казалось чужимъ; напоминало видѣнныхъ въ музеяхъ древнихъ римскихъ императоровъ: Траяна, Антонина, Марка-Аврелія, — та же печально-покорная, какъ бы вечерняя, ясность и благодать въ чертахъ. Пухлыя бритыя щеки съ ямочками; короткій, тупой, упрямый носъ; плѣшивый, крутой лобъ; на лбу суровая, почти жестокая, морщинка, а на извилистыхъ, тонкихъ, немного вдавленныхъ, какъ будто старушечьихъ, губахъ — неподвижно-любезная улыбка.

Взглянула, сравнивая, на висѣвшій въ той же комнатѣ портретъ императрицы Екатерины. Да, у обоихъ, у внучка и бабушки, — одна улыбка. Двусмысленное противорѣчіе между этою слишкомъ ласковой улыбкой губъ и жестокой морщиною лба.

Вспомнилось, какъ, бывало, ребенкомъ, когда долго не видала отца и соскучивалась по немъ, — тайкомъ отъ всѣхъ, подходила къ бюсту, взбиралась на стулъ, становилась на цыпочки и, закрывъ глаза, цѣловала холодный мраморъ, пока не теплѣлъ онъ, — какъ будто отвѣчалъ на ея поцѣлуй поцѣлуемъ.

Такъ и теперь прижалась къ нему жаркой щекой. Но тотчасъ отняла ее: ознобъ пробѣжалъ по тѣлу, какъ холодъ смерти; въ мутно-желтомъ свѣтѣ дня желтизна мрамора напоминала тѣло покойника. Слепыми бѣлыми зрачками смотрѣла на нее страшная кукла съ двусмысленной улыбкой.

Софья закрыла глаза, стараясь увидѣть живое лицо его, но не могла. Сдѣлалось такъ больно, что, казалось, умереть, если не увидить его, живого, сейчасъ.

Внизу, у крыльца, послышался стукъ кареты. «Папенька! Папенька!» Бросилась къ окну. Но это была карета Шувалова. Онъ вошелъ въ подъѣздъ. Неужели сюда, къ ней? Прислушалась. По далекому хлопанью дверей поняла, что прошелъ къ маменькѣ. Слава Богу!

Продолжала смотрѣть на улицу, все еще надѣясь. Тамъ громыхали только телѣги мясниковъ, должно-быть, съ бойни, изъ-подъ мокрыхъ рогожъ торчали окровавленные, раскаряченные туши. Ей казалось, что она слышитъ запахъ сырого мяса, видитъ, какъ теплая красная кровь капаетъ на черную грязь.

Зажмурила глаза, чтобы не видѣть. Съ трудомъ волоча ноги, вернулась на диванъ у камина, повалилась въ изнеможеніи, но не закрывала глазъ, чтобы опять не начался бредъ, смотрѣла пристально сквозь открытыя двери въ соседнюю, бѣлую залу съ колоннами, гдѣ вчера давался концертъ. Почти противъ двери—большое зеркало, въ которомъ отражался портретъ юнаго императора. Изъ таинственной, зеркально-темной, какъ будто подводной, глубины улыбался ей все той же вѣчной, двусмысленной улыбкой голубоглазый, пепельнокудрый мальчикъ.

О чемъ уже давно хотѣла подумать? Да, о Шуваловѣ и Голицынѣ. Почему графъ Андрей непонятный, ненужный, далекій — ея женихъ, а не Валя, родной, близкій? Дурочкой была, когда согласилась: ничего не знала; теперь знаетъ, что значитъ быть замужемъ.

Въ прошломъ году, въ Парижѣ, во время укладки вещей, — маменьки не было дома, — попалась ей въ руки маленькая золотообрѣзанная книжечка въ пергаментѣ, антверпенское изданіе съ непристойными картинками. Долго разсматривала ихъ, удивлялась, ужасалась, но не понимала. Вдругъ поняла все или почти все; поняла, почему, много лѣтъ назадъ, когда разъ нечаянно вошла въ комнату, тогдаш-

ній маменькинъ другъ, молодой генераль-адъютантъ Ожаровскій, вскочилъ, испуганный, красный, растрепанный, похожій на непристойную картинку, и маменька на нее закричала, едва не прибила, неизвѣстно за что; поняла, почему и другіе безчисленные маменькины друзья, чужіе люди, становились какъ будто родными; сажали ее, Софочку, къ себѣ на колѣни, ласкали, называли своей дочкою, а ей было скучно, страшно отъ этихъ ласкъ. Вспомнила разсказъ въ старинномъ московскомъ «Журналѣ для милыхъ»: какъ Аглантинъ и Аннушка купались вмѣстѣ въ рѣчкѣ, подобно Адонису и Венерѣ; а потомъ, когда Аннушка горько о чемъ-то заплакала, Аглантинъ ее утѣшалъ: «я тебя увѣряю, мой другъ, что ты называешь грѣхомъ то, что только есть наслажденіе натуральное»...

Тогда, послѣ тѣхъ антверпенскихъ картинокъ, заболѣла отъ ужаса и отвращенія къ матери, къ Шувалову, къ себѣ, ко всѣмъ людямъ, ко всему міру. Одинъ Валя казался ей чистымъ, и она была увѣрена, что онъ бы понялъ ее. «Натуральное наслажденіе!» Если такова натура и Самъ Богъ устроилъ такъ, то она не хочетъ міра, не хочетъ Бога. Ей казалось, что она больна и, можетъ-быть, умереть — не отъ болѣзни, а отъ этого.

Въ сосѣдней бѣлой залѣ слышались приближающіеся голоса: Шуваловъ, маменька. Софья вскочила, чтобы убѣжать: не могла ихъ видѣть сейчасъ. Но вдругъ остановилась, окаменѣла, глядя широко раскрытыми глазами въ глубину зеркала. Опять бредитъ, что ли? Нѣтъ, слишкомъ ясно видитъ то, что видитъ: Шуваловъ цѣлуетъ Марью Антоновну, и у обонхъ такія лица, какъ тогда, когда Софья вошла нечаянно въ комнату, гдѣ Ожаровскій дѣлалъ что-то съ маменькой. Непристойная картинка. Женихъ — съ матерью. А голубоглазый мальчикъ улыбался имъ двусмысленной улыбкою.

Съ тихимъ стономъ, протянувъ руки впередъ, какъ будто защищаясь отъ привидѣнія, Софья упала навзничь на диванъ. Все помутилось, поплыло въ глазахъ ея, и сама она плыла, утопала въ бездонной глубинѣ.

Очнулась. Увидѣла надъ собой лицо матери и опять лишилась чувствъ.

Но матери уже не было въ комнатѣ, когда очнулась во второй разъ, окончательно. Послышались шаркающіе шаги Прокофьевны—и вдругъ вблизи знакомый голосъ:

— Да скоро ли докторъ?

— Папенька! Папенька!

Онъ обернулъ къ ней лицо, испуганное, блѣдное, бросился къ дивану, сталъ на колѣни и, наклонившись надъ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу! — перекрестился.— Софочка, милая, вотъ напугала-то!..

Обвивъ ему шею руками, она вся прижималась къ нему, цѣплялась за него, какъ утопающая.

— Папенька! Папенька! Папенька!

Немного приподнялась, отстранилась и всего оглядывала, ощупывала, какъ будто желала убѣдиться, что это онъ. Да, онъ, живой, настоящій, не холодная мертвая кукла, не древній римскій императоръ, а живой, родной, теплый, настоящій папенька. Оглядывала, ощупывала, трогала пальцами. Вотъ пухлыя бритыя щеки съ ямочками, съ двумя полосками золотистыхъ бакеновъ, и мягкій раздвоенный подбородокъ, и гладкій плѣшивый лобъ съ остатками бѣлокурыхъ вьющихся волосъ, начесанныхъ кверху, и между нависшими бровями—морщинка, не гнѣвная; а только грустная, жалкая; и жалкіе, грустные, дѣтскіе прозрачно-голубые глаза; и на губахъ, прелестно очерченныхъ, юныхъ, улыбка не лукавая, а плѣнительно-нѣжная, тоже дѣтская, беспомощная. И сутулыя плечи, немного наклоненныя впередъ; и тучный, но все еще стройный станъ, затянутый въ узкій темно-зеленый кавалергардскій мундиръ съ серебряными погонами; и стройныя, словно изваянныя, ноги въ лакированные ботфортахъ съ острыми кончиками. Да, весь родной, любимый, возлюбленный.

Опять прижалась къ нему, полузакрывъ глаза, улыбаясь.

— Ну, вотъ видишь, дружокъ: не надо было вставать; докторъ правду говорилъ: лежала бы — ничего бы не было...

— Да ничего и нѣтъ, папенька! Я совсѣмъ здорова. Маленькій жаръ. Пройдетъ...

— Ну, гдѣ же здорова? Вонъ кашляешь, голова горячая, и руки какъ ледъ. Будь умницей, пойдемъ-ка, лягъ: сейчасъ докторъ придетъ.

— Зачѣмъ докторъ? — заговорила она по-французски, нѣрѣдка вставляя русскія слова, какъ обыкновенно говорила съ нимъ. — Я не буду больна, не буду кашлять. Только не уходите, ради Бога, не уходите! Не могу я безъ васъ. Если бы вы знали, какъ страшно, какъ страшно...

— Да что тутъ было? Что такое? Скажи...

— Нѣтъ, не надо. Не говорите, не спрашивайте! Ничего не надо. Только бы такъ съ вами долго, долго, всегда. И все хорошо будетъ, все пройдетъ. И никого не надо. Только вы и маменька... охъ, нѣтъ, нѣтъ... не та, а другая, настоящая маменька...

Онъ думалъ, что она бредитъ; но, взглянувъ въ лицо ея, понялъ, что это не бредъ.

— Что ты, дружокъ? Господь съ тобой! Развѣ можно такъ о матери?..

— Не мать! не мать! Не могу я больше, не могу, не хочу!.. Страшно, гадко... папенька, папенька, возьми меня отсюда! Развѣ не видишь, что я не могу...

Зарыдала и, бросившись къ нему на шею, опять охватила его руками, уцѣпилась за него, какъ утопающая.

— Ну, полно же, полно, дружокъ! О чемъ ты? Вѣдь я же тебѣ обѣщаль: когда выйду въ отставку, уѣдемъ съ тобой и будемъ вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ...

— Да, папенька, ты обѣщаль, помнишь? Только когда же, Господи?..

Заглянула ему въ глаза пристально. Увидѣла, что онъ думаетъ или сейчасъ думалъ о другомъ, о своемъ, — можетъ-быть, такомъ же страшномъ, какъ и то, что было съ нею. О чемъ же? Вдругъ вспомнила: 11-е марта годовщина смерти императора Павла I. Знала, какой это день для него; знала что дѣдушка умеръ не своею смертью, и что отецъ всегда объ этомъ думаетъ, мучается этимъ, хотя никогда ни съ кѣмъ

не говорить. Если и не знала всего, то угадывала. Сколько раз хотѣла заговорить, спросить; но не смѣла. И теперь не посмѣла; только повторила вслухъ:

— Одиннадцатое марта, одиннадцатое марта...

Онъ смотрѣлъ на нее такъ же пристально, какъ она, и по лицу его пробѣжала тѣнь; появилось, какъ въ мраморномъ ликѣ, двусмысленное противорѣчье между слишкомъ суровою морщиною лба и слишкомъ ласковой улыбкою губъ.

— Вы сегодня въ церкви, папенька... зауспокойная обѣдня длинная... устали, измучились?.. А тутъ еще я... И нога болить? Вѣдь болить, а?

— Нѣтъ, ничего.

— Ну, зачѣмъ пріѣхали? Сидѣли бы дома... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, хорошо, что пріѣхали! Охъ, хорошо, Господи! Я бы тутъ умерла безъ тебя...

Онъ больше не спрашивалъ. Оба чувствовали, что между ними то, о чемъ нельзя говорить: лучше понимать и жалѣть молча. Онъ былъ такъ же одинокъ и безпомощенъ, какъ она; такъ же за нее цѣплялся, какъ утопающій. Одной рукой держалъ ея голову, другой — тихонько гладилъ волосы, — качалъ, баюкая.

Опять, улыбаясь, полузакрываетъ глаза, дышала все тише и тише, но заснуть боялась, чтобы не ушелъ во снѣ. И сквозь дремоту казалось ей, что въ селѣ Покровскомъ, у пруда, за теплицами, тринадцатилѣтняя дѣвочка въ коротенькомъ бѣломъ платьицѣ, вмѣстѣ съ братомъ—женихомъ возлюбленнымъ, читаетъ старую, страшную, милую сказку:

Конченъ путь; ко мнѣ, Людмила!

Намъ постель—темна могила,

Завѣсъ—саванъ гробовой.

Сладко спать въ землѣ сырой...

— Папенька... Валенька... — шептала въ полуснѣ.

И кто — отецъ любимый, кто — женихъ возлюбленный, уже не могла отличить. Оба—одно. И любить вмѣстѣ обоихъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Свиданье съ Аракчеевымъ было страшно князю Валерьяну Голицыну, хотя онъ и смѣялся надъ этимъ свиданьемъ.

Зналь, что у государева любимца — бѣлые листы бумаги, бланки за царскою подписью; онъ могъ вписать въ нихъ, что угодно — чины, ордена, или заточеніе въ крѣпость, ссылку, каторгу. Могъ также оскорбить, ударить — и чѣмъ ему отвѣтить?

«Я другъ царя, — говариваль, — и на меня жаловаться можно только Богу».

Нѣсколько лѣтъ назадъ, прошелъ слухъ, будто сочинителя Пушкина высѣкли розгами въ тайной полиціи; лучшіе друзья поэта передавали объ этомъ съ добродушной веселостью. — «Можетъ ли быть?» сомнѣвались одни. — «Очень просто, — объясняли другіе: — половица опускающаяся, какъ на сценѣ люкъ, куда черти проваливаются; станешь на нее и до половины тѣла опустишься, а внизу, въ подпольѣ, съ обѣихъ сторонъ по голому тѣлу розгами — чикъ, чикъ, чикъ. Поди-ка жалуйся!»

Да что поэтъ или камеръ-юнкеръ, когда великіе князья трепетали передъ змѣемъ. Преображенскимъ офицеромъ, стоя на караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ, князь Валерьянъ увидѣлъ однажды, какъ Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, тогда еще совсѣмъ юные, сидя на подоконникѣ, ребячились, шалили съ молодыми флигель-адъютантами; вдругъ кто-то произнесъ шопотомъ: «Аракчеевъ!» — и великіе князья, соскочивъ съ подоконника, вытянулись, какъ солдаты, руки по швамъ.

Да, страшно; но подь страхомъ — надежда.

Года два тому назадъ, Голицынъ подалъ государю записку объ освобожденіи крестьянъ и о конституціи, какъ о близкомъ будущемъ, волѣ самого императора, съ высоты престола объявленной.

О запискѣ съ тѣхъ поръ ни слуху, ни духу, какъ въ воду канула. Да онъ уже и самъ не вѣрилъ въ мечты свои, зналъ, что надѣяться не на что; а все-таки надѣялся: что если государь пожелаетъ видѣть его, — онъ скажетъ ему все,—и тотъ пойметъ.

Вспоминать портретъ юнаго императора: бѣлые, въ пудрѣ, вьющіеся волосы, цвѣтъ кожи блѣдно-розовый, какъ отливъ перламутра, темноглубые глаза съ поволокою, прелестная, какъ будто не совсѣмъ проснувшаяся, улыбка дѣтскихъ губъ. Похожъ на Софью, какъ братъ на сестру.

Иногда Голицыну снилось это лицо, и не зналъ онъ, чье оно, отца или дочери, — но во снѣ влюбленъ былъ въ обоихъ вмѣстѣ, какъ нѣкогда влюблена была вся Россія въ прекраснаго отрока.

— Я желалъ бы видѣть всюду республики: это единственная форма правленія, сообразная съ правами человечества, — говаривалъ государь съ этою дѣтскою улыбкою. А потомъ, послѣ чугуевской бойни, гдѣ проводили людей сквозь строй по двѣнадцати тысячъ разъ, — плакалъ на груди Аракчеева: «я знаю, чего это стоило твоему чувствительному сердцу!»

Отецъ Софьи и другъ Аракчеева, республика и шпицрутены, ожиданіе чуда и ожиданіе розогъ — все смѣшалось, какъ въ бреду, въ мысляхъ Голицына. Чтобы отвязаться отъ нихъ, легъ спать.

Дурной сонъ приснился: похоронное шествіе; въ открытыхъ гробахъ — скелеты и уродцы въ банкахъ со спитромъ; все знакомыя лица — старые пріятели, члены Тайнаго Общества; онъ и самъ плаваетъ въ спирту, похожій на блѣдную личинку, — гомункулъ въ очкахъ.

Проснувшись, долго не могъ понять, что это было; наконецъ понялъ: профессора Казанскаго университета

хоронили анатомическій кабинетъ, по предложенію Магницкаго.

Когда на слѣдующій день, въ назначенное время, къ шести часамъ вечера, князь Валерьянъ вошелъ во флигель-адъютантскую комнату Зимняго дворца, находившіеся тамъ генераль-адъютанты, Уваровъ, Закревскій, князь Меншиковъ, Орловъ, привѣтствовали его особенно ласково.

— За твое здоровье, князенька, свѣчку пудовую: обругаль подлеца, какъ слѣдуетъ! — сказалъ, пожимая ему руку, Меншиковъ.

— Воистину—*гадина!* — воскликнулъ Орловъ.

— Змій! — добавилъ Закревскій.

— Ну, какой змій? Просто *ночанка!* — возразилъ Уваровъ и рассказалъ, какъ у одного мужика въ Грузинѣ нашли въ платьѣ засушенную летучую мышь, «ночанку», которую носилъ онъ при себѣ для того, будто бы, чтобы извести колдовствомъ Аракчеева; а тотъ засѣкъ его до-смерти, приговаривая: «буду я тебѣ самъ ночанкою!» — Такъ вотъ и для всей Россіи ночанкою сдѣлался.

— И неужели же никого не найдется, чтобы открыть государю глаза на этого изверга? — заключилъ Уваровъ.

Изъ пріотворенной двери высунулъ голову съ плоскимъ, деревяннымъ, кукольнымъ лицомъ адъютантъ Аракчеева, нѣмецъ Клейнмихель.

— Пожалуйте, князь!

Голицынъ вошелъ въ Секретарскую, большую темную комнату съ окнами на дворцовый дворъ.

У стола, крытаго зеленымъ сукномъ, сидѣлъ Аракчеевъ. Передъ нимъ стоялъ старый генераль, можетъ-быть, одинъ изъ боевыхъ генераловъ двѣнадцатаго года, сподвижникъ Багратіона и Раевского въ тѣхъ славныхъ бояхъ, въ которыхъ царскій любимецъ не принималъ участія «по слабости нервовъ». Слушая выговоръ, какъ школьникъ, виновато горбилъ онъ спину и вбиралъ голову въ плечи; не видя лица его, — онъ стоялъ къ нему спиною, — Голицынъ видѣлъ, по гладкой и красной, какъ личико ново-

рожденнаго, лысинѣ, по вздувшейся надъ воротникомъ, синебагровой складкѣ шеи, что старикъ ни живъ, ни мертвъ.

— Не думаете ли вы, сударь, отлынять отъ службы, видя, что у меня камеръ-юнкерствовать не можно? — говорилъ Аракчеевъ гнусавымъ, ровнымъ, тихимъ, почти шопотнымъ голосомъ: нельзя говорить громко въ покояхъ государевыхъ. — Предписаніе за номеромъ тысяча восемьсотъ семьдесятъ третьимъ, которое поставило, будто бы, васъ въ невозможность исполнять обязанность вашу въ точности, совсѣмъ не требуетъ отъ вашего превосходительства никакихъ невозможностей, коихъ, впрочемъ, по службѣ и быть не должно...

Видно было, что можетъ говорить такъ, не переводя духа, не измѣняя выраженія лица и голоса, часъ, два, три — сколько угодно.

Голицыну случалось видѣть Аракчеева; но теперь вглядываясь онъ съ особеннымъ любопытствомъ, какъ будто видѣлъ его въ первый разъ.

Лѣтъ за пятьдесятъ. Высокъ ростомъ, сутуль, костлявъ, жилистъ. Поношенный артиллерійскій темно-зеленый мундиръ; между двухъ верхнихъ пуговицъ — маленькій, какъ образокъ, портретъ покойнаго императора Павла I. Лицо — не военное, а чиновничье. Впалыя бритыя щеки, тонкія губы, толстый носъ, слегка вздернутый и красноватый, какъ будто въ вѣчномъ насморкѣ. Ни ума, ни глупости, ни доброты, ни злобы — ничего въ этомъ лицѣ, кромѣ скуки. Полуоткрытыя надъ мутными глазами вѣки дѣлали его похожимъ на человѣка, который только что проснулся и сейчасъ опять заснетъ.

— Я люблю, чтобы всѣ дѣла шли порядочно, — скоро, но порядочно; а иныя дѣла и скоро дѣлать вредно. Все сіе дано намъ отъ Бога на разсужденіе, ибо хорошее на свѣтѣ не можетъ быть безъ дурного, и всегда болѣе дурного, чѣмъ хорошаго...

За окномъ шель мокрый снѣгъ. Въ комнату вползали сѣр्या, какъ паутина, сумерки. И въ сѣрой паутинѣ сумерекъ, въ сѣрой паутинѣ словъ была скука нездѣшняя, ко-

торой, должно-быть, въ гробахъ своихъ скучаютъ мертвые; страшно было отъ скуки.

Аракчеевъ кивнулъ головой въ знакъ того, что аудіенція кончена. Пыхтя и отдуваясь, потный и красный, какъ изъ бани, генераль вышелъ изъ комнаты.

Голицынъ подошелъ къ столу.

— Князя Александра Николаевича племянничекъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство!

— Ну, князь, два дѣла къ вамъ. Первое: за ношеніе очковъ въ присутствіи особъ августѣйшихъ государь повелѣлъ сдѣлать вамъ замѣчаніе строжайшее. Второе — касательно записки вашей...

Подаль ему бумагу, на которой большими буквами, краснымъ карандашомъ, его, Аракчеева, собственной рукой написано было съ тремя ошибками, въ пяти словахъ: «возвратить бумаги сіи по ненадобію въ оныхъ».

— Вы ужъ на меня, старика, не погнѣвайтесь, — посмотрѣлъ ему не въ глаза, а въ брови (никогда не смотрѣлъ собесѣднику прямо въ глаза), и лицо его вдругъ сдѣлалось ехидно-ласковымъ. — Я человѣкъ простой, неученый; какъ бѣдный новгородскій дворянинъ, совершенно по-русски воспитанъ; у дьячка учился грамотѣ, по Часослову: мудрено ли, что мало знаю? Вотъ и въ запискѣ вашей, — при простомъ умѣ моемъ, никакъ въ толкъ не возьму, — о какой конституціи писано? Сколько лѣтъ на свѣтѣ живши, о томъ не слыхалъ и полагалъ доселѣ, что у насъ въ Россіи правленіе самодержавное...

Опять нескончаемая паутина словъ; опять страшно, скучно нездѣшнею скукою.

Вдругъ всталъ, перешелъ отъ стола къ камину и поманилъ Голицына пальцемъ: не хотѣлъ, должно-быть, чтобы адъютантъ слышалъ. Когда Голицынъ подошелъ, взялъ его за пуговицу и зашепталъ почти на ухо, еще ласковѣй, вкрадчивѣй:

— Я всегда, ваше сіятельство, въ ономъ несчастливъ, что обо мнѣ дурно публика думаетъ. Ну, да вѣдь и то сказать, одинъ умный человѣкъ спрашивалъ: сколько дураковъ

нужно, чтобы составить публику? Посему и не весьма опасуюсь сажать - петербургскаго праздногоголанія: собака лааетъ, вѣтеръ носить. Была бы совѣсть чиста... Вещица сія, изволите видѣть, какъ называется?

— Экранъ, ваше сіятельство!

— Экранъ, да-съ! Ну, такъ вотъ и вашъ покорный слуга все равно, что экранъ; за моей спиной что ни дѣлается, а моимъ лицомъ все покрывается. Валяютъ на меня, какъ на мертваго. И ругаютъ за все: Аракчеевъ — злодѣй, Аракчеевъ — извергъ, Аракчеевъ — *гадина*. А вся-то вина моя, что никому не льщу, по прямому моему характеру, да волю государя императора исполняю въ точности. Что велить, то и дѣлаю. Хоть конституцію, хоть самую республику, велить — сдѣлаю... Мнѣ что?

«А вѣдь не глупъ, — удивился Голицынъ. — Только что ему отъ меня надо?»

— Вотъ и дядюшка вашъ, князь Александръ Николаевичъ, меня, старика, не жалуешь; а я зла никому не помню, по закону евангельскому: любите ненавидящихъ васъ. И въ тебѣ, голубчикъ, князь Валерьянъ Михайловичъ, увѣренъ, что ты меня полюбишь, видя, что я съ тобой обхожусь какъ истинный христьянинъ...

Умолкъ,—и вѣки, надъ мутными глазами полузакрытыя, закрылъ совсѣмъ, какъ будто забылъ о собесѣдникѣ и, угрѣвшись у камина, стоя, задремалъ. Голицынъ тоже молчалъ, разсматривая лицо его вблизи; замѣтилъ неожиданную въ этомъ лицѣ странную, мягкую, на раздвоенномъ подбородкѣ, ямочку и почему-то не могъ отвести отъ нея глазъ. Вспомнилось ему «чувствительное сердце» Аракчеева, котораго пожалѣлъ государь послѣ чугуевской бойни; вспомнилась также дворовая дѣвка, Настасья Минкина, которая въ минуту нѣжности цѣловала Аракчеева, должно-быть, въ эту самую ямочку.

А тотъ вдругъ медленно-медленно пріоткрылъ одинъ глазъ, какъ будто исподтишка подмигивая, и посмотрѣлъ Голицыну опять не въ глаза, а въ брови.

— А что, князь, давно ли вы членомъ Тайнаго Общества?

— О какомъ Тайномъ Обществѣ, ваше сіятельство, говорить изволите? — отвѣтилъ Голицынъ съ такимъ спокойнымъ недоумѣніемъ, что самъ себѣ удивился; но сердце у него упало, — подумалъ: «начинается!»

— Не знаете? Ну, а мы все знаемъ, все знаемъ, и не только о васъ, но и о дядюшкѣ...

— Дядюшка — въ Тайномъ Обществѣ! — не удержался Голицынъ и, хотя спохватился тотчасъ, но было поздно.

— Что же такъ удивились, если ничего не знаете? А, можетъ, и знаете что, да забыли? А?

— Если бы и зналъ что, ваше сіятельство, то не могъ бы ничего сказать, не бывъ подлецомъ и доносчикомъ! — отвѣтилъ Голицынъ, блѣднѣя уже не отъ страха, а отъ злобы.

— Ну, полно, князь, полно! Не хочешь, и не надо. Я вѣдь съ тобой какъ отецъ говорю, тебѣ же добра желаючи, чтобы сдѣлать изъ тебя, по уму твоему, государю человѣка полезнаго. Очки—пустое, а ты на хорошемъ счету: по Веронскому конгрессу помнить тебя государь вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ, женихомъ Софьи Дмитріевны, и всегда отзываться изволить милостиво. Сегодня — камеръ-юнкеръ, завтра — камергеръ. Ни за что я, дружокъ, тому не повѣрю, что есть такой на свѣтѣ камеръ-юнкеръ, который не желалъ бы камергеромъ сдѣлаться... Подумай, князь, подумай хорошенечко. Утро вечера мудренѣе. Да пріѣзжай-ка въ Грузино — тамъ потолкуемъ. Посѣти старика, милости просимъ, я очень желаю видѣть ваше сіятельство у себя въ Грузинской пустынѣ...

«Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!» вспомнилъ Голицыну рылѣвскій стихъ, когда къ двумъ протянутымъ пальцамъ Аракчеева — знакъ рѣдкой милости — прикоснулся онъ, чувствуя, что этою ласкою хуже, чѣмъ розгою, высѣченъ.

Пріемъ кончился. Клейнмихель ушелъ.

Аракчеевъ, подойдя на цыпочкахъ, словно крадучись, къ двери въ первую изъ двухъ залъ, которыя отдѣляли Секретарскую отъ кабинета государева, пріотворилъ дверь осторожно и позвалъ шопотомъ:

— Ефимычъ? А Ефимычъ?

— Здѣсь, ваше сіятельство! — тѣмъ же осторожнымъ шопотомъ отвѣтилъ государевъ камердинеръ, Мельниковъ.

— Не звалъ государь?

— Никакъ нѣтъ.

— Никого не было?

— Никого.

Все такъ же крадучись, на цыпочкахъ, прошли обѣ пустынные залы. Когда половица скрипнула подъ ногой Мельникова, Аракчеевъ замахалъ на него руками. Во всѣхъ движеніяхъ его была безшумно-шуршащая мягкость летучей мыши—ночанки.

Остановившись у двери кабинета, затаивъ дыханіе, какъ будто умирающій былъ тамъ за дверью, прислушались. Сперва Мельниковъ, потомъ Аракчеевъ наклонился привычно ловкимъ движеніемъ къ замочной скважинѣ и приложилъ къ ней глазъ: государь сидѣлъ одинъ, читая книгу. Переглянулись молча.

Опять вернулись въ Секретарскую.

— Проводи о. Фотія, чтобъ никто не видалъ

— Слушаю-сь, ваше сіятельство!

— Князевой кареты съ набережной не было?

— Не было.

— А съ Эрмитажа?

— И оттуда не было. Вездѣ люди поставлены: не пропустятъ.

— Смотри же: если что, сейчасъ доложи

— Будьте покойны, ваше сіятельство!

— Да кучеру Ильѣ скажи, не забудь: ежели государь на Фонтанку поѣдетъ,—курьера ко мнѣ на Литейную тотчасъ же.

На Фонтанку — значило: къ министру духовныхъ дѣлъ, князю Александру Николаевичу Голицыну.

Аракчеевъ вынулъ изъ кармана золотую табакерку и сунулъ въ руку Мельникова. Тотъ не понялъ, открылъ ее, понюхалъ съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто къ мощамъ приложился, и хотѣлъ отдать.

— Возьми, Ефимычъ, на память.

— Ваше сіятельство! И такъ милостями осыпанъ... Не знаю, какъ за васъ Бога молить! — проговорилъ, цѣлуя ему руку, Мельниковъ.

— Смотри же, братецъ, чтобъ все въ аккуратѣ было.

— Будьте покойны, ваше сіятельство!

Когда камердинеръ ушелъ, Аракчеевъ сѣлъ въ кресло у камина и вынулъ изъ портфеля письмо.

«Любезный мой отецъ и благодѣтель, батюшка, ваше сіятельство! Нѣтъ васъ — нѣтъ для меня веселья и утѣшенья, окромѣ слезъ: все плачу, да плачу; воображаю, мой отецъ, что выходите изъ спальни и цѣлуете меня за сюрпризъ. А подумаю, что васъ нѣтъ,—такъ слезами и зальюсь. Если вы останетесь еще долго тамъ одинъ, то лучше ужъ прямо къ вамъ, на Литейную, въ телѣжкѣ приѣду, чѣмъ представлять васъ каждую минуту съ растерзаннымъ сердцемъ. А у насъ, батюшка, на мызѣ благополучно. Люди здоровы, а также скоть и птицы. Только въ молошникѣ разбилъ крышку фарфоровую Матюшка, и я его за то высѣкла; и Нефеда, и Оиногена повара, по вашему, отецъ, приказу, также высѣкла хорошенечко. А Француженка и Осенняя Фаворитка отелились на прошлой недѣлѣ. Въ оранжерейныхъ рамахъ стекла вставили. А соленой телятины двѣ кадушки попортились; я людямъ на кухню сдала. Поберегите себя, душа моя, ради Христа! Въ сырую погоду не выходите. На молоденькихъ не заглядывайся, дружокъ. Часто въ васъ сомнѣваюсь, зная вашъ карактеръ непостоянный, но все вамъ прощаю, по любви моей: ежели миѣ васъ не любить, то недостойна я и по землѣ ходить. — Вашего сіятельства по гробъ жизни своей слуга вѣчная, Настя. — И за галстучекъ тоже цѣлую».

Закрывъ глаза, представилъ себѣ, какъ она цѣлуетъ его за галстукъ и въ подбородокъ, въ самую ямочку. Задремалъ; слышалась музыка вѣтра въ *золотой арфѣ* на одной изъ грузинскихъ башенъ, и въ этой музыкѣ — баюкающій голосъ Настеньки: «почивайте, батюшка, покойно — вашему слабому здоровью нуженъ покой...»

Вздвогнулъ, очнулся. Неровѣнь часъ — пропустить Голицына.

Чтобы отогнать дремоту, принялся считать въ умѣ: сколько нужно метелокъ для грузинской мызы: въ кухню господскую по 2 въ недѣлю — 104 штуки въ годъ; въ службы людскія по 5 — 260 въ годъ; въ оранжереи, конюшни, флигеля — всего 1890 въ годъ; на 5 лѣтъ — 9450, на 25 — 47.250.

Задача была слишкомъ простая; придумалъ посложнѣе: сколько надо щебенки для шоссеиной дороги отъ Грузина до Чудова.

Въ каждой кучѣ: въ вышину — 3 аршина 7 вершковъ; въ окружности — 6 аршинъ 13 вершковъ; по откосу — 4 аршина 9 вершковъ. Трудно было сосчитать въ умѣ; взялъ клочокъ бумаги, карандашикъ обгрызанный и началъ дѣлать выкладки, ставя цифры какъ можно тѣснѣе, такъ чтобы все умѣстилось на одномъ клочкѣ: былъ скупъ на бумагу.

Хорошо стало, тихо, спокойно, безгорестно-безрадостно, какъ въ вѣчности.

Вдругъ, въ самой серединѣ выкладокъ, когда расчетъ подходилъ уже къ милліонамъ кубическихъ вершковъ, пріотворилась дверь изъ флигель-адъютантской.

— Ваше сіятельство, отъ его высочества, великаго князя, — доложилъ Клейнмихель.

— Я тебѣ, чортовъ сынъ, говорилъ: въ шею гони! — произнесъ Аракчеевъ, бросился на него, выругался нехорошимъ словомъ и поднялъ руку.

Клейнмихель не шелохнулся, подставляя безчувственно-кукольное лицо свое: казалось, ударъ прозвучить по лицу, какъ по дереву.

Аракчеевъ опустилъ руку и только прибавилъ неистовымъ шопотомъ:

— Вонъ!

Вернулся въ кресло у камина; но уже не могъ продолжать счетъ: помѣшали — запутался; огорчился, почувствовалъ сердцебіеніе и разстройство нервовъ.

— О, Богъ мой, Богъ мой! — тяжело вздыхаль: — минутки не дадутъ покоя...

Приняль миндально-анисовыхъ капель; отдохнуль, успокоился и опять погрузился въ выкладки.

Опять хорошо стало, тихо-тихо, безрадостно - безгорестно, какъ будто никогда ничего не было, нѣтъ и не будетъ, кромѣ совершенно тождественныхъ, правильныхъ, единообразныхъ каменныхъ кучъ, уходящихъ, по обѣимъ сторонамъ шоссейной дороги, въ безконечную даль.

Послѣ свиданія съ Аракчеевымъ, князь Валерьянъ поѣхаль къ своему пріятелю, князю Сергѣю Петровичу Трубецкому, директору Сѣверной Управы Тайнаго Общества, объявилъ ему о своемъ рѣшеніи поступить въ члены Общества и черезъ нѣсколько дней былъ принятъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Прекрасная Юлія, вздыхая о возлюбленномъ своемъ Ліодорѣ, бродитъ кротчайшими шагами, блѣдная, унылая, съ поникшей головой, въ мрачной пустотѣ березовой рощи, гдѣ осенній Борей осыпаетъ землю пожелтѣвшими листьями; картина осени вливаетъ въ составъ растерзаннаго существа ея нѣчто мрачнѣйшее, нежели самая мрачная меланхолія»...

«Ліодоръ и Юлія, или награжденная постоянность — сельская повѣсть». Бывало, во дни императора Павла, сидя подъ арестомъ на Гатчинской гауптвахтѣ, въ долгіе осенніе вечера, отъ скуки читывалъ Александръ Павловичъ такіе же точно романы и повѣсти. Потомъ уже было не до книгъ; иногда цѣлые годы ничего, кромѣ газетныхъ вырѣзокъ да военныхъ реляцій, въ руки не бралъ. Но, во время послѣдней болѣзни, опять пристрастился къ чтенію.

Чѣмъ романы скучнѣе, глупѣе, стариннѣе, тѣмъ успокоительнѣй, какъ старыя дѣтскія пѣсенки. Пожелтѣвшія страницы шуршатъ, какъ пожелтѣвшіе листья осени, и осенью пахнетъ отъ нихъ — сладостно-унылымъ запахомъ прошлаго — того, что было юностью и стало стариной почти незапамятной. Двадцать пять лѣтъ, а какъ будто два съ половиной столѣтія, — такъ все измѣнилось, такъ постарѣло все — постарѣлъ онъ самъ.

«Прошла зима, и возлюбленный Ліодоръ вернулся къ прекрасной Юліи. Отдыхая, при корнѣ черемухъ благоухающихъ, обоняли они весеннія амбры. Кроткая луна плавала въ эмальной гемисферѣ.

— «Коль восхитителенъ театръ младыхъ прелестей натуры! — восклицала Юлія, въ объятіяхъ своего Ліодора предаваясь живѣйшей томности.

— «О, священная природа, — отвѣтствовалъ Ліодоръ, — токмо во храмѣ твоёмъ человекъ добродѣтельный можетъ существенно блаженствовать. Хотѣлъ бы я съ чувствительностью прижать весь міръ къ моему меланхолическому сердцу, такъ же какъ прижимаю тебя, о Юлія!..»

Читалъ, сидя въ покойномъ креслѣ и протянувъ больную ногу на подставку съ мягкимъ сафьяннымъ валикомъ — устройство, придуманное государыней.

Рожистос воспаление на лѣвой ногѣ была первая, за всю его жизнь, опасная болѣзнь. Язва доходила до берцовой кости, и врачи одно время опасались антонова огня. Теперь зажило все; но надо было беречься; нога все еще болѣла иногда, опухала послѣ долгаго стоянія, какъ сегодня въ церкви, во время заупокойной обѣдни. Сегодня — двадцать третья годовщина смерти императора Павла I: 11-е марта 1801 — 11-е марта 1824 года.

«Одной ногой въ могилѣ», усмѣхнулся онъ, глядя на свою протянутую ногу, той грустной усмѣшкой надъ самимъ собою, которая являлась у него въ послѣднее время все чаще.

Отъ :слишкомъ долгой неподвижности нога затекала, нѣмѣла. Надо было перемѣнить положеніе. Но встать; пошевелиться — лѣнь.

Въ пять назначилъ себѣ приняться за работу; пробило пять, половина шестого, шесть, а онъ все откладывалъ.

Теперь, послѣ болѣзни, часто находила на него эта лѣнь, желаніе сидѣть такъ, цѣлыми часами, не двигаясь, уставивъ глаза въ одну точку, ничего не дѣлая, ни о чемъ не думая, только чувствуя, что душа затекаетъ, нѣмѣетъ, какъ отсиженная нога, и бѣгають въ умѣ, какъ мурашки въ тѣлѣ, маленькія мысли, случайныя слова, Богъ вѣсть когда и гдѣ слышанныя, прилипшія къ памяти, назойливыя. Все одна и та же, безконечно, однозвучно тикаетъ да тикаетъ въ ушахъ, какъ маятникъ, глупая пѣсенка. Одинъ

стихъ забыль, старался вспомнить и не могъ; выходила
безсмыслица:

Но на счастье прочно...
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Какая риема на полынь? Простынь? пустынь? аминь?
Нѣтъ, безсмыслица. Но чѣмъ безсмыслениѣй, тѣмъ прилип-
чивѣй.

Или еще другое. Давеча, когда государыня совѣтовала
ему, вмѣсто скучныхъ русскихъ романовъ, читать Вальтеръ-
Скотта, вспомнился ему анекдотъ Константина Павловича,
большого любителя такихъ вздоровъ: какъ уѣздная барыня-
старушка, слушая разговоръ о Вальтеръ-Скоттѣ, удивилась:
«конечно, господинъ Вольтеръ большой вольнодумецъ, но
право же, *скотомъ* нельзя его назвать». — «Вальтеръ-Скоттъ,
Вольтеръ скотъ; Вальтеръ-Скоттъ, Вальтеръ скотъ», — если
повторять быстро, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, выходитъ,
въ самомъ дѣлѣ, похоже.

«А воспаленіе-то сдѣлалось тамъ, гдѣ нога уже болѣла
разъ», подумаль вдругъ и вспомнилъ, какъ, года три
назадъ, на кавалерійскихъ маневрахъ шальная лошадь
зашибла ему ударомъ копыта это самое мѣсто — берцовую
кость лѣвой ноги. Такъ и въ душѣ больное мѣсто, кажется,
совсѣмъ зажило, а потомъ вдругъ опять заболить: ушибъ
на ушибъ, рана на рану — хуже всего: можетъ антоновъ
огонь сдѣлаться. Нѣтъ, не надо, не надо объ этомъ; ужъ
лучше — «Вальтеръ-Скоттъ, Вольтеръ скотъ».

Но на счастье прочно
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Всталъ, потянулся и медленно-медленно, судорожно,
до боли въ скулахъ, зѣвнулъ. «Иногда бываетъ тяжеле
вѣвать, чѣмъ плакать, — пришла ему давняя мысль:—кто
знаетъ, можетъ-быть, въ аду — не плачь и скрежетъ зубовъ,
а только зѣвота, скука — вѣчность скуки?»

Часы опять пробили. «Который часъ? — Вѣчность. —
Кто это сказалъ? Да, сумасшедшій поэтъ Батюшковъ, —

памедни Жуковскій разсказываль... Чась на чась, вѣчность на вѣчность, рана на рану — 11-е марта, 11-е марта... Нѣтъ, не надо, не надо»...

Подошелъ къ столу, сѣлъ, хотѣлъ начать работу; но замѣтилъ пыль на малахитовой чернильницѣ. Слугамъ не позволялъ сметать пыль со столовъ, чтобъ не рылись въ бумагахъ. Стеръ замшевой тряпочкой. Замѣтилъ также, что одинъ изъ двухъ канделябровъ по обѣимъ сторонамъ часовъ на каминѣ снять. Нарушенный порядокъ въ комнатѣ мѣшалъ ему работать. Отыскивая недостающій канделябрь, оглядывалъ комнату близорукими глазами въ лорнетъ, старенькій, простенькій, черепаховый, всегда хранившійся за обшлагомъ рукава.

Кабинетъ былъ угловая зала окнами на Неву и Адмиралтейство. Ни рѣзьбы, ни позолоты: сѣрая голыя стѣны; на потолкѣ — темно-зеленою краской живопись въ древнеримскомъ вкусѣ: крылатая побѣда, трофеи, колесницы, всадники. Мебель краснаго лака, съ бронзою, наполеоновской имперіи; при малѣйшемъ пятнышкѣ или царапинѣ замѣнялась новою; вся въ чехлахъ, дешевенькихъ, блак-жевыхъ съ розовыми полосками, три раза въ годъ мытыхъ. Паркетъ гладкій и скользкій, какъ ледъ. Большой письменный столъ — въ простѣнкѣ, между окнами, а посрединѣ — столики маленькіе, въ родѣ ломберныхъ, крытые зеленымъ сукномъ, какъ въ канцеляріяхъ; на каждомъ — дѣла особаго вѣдомства, одинаковыя чернильницы и одинаковыя пачки гусиныхъ перьевъ, очиненныхъ заново: перо, употребленное разъ, хотя бы только для подписи, замѣнялось новымъ; за этимъ слѣдилъ камердинеръ Мельниковъ, получавшій три тысячи въ годъ за чинку перьевъ. И подъ каждымъ столомъ одинаковый коврикъ, красный, съ голубыми разводами. Всюду чистые платки и замшевыя тряпочки для сметанія пыли. Два каминя, одинъ противъ другого, тоже одинаковые: бюстъ Паллады — на одномъ, бюстъ Юноны — на другомъ; часы съ бронзовымъ Ахиллесомъ и часы съ бронзовымъ Гекторомъ; канделябры здѣсь и канделябры тамъ. Все одинаково, правильно, соотвѣтственно,

единообразно. «Я люблю единообразіе во всемъ», говорилъ Аракчеевъ и повторялъ государь.

Отыскалъ, наконецъ, канделабръ на кругломъ шахматномъ столикѣ, въ дальнемъ углу; отнесъ и поставилъ на мѣсто.

Вдругъ вспомнилъ недостающій стихъ:

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Это удовлетворило его такъ же, какъ поставленный на мѣсто канделабръ; теперь все въ порядкѣ. Опять сѣлъ за столъ.

Передъ нимъ лежали двѣ записки члена Государственнаго Совѣта, адмирала Мордвинова, о смертной казни и о кнутѣ.

«Прошло болѣе семидесяти лѣтъ, какъ смертная казнь отмѣнена въ Россіи, — писалъ Мордвиновъ. — Возстановленіе оной казни въ ново-издаваемомъ уголовномъ уставѣ, при царствованіи императора Александра I, приводитъ меня въ смущеніе и содроганіе. Я не дерзаю и помыслить, что казнь сія, при благополучномъ его величества правленіи, сдѣлалась нужнѣе, нежели въ то время, когда была отмѣнена»...

«Да, нужнѣе, — подумалъ, — если будетъ судъ надъ ними...»

Сморщился, какъ отъ внезапной боли, поскорѣе отложилъ записку о казни и сталъ читать другую — о кнутѣ.

«Съ того знаменитаго для человѣчества времени, когда всѣ народы европейскіе отмѣнили пытки, одна Россія сохранила у себя кнутъ, что даетъ поводъ народамъ иностраннымъ заключать, что отечество наше находится еще въ состояніи варварскомъ. Кнутъ есть мучительное орудіе, которое раздираетъ человѣческое тѣло, отрываетъ мясо отъ костей, метаетъ по воздуху брызги крови и потоками оной обливаетъ тѣло; мученіе лютѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ, ибо всѣ другія менѣе бываютъ продолжительны; тогда какъ для двадцати ударовъ кнута нуженъ цѣлый часъ; при

многочисленности же ударовъ мученіе продолжается отъ восходящаго до заходящаго солнца».

Предлагалось «уничтожить навсегда кнутъ, орудіе казни, несоотвѣтственной настоящей степени просвѣщенія и благоправія русскаго народа».

Семь лѣтъ назадъ, по высочайшему повелѣнію, предложено было Государственному Совѣту уничтожить кнутъ; въ семь лѣтъ ничего не сдѣлано, и если опять предложить, — пройдетъ еще семь лѣтъ, — и ничего не сдѣлаютъ.

Не проще ли взять перо, обмакнуть въ чернила и написать тутъ же, на поляхъ записки: «Быть по сему»? Ужъ если нельзя и этого, то на что самодержавіе? А вотъ нельзя. Быть по сему, быть по сему — и ничему не быть.

Что Аракчеевъ скажетъ? То, что уже говорилъ: «доложу вамъ, батюшка: Мордвиновъ — пустой человѣкъ. Поговорю съ нимъ, но напередъ знаю, что ничего добраго не услышу». А старички-сенаторы, столпы отечества, во всѣхъ углахъ зашущукаютъ: «нельзя Россіи быть безъ кнута!» Если ихъ послушать, то конецъ кнута — начало революціи.

Вспомнилъ указъ о снятіи шлагбаумовъ, никому ненужныхъ, кромѣ пьяныхъ инвалидовъ, чтобы кланчить на водку съ проѣзжихъ, да срывать верхи съ колясокъ. Указъ готовъ былъ къ подписи, но государь подумалъ и не подписалъ. «Какъ не мудри, все будетъ по-старому», говоритъ Аракчеевъ и правъ. Стоитъ ли ворошить кучу?

— «Покрасили бы комнату», — сказалъ кто-то баснописцу Крылову, увидѣвъ сальное отъ головы его пятно на стѣнѣ.

— «Эхъ, братецъ, выведешь одно, будетъ другое. Не покрасишься».

Такъ и онъ: ни сальныхъ, ни кровавыхъ пятенъ уже не мечтаетъ вывести; мечталъ объ отмѣнѣ самодержавія — и вотъ не отмѣнилъ шлагбаумовъ, не отмѣнитъ кнута. «Какъ ни мудри, все будетъ по-старому».

Но вѣрилъ же когда-то, что все будетъ по-новому. «Что бы ни говорили обо мнѣ, я въ душѣ республиканецъ, и никогда не привыкну царствовать деспотомъ». Если не отрекся

отъ самодержавія тотчасъ же, какъ вступилъ на престолъ то только потому, что раньше хотѣлъ, даруя свободу Россіи произвести лучшую изъ всѣхъ революцій — властью законою. Помѣшало Наполеоново нашествіе. Но, по освобожденіи отъ врага внѣшняго, не вернулся ли къ мысли объ освобожденіи внутреннемъ? Что же такое — Священный Союзъ главное дѣло жизни его, какъ не послѣднее освобожденіе народовъ? Евангеліе — вмѣсто законовъ; власть Божія — вмѣсто власти человѣческой. Вѣрилъ: когда всѣ цари земны сложатъ вѣнцы свои къ ногамъ единаго Царя Небеснаго да будетъ Самодержцемъ народовъ христіанскихъ не кто иной, какъ Самъ Христосъ, — тогда, наконецъ, совершится молитва Господня: да придетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ.

Да, вѣрилъ и донинѣ вѣрить. Но, какъ ни мудри, все будетъ по-старому.

— «Болтовня безобидная, памятникъ пустой и звонкій», — говорилъ Меттернихъ о Священномъ Союзѣ.

Евангеліе — Евангеліемъ, а кнутъ — кнутомъ. Пусть же брызги крови по воздуху мечутся, мясо отъ костей отрывается, — въ часъ двадцать ударовъ, въ три минуты ударъ, — и такъ отъ восходящаго до заходящаго солнца. Можетъ быть, и сейчасъ, пока онъ думаетъ...

Но если не отмѣнить, то хоть смягчить?.. Смягчитъ кнутъ? «Кнутъ на ватѣ» — вспомнилось ему изъ доносовъ тайной полиціи чье-то слово о немъ. Любилъ подслушивать и собирать такія словечки — посыпать солькраны свои.

Вспомнилъ и то, какъ, приготовляясь къ рѣчи о конституціи на Польскомъ сеймѣ, учился красивымъ движеніямъ тѣла и выраженіямъ лица, точно актеръ передъ зеркаломъ, — и вдругъ вошелъ адъютантъ. Теперь еще вспоминая, краснѣетъ. Когда потомъ называли Польскую конституцію «зеркальной», онъ зналъ почему.

«Господинъ Александръ, по природѣ своей, великій актеръ, любитель красивыхъ тѣлодвиженій», — говорилъ о немъ Бабушка.

Неужели — такъ? Неужели все въ немъ — ложь, обманъ, красивое тѣлодвиженіе, любованіе собой передъ зеркаломъ? И послѣдняя правда — то, что сейчасъ подступаетъ къ сердцу его тошнотой смертною—презрѣніе къ себѣ?

Хоть бы—ужась; но ужаса нѣтъ, а только скука — вѣчность скуки, та зѣвота, которая хуже, чѣмъ плачь и скрежетъ зубовъ.

А можетъ-быть, и лучше, покойнѣе такъ? Вернуться бы въ кресло, усѣсться поудобнѣе, протянуть больную ногу на подушку и приняться опять за «Ліодора и Юлію»; или уставиться глазами въ одну точку, ничего не дѣлая, ни о чемъ не думая, пока душа опять не затечетъ, не онѣмѣетъ, какъ отсиженная нога, и маленькія мысли въ умѣ, какъ мурашки въ тѣлѣ, не забѣгаютъ: «Вальтеръ-Скоттъ, Вольтеръ скоттъ»...

Съ немовѣрнымъ усиліемъ всталъ, торопливо, какъ будто боясь, что не хватить рѣшимости, подошелъ къ столу въ простѣнкѣ между окнами, торопливо-торопливо отперъ ящикъ и вынулъ бумаги.

То былъ доносъ генерала Бенкендорфа и его, государя, собственная записка о Тайномъ Обществѣ.

Доносъ подробнѣйшій: вся исторія Общества; его зарожденіе, развитіе, раздѣленіе на двѣ Управы: Сѣверную въ Петербургѣ и Южную въ Тульчинѣ, Васильковѣ, Каменкѣ; имена директоровъ и главныхъ членовъ; цѣли: у Сѣверныхъ — ограниченіе монархіи, у Южныхъ — республика; способы дѣйствія: у однихъ — тайная проповѣдь, у другихъ военный бунтъ и революція съ царевубійствомъ.

Легко было по этому доносу схватить всѣхъ заговорщиковъ и уничтожить заговоръ: протянуть руку и взять, какъ гнѣздо птенцовъ.

Четыре года назадъ, былъ поданъ доносъ и четыре года пролежалъ въ столѣ, нетронутый: прочелъ его, положилъ въ ящикъ, заперъ на ключъ и не вынималъ съ тѣхъ поръ, какъ будто забылъ. Ничего не сдѣлалъ, никому не сказалъ. Бенкендорфа пзбѣгалъ, въ глаза ему не смотрѣлъ, точно гнѣвался, а тотъ не могъ понять, за что немилость.

Какъ будто забылъ, — но не забывалъ. Какъ преступникъ, не думая о своемъ преступленіи, чувствуетъ его во снѣ и наяву; какъ неизлѣчимо больной, не думая о своей болѣзни, никогда ея не забываетъ, — такъ не забывалъ и онъ, за всѣ эти четыре года, ни на одинъ день, ни на одинъ часъ, ни на одну минуту.

Тогда же, при первомъ чтеніи, началъ было составлять записку для себя самого, чтобы успокоить, отдалить и выяснить свои собственные, слишкомъ страшныя, близкія и смутныя мысли, а также для Аракчеева, которому хотѣлъ сказать все; тогда хотѣлъ, потомъ уже не могъ. Но едва началъ писать, какъ почувствовалъ, что нѣтъ силъ: думать трудно, а говорить и писать невозможно.

Перечелъ доносъ и взглянулъ на первыя слова неоконченной записки:

«Есть слухи, что пагубный духъ вольномыслія разлитъ или, по крайней мѣрѣ, сильно уже разливается между войсками. Зараженіе умовъ генеральное»...

И еще въ другомъ мѣстѣ по-французски:

«Эти господа хотятъ меня застрашать; они обладаютъ большими средствами: кого угодно могутъ возвысить или уничтожить. Дѣло идетъ объ изысканіи средствъ для борьбы съ такъ называемымъ *духомъ времени* — духомъ сатанинскимъ, распространяющимъ господство зла быстро и тайно какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи. Одинъ только Спаситель можетъ доставить это средство Своимъ божественнымъ словомъ. Воззовемъ же къ Нему изъ глубины нашихъ сердецъ, да пошлетъ Онъ намъ Духа Своего Святого. Карбонары разсѣяны всюду. Но, съ помощью Божественнаго Промысла, я буду посредникомъ для огражденія Европы а слѣдовательно, и Россіи отъ язвы революціи»...

И теперь, такъ же какъ тогда, почувствовалъ, что продолжать записку нѣтъ силъ. Надо терпѣть, молчать, скрывать отъ всѣхъ эту страшную и постыдную язву.

Онъ зналъ, что дѣлаетъ; зналъ, что ни дня, ни часа, ни минуты медлить нельзя; что за эти четыре года заговоръ немовѣрно усилился; что онъ, бездѣйствуя, потворствуетъ

злу, гуонть Россію и за это дастъ отвѣтъ Богу; — все зналь и ничего не дѣлалъ.

И чѣмъ утѣшалъ себя, чѣмъ оправдывалъ?

Всегда носилъ въ карманѣ записную книжку, подарокъ князя Меттерниха, главнаго совѣтника своего въ борьбѣ съ революціей; на первой страницѣ — вмѣсто заглавія: *Не давать ходу*, — и далѣе въ азбучномъ порядкѣ — списокъ лицъ подозрительныхъ въ Европѣ и въ Россіи. Меттернихъ началъ, Александръ продолжалъ. Когда представляли ему новое лицо, справлялся о немъ по *Сибиллиной книгѣ*, какъ называла ее Марья Антоновна, — и если находилъ имя, — не давалъ ходу, преслѣдовалъ тайно или явно. Были въ спискахъ и члены Тайнаго Общества; за четыре года много именъ прибавилось, которыхъ въ доносѣ Бенкендорфа не было. И вотъ чѣмъ утѣшался: «всѣ они, — думалъ, — у меня въ рукахъ; когда наступитъ время, уничтожу всѣхъ».

Такъ и теперь попробовалъ утѣшиться: досталъ изъ кармана книжку, перечелъ списокъ; на букву Г прибавилъ: «Камеръ-юнкеръ Голицынъ — въ очкахъ».

«Вотъ бы съ кѣмъ поговорить. Онъ Софьинъ другъ; не можетъ быть и мнѣ врагомъ. Обличить, пристыдить, довести до раскаянія. Сначала его, а потомъ и другихъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, преувеличено? Никакого заговора нѣтъ, а только дѣтская шалость? Подождать, — само пройдетъ».

Утѣшался, но не утѣшился. Похоже было на то, какъ если бъ кто-нибудь, видя чумной нарывъ на тѣлѣ своемъ, говорилъ себѣ: это ничего, — такъ, прыщикъ. само пройдетъ. Теперь уже зналь, что само не пройдетъ, и что эта книжечка — противъ Тайнаго Общества — тряпочка съ масломъ на чумной нарывъ.

И Крыловъ, опять Крыловъ, лѣнтяй—лѣнтяю вспомнилъся. Надъ самымъ диваномъ, гдѣ обыкновенно сиживалъ Крыловъ, большая, въ тяжелой рамѣ, картина висѣла наискось: съ одного гвоздя сорвалась и на другимъ едва держалась.

— «Берегитесь, Иванъ Андреевичъ,—убьетъ».

— «Небось, по закону механики, кривую линію опишетъ, падая: какъ разъ мимо головы пролетитъ».

«Пролетить мимо», думалъ когда-то и онъ о заговорѣ; но теперь зналъ, что не мимо.

Во время болѣзни, ожидая смерти, понялъ, что нельзя оставлять Россіи такого наслѣдства, и далъ себѣ клятву, если выживетъ, рѣшить, наконецъ, что-нибудь о Тайномъ Обществѣ, что-нибудь сдѣлать. И вотъ именно сегодняшній пень, самый для него святой и страшный — 11-е марта — назначилъ себѣ, чтобы рѣшить.

Что же? Судь? Казнь?

— «Не мнѣ ихъ судить и казнить: я самъ раздѣлялъ и поощрялъ всѣ эти мысли, я самъ больше всѣхъ виноватъ», сорвалось у него съ языка, при первыхъ слухахъ о Тайномъ Обществѣ, которые сообщилъ ему, еще раньше доноса Бенкендорфова, генералъ Васильчиковъ.

Да, первый и главный членъ Тайнаго Общества — онъ самъ. «Негласный комитетъ», собиравшійся здѣсь же, въ покояхъ Зимняго дворца, — пять молодыхъ заговорщиковъ — Чарторыжскій, Новосильцевъ, Кочубей, Строгановъ и онъ, государь, — вотъ колыбель Тайнаго Общества

Къ Бенкендорфову доносу приложенъ былъ уставъ Союза Благоденствія. Цѣли союза: ограниченіе монархіи, народное представительство, уничтоженіе крѣпостного права, гласность судовъ, свобода тисненія, свобода совѣсти, — все, чего желалъ онъ самъ.

Сколько разъ говорилъ: желалъ бы сдѣлать то и то, — но гдѣ люди? Кѣмъ я возьмусь? Вотъ кѣмъ. Вотъ люди. Сами шли къ нему, но онъ ихъ отвергъ; и если пойдутъ мимо, противъ него, — кто виноватъ?

Говорилъ — слышали; училъ — учились; повелѣлъ — исполнили. Онъ измѣнилъ тому, во что вѣрилъ; они остались вѣрными. За что же ихъ судить? За что казнить? Если имъ на шею петлю, то ему — жерновъ мельничный за соблазнъ малыхъ сихъ. Судить ихъ — себя судить; казнить ихъ — себя казнить.

Онъ — отецъ; они — дѣти. И казнь ихъ будетъ не казнь, а убійство дѣтей. Отцеубійствомъ началъ, дѣтоубійствомъ

кончить. Взошелъ на престоль черезъ кровь и черезъ кровь сойдетъ: 11-е марта — 11-е марта.

Такъ вотъ ужась, который онъ звалъ, — пробужденіе отъ страшнаго смертнаго сна. Что еще жива душа его, онъ только и зналъ по этому ужасу.

Нѣтъ, никогда ничего не рѣшитъ, ничего не сдѣлаетъ. Будь что будетъ, — молчать, терпѣть, скрывать до конца страшную и постыдную язву.

Собралъ бумаги, положилъ ихъ опять въ тотъ же ящикъ стола и заперъ съ такимъ чувствомъ, что уже никогда не вынетъ.

На самомъ днѣ замѣтилъ отдѣльный листокъ очень старой пожелтѣвшей бумаги — чье-то письмо. Зналъ чье, къ кому, о чемъ; хотѣлъ-было перечесть, но раздумалъ, рѣшилъ — потомъ; оставилъ въ ящикѣ, только положилъ на виду, сверху, такъ, чтобы найти тотчасъ, когда надо будетъ.

Подошелъ къ окну, посмотрѣлъ. Прояснило, — должно-быть, подморозило. Мокрый снѣгъ пересталъ. Слышался желѣзный скрежетъ скребковъ: счищали снѣгъ съ набережной — знакомый петербургскій звукъ, напоминающій весеннюю оттепель. Посыпали гранитныя плиты желтымъ пескомъ: государь любилъ весеннія прогулки по набережной. Черезъ бѣлую скатерть Невы перевозъ подтаявшій, съ наклоненными елками, уже чернѣлъ по-весеннему. Свѣтлый шпиль Петропавловской крѣпости пересѣкалъ темно-лиловыя полосы тучъ и блѣдно-зеленыя полосы неба, тоже весенняго; а тамъ, на западѣ, надъ многоколонною биржею, похожей на древній храмъ, небо еще блѣднѣе, зеленѣе, золотистѣе, — бездонно-ясное, бездонно-грустное, какъ чей-то взоръ. Чей?

«Не надо, не надо»... хотѣлъ сказать еще разъ, но уже не могъ, — вспомнилъ все.

То былъ послѣдній, наканунѣ страшной ночи, семейный обѣдъ императора Павла I; всѣ они, жена и дѣти, думали, что онъ — сумасшедшій; а онъ, отецъ, думалъ, что они — убійцы. Но ѣли, пили, говорили, шутили, какъ ни въ чемъ не бывало. Только на прощаніе Павелъ подошелъ къ Александру, обнялъ его, поцѣловалъ, перекрестилъ, положилъ

ему объ руки не плечи и посмотрѣлъ прямо въ глаза, долго-долго, съ такой любовью, какъ никогда. Одинъ мигъ казалось обоимъ, что они другъ другу скажутъ все и все простятъ.

И вотъ опять блѣдно-зеленое небо смотритъ ему прямо въ душу, бездонно-ясное, бездонно-грустное, какъ тотъ послѣдній взоръ. Но теперь уже нельзя сказать, нельзя простить.

И кажется, тотъ мигъ и этотъ — одинъ; между ними нѣтъ времени, какъ будто время шло не впередъ, а назадъ: наступало прошлое, наступило, пришло — и уже никогда не уйдетъ. И двадцать три года жизни — Наполеонъ, пожаръ Москвы, взятіе Парижа, побѣды, слава, величіе, — все исчезло, какъ сонъ, — ничего не было, а было, есть и будетъ одно — вотъ этотъ вѣчный мигъ.

Теперь только понялъ, почему не можетъ судить и казнить заговорщиковъ. Не онъ — ихъ, а они его будутъ судить и казнить. Божій судъ надъ нимъ, Божья казнь ему — въ нихъ. Кровь за кровь. Кровь сына за кровь отца.

Повалился на стулъ и закрылъ лицо руками.

Кто-то постучался въ дверь. Вздрогнулъ, обернулся, поблѣднѣлъ такъ, какъ въ ту страшную ночь.

Откликнулся не сразу. Но когда черезъ нѣсколько минутъ вошелъ камердинеръ Мельниковъ со свѣчами — уже стемнѣло — и съ докладомъ объ архимандритѣ Фотіи, государь сидѣлъ опять въ креслѣ, какъ давеча, протянувъ больную ногу на подушку, съ книгой въ рукахъ, и лицо его было такъ спокойно, что никто не догадался бы, что онъ сейчасъ думалъ и чувствовалъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дежурный камердинеръ Мельниковъ доложилъ государю объ архимандритѣ Фотіи. Государь велѣлъ принять.

Потайной Zubовской лѣстницей, такой темной, что среди дня ходили по ней съ огнемъ, введенъ былъ Фотій во дворецъ.

Въ былые годы раздавалось по ночамъ на этой лѣстницѣ мяуканье, которымъ фрейлины звали юнаго кота къ дряхлой кошуркѣ, Платона Zubова — къ Бабушкѣ; а потомъ къ внуку пробирались тайкомъ на духовныя бесѣды статская совѣтница Татаринова-хлыстовка, Крюденерша-пророчица, придворный лакей Кобелевъ—посоль скопческаго бога Селиванова, и графъ Жозефъ де-Местръ—посоль римскаго папы, и англійскіе квакеры, и русскій юродь, барабанщикъ Никитушка, и еще много другихъ.

Идучи по лѣстницѣ, Фотій крестился и крестилъ всѣ углы, переходы, и двери, и стѣны дворца, помышляя, что «тѣмъ здѣсь живутъ силъ вражьихъ».

Когда вошелъ въ кабинетъ государя, тотъ всталъ навстрѣчу ему и хотѣлъ подойти подѣ благословеніе. Но Фотій какъ будто не видѣлъ его; искалъ глазами по угламъ, перебѣгая взоромъ отъ мраморной Паллады надъ каминнымъ зеркаломъ къ триумфальнымъ колесницамъ и крылатымъ побѣдамъ на потолкѣ. Тамъ, подѣ ними, въ углу, нашель, наконецъ, образокъ. Истоиво, медленно перекрестился и тогда только взглянулъ на государя.

Тотъ понялъ: сначала Богу поклонись, Царю Небесному, а потомъ — земному. Понравилось.

— Благословите, о. Фотій!

— Во имя Отца, и Сына, и Духа Святаго. Благослови тебя Господи!

Тѣмъ же истовымъ, широкимъ крестомъ перекрестилъ его такъ, какъ простыхъ мужиковъ крестить сельскій священникъ. Опять понравилось.

Государь поцѣловалъ руку монаха, и тотъ не отдернулъ ея, какъ будто даже нарочно сунулъ, почти съ грубостью. Этого учить не придется, какъ прочихъ, чтобъ не кланялся въ ноги царю — скорѣе самъ потребуеть, чтобы ему поклонился царь.

Страхомъ расширенными глазами смотрѣлъ Фотій на государя; но то былъ страхъ нечеловѣческій; — продолжалъ, какъ давеча, на лѣстницѣ, крестить себя, крестить во всѣ стороны воздухъ: еще большія тѣмы вражьиx силъ живутъ здѣсь, близъ царя, а можетъ-быть, и въ немъ самомъ.

— Прошу васъ, присядьте, ваше преподобіе...

Государь запнулся: не былъ увѣренъ, что архимандрита зовутъ преподобіемъ; не твердъ былъ въ церковныхъ чинахъ, какъ и въ русскомъ языкѣ вообще, когда рѣчь шла о предметахъ духовныхъ: привыкъ говорить о нихъ по-французски и по-англійски.

Фотій сѣлъ, но не тамъ, гдѣ государь указывалъ, рядомъ съ собой, а поодаль, у окна, неловко, на самый край стула.

— Я очень радъ васъ видѣть,—продолжалъ государь, затрудняясь и не зная, съ чего начать.—Я много слышалъ о васъ отъ князя Голицына... и отъ графа Аракчеева,—поспѣшилъ прибавить, вспомнивъ, что Фотій Голицыну врагъ.—Я давно желалъ поговорить съ вами о дѣлахъ церкви, которая, къ душевному прискорбію моему, не такъ идутъ, какъ слѣдуетъ. Объ одномъ прошу васъ: говорите всю правду... Если бы вы знали, отецъ, какъ рѣдко слышу я правду и какъ въ этомъ нуждаюсь,—заключилъ съ искреннимъ чувствомъ.

— Государь всемилостивѣйшій, ваше императорское величество! — началъ было Фотій торжественно, видимо, заранѣе приготовленную рѣчь, но вдругъ остановился, какъ будто забылъ все, что хотѣлъ сказать; вытеръ платкомъ потъ съ

лица, растерянно махнулъ рукою, приподнявъ полу рясы, открывая высокій мужичій сапогъ, и вынулъ изъ-за голенища пачку листовъ, мелко исписанныхъ.

— Тутъ все, все, — забормоталъ, торопясь и оглядываясь: — если хочешь знать все, государь, слушай... Тутъ все, по Писанію, до точности...

И прочелъ заглавіе:

— *«Планъ разоренія Россіи и способъ оный планъ вдругъ уничтожитъ тихо и счастливо».*

Государь плохо слышалъ — былъ тугъ на ухо — и думалъ о другомъ: вспоминалъ рассказы Голицына о Фотіи.

Сынъ бѣднаго сельскаго причетника, родился на соломяхъ, въ хлѣву, какъ оный Младенецъ въ ясляхъ вноелеемскихъ. Всю жизнь былъ въ бѣдахъ, ранахъ, болѣзняхъ, біеніяхъ, потопленіяхъ многократно; нищъ, нагъ, хладенъ и гладенъ. Когда учился въ петербургской семинаріи, бѣгалъ по праздникамъ изъ Лавры на Васильевскій, къ теткѣ, за концомъ пирога или пяточкомъ на сбитень. Служа въ первомъ кадетскомъ корпусѣ законоучителемъ, вступилъ въ борьбу съ масонами, иллюминатами, мистиками и прочими слугами антихристовыми. Исполнившись Ильиною ревностью, небоязненно голосъ свой, какъ трубу, возвышалъ; какъ юродъ, ходилъ всюду; вопіялъ, обличалъ, хотѣлъ взять штурмомъ крѣпость вражью. На корпусномъ дворѣ, въ присутствіи кадетъ, собравъ кучу книгъ еретическихъ, сжегъ въ огнѣ съ громогласной анаемой. Подкупалъ слугъ въ домахъ, гдѣ происходили сборища мистиковъ; слуги проламывали стѣны подъ потолкомъ, просверливали дыры, и онъ наблюдалъ за тѣмъ, что творилось внизу, а потомъ доносилъ митрополиту или оберъ-полицеймейстеру. Наконецъ враги обѣщали, будто бы, милліонъ за убійство Фотія. Онъ бѣжалъ отъ нихъ при помощи кадетъ, выскочивъ ночью въ одной рубахѣ черезъ окно въ садъ и черезъ стѣну сада на улицу. Боролся съ бѣсами, которые являлись ему въ страшныхъ подобьяхъ тѣлесныхъ, били его и таскали за волосы до безчувствія, или, въ образѣ ангеловъ свѣтлыхъ, искушали хитрою лестью: «преподобный отче Фотій, сотво-

рилъ бы ты нѣкое чудо, — перешель бы у дворца по Невѣ, яко по суху». Былъ дѣвственникъ, плоти истязатель, великій постникъ; носилъ желѣзные вериги, спалъ въ гробу; цѣлыми недѣлями питался однимъ липовымъ цвѣтомъ съ медомъ, какъ Божья пчела, даже чая не имѣлъ у себя въ кельѣ, а пилъ укропникъ. Такъ ослабѣвалъ отъ поста, что едва стоялъ на ногахъ и шатался, какъ тѣнь; дрожалъ въ вѣчномъ ознобѣ и лѣтомъ ходилъ въ шубѣ. Въ Страстную же седмицу желудокъ его въ орѣховую скорлупу сжимался, и потомъ, чтобы привыкнуть къ пищѣ, постепенно увеличивая пріемы, развѣшивалъ ихъ, какъ лѣкарство, на аптекарскихъ вѣскахъ.

Вспоминая все это, государь съ любопытствомъ вглядывался въ лицо Фотія.

Худенькій, сухонькій, востренькій, будто весь колючій съ колючими какъ рыбы косточки, быстро сверкающими, сѣрыми глазками, хищными, какъ у хорька, съ пушистыми, рыжими, какъ хорьковый мѣхъ, волосами и рыжей бородкой; сквозь прозрачно-восковую блѣдность кожи проступаетъ синева пятнами, какъ на лицѣ покойника. Не посидеть на мѣстѣ, все шевелится, боязливо оглядываясь, то же какъ дикій хорекъ въ клѣткѣ. Но въ этой дикости—что-то жалкое, дѣтское, что внушало невольное желаніе погладить и приручить его, — только бы не укусилъ.

Фотій продолжалъ читать, бормоча себѣ подъ носъ, невнятно, быстрымъ задыхающимся шопотомъ, — отдѣльные слова долетали до государя, похожія на бредъ.

— «Число звѣриное 666. Се — тайна послѣднихъ временъ, тайна великая. На 1836 годъ готовится царство Звѣря... Пароль на все наложенъ: раскопать алтари и разрушить престолы... Подъ видомъ тысячелѣтняго царствованія, еоократическаго правленія — новая религія во грядущаго Антихриста... всемірная революція»...

— Прошу васъ, о. Фотій, — остановилъ его государь:—я плохо слышу на лѣвое ухо, пересядьте сюда, поближе.

Фотій вздрогнулъ и дико воззрился, но тотчасъ пересѣлъ; продолжалъ читать. Государь слушалъ и не вѣрилъ

ушамъ своимъ: Священный Союзъ — революціонный заговоръ.

— Какъ же такъ, о. Фотій? О тысячелѣтнемъ царствіи святыхъ на землѣ не молится ли сама церковь?

Это слышалъ онъ отъ Голицына; тотъ именно такъ объяснялъ Священный Союзъ, о которомъ, при заключеніи его, объявлено было торжественно, во всѣхъ церквахъ Россійской имперіи.

— Чего молиться? Все исполнилось, — проворчалъ Фотій сердито.

— Когда же? Гдѣ?

— Со дней св. Константина Равноапостольнаго — въ церкви православной, католической; много же царства не будетъ. Такъ отцы предали, такъ и мы вѣруемъ. А что сверхъ сего, то отъ лукаваго...

Государь не возражалъ болѣе, но покачалъ головою сомнительно: войны, смуты, революціи, раздѣленіе церквей, братоубійственная ненависть народовъ — это ли царство Божіе на землѣ, какъ на небѣ?

— Тутъ все у меня, все по Писанію, до точности. Вотъ слушай...

Опять засуетился, отыскивая нужные листки, лазилъ за голенища, за отвороты рукавовъ и за пазуху; весь былъ обложенъ доносамн, какъ воинъ доспѣхами.

Государь испугался, что чтеніе никогда не кончится.

— Знаете что, о. Фотій: оставьте мнѣ ваши записки, я прочту уже внимательно, а теперь поговоримъ. Скажите мнѣ все, что на сердцѣ у васъ...

Фотій началъ было снова суетиться, креститься, но вдругъ положилъ листки на столъ, привсталъ, наклонился, вытянулъ шею, приблизилъ губы къ самому уху царя и зашепталъ уже внятнѣмъ шопотомъ:

— Какъ пожаръ, въ Россіи вскорѣ возгорится революція; уже дрова подкладены и огонь подкладываютъ... Министерство духовныхъ дѣлъ, Библейское Общество, иллюминаты, масоны и прочихъ мистиковъ сволочь зловерная — одинъ всеобщій заговоръ. Готовится вдругъ всегубительство.

Торжественно о томъ опубликовано, дабы мечи взять и всѣхъ заколотъ нечаянно... А всему причина главная, всѣмъ злодѣямъ злодѣй — знаешь кто?

— Кто?

— Голицынъ.

— Что вы, отецъ? Я князя Александра Николаевича знаю, вотъ уже тридцать лѣтъ: вмѣстѣ росли; люблю, какъ родного. Да если онъ, то и я...

— И ты, и ты, государь благочестивѣйшій, помазанникъ Божій, самъ себѣ, по невѣдѣнію, изрываешь ровъ погибели. Если не покаешься, будешь и ты въ сѣтяхъ дьявольскихъ!..

Вскочилъ и, весь дрожа, какъ листъ, глядя на него горящими глазами, закричалъ неистово:

— Съ нами Богъ! Господь силъ съ нами! Что сдѣлаетъ мнѣ человекъ? Ты, царь, можешь все: наступишь на меня, яко путникъ на мравіа, — и нѣтъ меня... Казни же, убей, возьми душу мою! Ничего не боюсь! На всѣхъ враговъ Господнихъ — анаоема!..

Въ поднятой рукѣ его что-то блеснуло, какъ ножъ: то былъ крестъ.

Государь тоже всталъ и невольно отступилъ. «Сумасшедшій!» промелькнуло въ головѣ его.

— Да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази его! Яко таетъ воскъ передъ лицомъ огня, да исчезнуть! — потрясалъ Фотій крестомъ, какъ ножомъ. — Если и ты, царь, не слушаешь, одно осталось: взять въ одну руку Евангеліе, въ другую — крестъ, и на площадь пойти, возгласить въ народъ: «православные, ратуйте!» И вся Россія узнаетъ... Многіе вступятся... Революція, такъ революція! Съ нами Богъ! Господь силъ съ нами! Пошли, Боже, громы твои, блесни молніей и разжени враговъ! О, Господи, спаси же! О, Господи, поспѣши же!...

Съ воплемъ, ломая руки, упалъ къ ногамъ государя; трясся весь, какъ въ припадкѣ.

— Встаньте же, встаньте, прошу васъ, не надо... — старался его поднять государь.

Но Фотій не вставалъ, ухватившись за него руками судорожно, какъ утопающій.

— Спаси, защити, помилуй, царь мой, Богомъ данный, возлюбленный! Я тебѣ вѣрный слуга, яко Богу... Хочешь, все скажу, все?.. Какъ планъ революціи вдругъ уничтожить тихо и счастливо?

И опять зашепталъ ему на ухо:

— Было мнѣ отъ Господа видѣніе: шли мы втроемъ по водѣ, яко по суху, — я, ты и онъ...

— Кто онъ? — съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ спросилъ государь.

— Графъ Аракчеевъ, — отвѣтилъ Фотій. — Графъ Аракчеевъ—столпъ отечества, мужъ преизящнѣйшій. Яко Георгій Побѣдоносець явится; вѣренъ, правдивъ, церковь Божию истинно любить; ему можно все повѣрить — все сдѣлаетъ... И я съ нимъ. Я, ты и онъ. Вмѣстѣ втроемъ, по водѣ, яко по суху... Государь батюшка, ваше величество, въ двѣнадцатомъ году побѣдилъ ты Наполеона тѣлеснаго; самого же Антихриста—Наполеона духовнаго, побѣдить можешь нынѣ въ три минуты одною чертою пера! Только указъ подпиши: Общество Библейское закрыть, Голицына удалить, министерство духовныхъ дѣлъ упразднить, — и въ три минуты, въ три минуты одною чертою пера уничтожишь всю революцію!..

Всталъ, но не удержался на ногахъ и въ изнеможеніи, почти въ безпамятствѣ, упалъ на стулъ; рыжіе волосы прилипли къ потному лбу; смотрѣлъ въ одну точку безмысленно, какъ будто ничего не видѣлъ и не сознавалъ, гдѣ онъ, что съ нимъ. Синева проступала еще больше сквозь трупную блѣдность лица; кончикъ носа заострился, какъ у мертваго.

Сумасшедшій? — думалъ Александръ. — Почему сумасшедшій? Потому ли, что красно говорить не умѣетъ, — не царедворецъ въ рясѣ, а простой мужикъ, неученый, немудрый, какъ тѣ галилейскіе рыбаки, коихъ избралъ Господь, дабы пристыдить мудрыхъ вѣка сего? И не все ли почти правда, что онъ говоритъ? Не въ Голицынѣ же дѣло. А что самъ я служилъ духу своеволія безбожнаго, духу

революціи сатанинскому и теперь еще, быть - можетъ, служу, по невѣдѣнію, — развѣ не такъ? И откуда онъ знаетъ, какъ будто прочелъ въ сердцѣ моемъ? Полно, ужъ не онъ ли мужъ Господень въ духѣ и силѣ, для моего спасенія посланный?..»

Фотій очнулся, зашевелился и съ трудомъ, черезъ силу, всталъ на ноги: должно-быть, понялъ, наконецъ, что нельзя сидѣть, когда царь стоитъ; понялъ также, что бесѣда кончена. Торопливо доставъ откуда-то забытый листокъ, приложилъ къ остальной пачкѣ на столѣ государевомъ. И опять что-то было дѣтское, жалкое въ этомъ движеніи, отъ чего государь еще сильнѣе почувствовалъ, что обидѣлъ его.

— О. Фотій, — проговорилъ онъ, взявъ его за руку, — объѣщая вамъ обо всемъ, что вы мнѣ сказали, подумать и, вѣрьте, все, что могу, сдѣлаю... А если что не такъ сказалъ, — простите, Бога ради! И помолитесь за меня, прошу васъ, очень прошу...

Какъ это часто съ нимъ бывало, умилился и растрогался отъ собственныхъ словъ.

Медленнымъ движеніемъ, морщась отъ боли въ ногѣ, — но чѣмъ больнѣе, тѣмъ пріятнѣе, — опустился на колѣни передъ Фотіемъ; красоту смиреннаго величія своего тоже почувствовалъ, какъ будто увидѣлъ себя въ зеркалѣ, — и еще больше растрогался; что-то подступило къ горлу, заще-котало привычно-сладостно.

Вотъ кому исповѣдаться во всемъ, сказать все, какъ Самому Христу Господню, — самое страшное, тайное, — объ этой вѣчной мукѣ своей, — о пролитой крови отца: ужъ если онъ проститъ, разрѣшитъ на землѣ, то будетъ разрѣшено и на небѣ.

И о красотѣ не думая, почти не сознавая, что дѣлаетъ, государь поклонился въ ноги Фотію.

Упоительнѣй, чѣмъ запахъ мускуса отъ черныхъ кружевъ баронессы Крюденеръ, былъ запахъ дегтя отъ мужичьихъ сапогъ. И такъ легко стало, какъ будто кровавая тяжесть вѣнца, которая всю жизнь давила его, вдругъ спала на одно мгновеніе.

Радость засверкала въ глазахъ Фотія, и онъ положилъ руки на голову царя, какъ на свою добычу.

— Благослови тебя, Господи!

Потомъ наклонился и еще разъ шепнулъ ему на ухо:

— Помни же, помни, помни: вмѣстѣ втроемъ — я, ты и онъ!

Уходя въ одну дверь, Фотій увидѣлъ въ другой, чуть-чуть пріотворенной, глазъ Аракчеева: онъ подслушивалъ и подглядывалъ.

Когда Фотій ушелъ, дверь пріотворилась шире, и Аракчеевъ, не входя, просунулъ голову.

— Алексѣй Андреичъ, ты? — позвалъ государь тѣмъ осторожнымъ голосомъ, которымъ говорилъ съ нимъ однимъ: такъ любящій говоритъ съ тяжело-больнымъ любимымъ другомъ. — Войди.

Аракчеевъ вошелъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Давняя вражда двухъ царскихъ любимцевъ, Аракчеева и Голицына, въ послѣднее время такъ усилилась, что самому государю отъ нихъ житья не стало. Надо было сдѣлать выборъ и кѣмъ-нибудь изъ двухъ пожертвовать. Но въ обоихъ нуждался онъ одинаково: въ Аракчеевѣ для дѣлъ земныхъ, въ Голицынѣ — для дѣлъ небесныхъ.

Голицынъ обратилъ государя въ христіанство: вмѣстѣ молились, вмѣстѣ читали Писаніе, вмѣстѣ издавали сочиненія мистиковъ, устраивали Библейское Общество и Священный Союзъ, мечтали о Царствіи Божіемъ на землѣ, какъ на небѣ. А безъ Аракчеева, какъ безъ рукъ и безъ ногъ, — пошевелиться нельзя.

И хуже всего было то, что Аракчеевъ, какъ подозрѣвалъ государь, вступилъ въ заговоръ противъ Голицына съ митрополитомъ Серафимомъ и Фотіемъ. Голицына все духовенство ненавидѣло, но скрывало ненависть, покорялось и терпѣло, молча. Когда же явился Фотій, то осмѣлѣло и взбунтовалось.

— Голицынъ патріархомъ сталъ, все священство разрушилъ, все себѣ въ руки забралъ! — вопилъ Фотій, и повторяли за нимъ другіе. — Изъ Св. Синода министерскую канцелярію сдѣлалъ и единъ, просто сказать, нечистый заходъ...

Между Синодомъ и министерствомъ началась такая свара, что хоть святыхъ вонъ выноси. Но государь надѣялся, по своему обыкновенію, примирить непримиримое, сдѣлать такъ, чтобъ и овцы были цѣлы и волки сыты.

Объ этомъ и хотѣлъ говорить съ Аракчеевымъ. Но слишкомъ скрытны были оба, чтобы начать сразу; говорили о другомъ, ходили вокругъ да около, притворялись, точно въ жмурки играли; высматривали и ощупывали другъ друга, какъ бойцы передъ битвою.

Государь хвалилъ Фотія; Аракчеевъ поддакивалъ.

— Святой человѣкъ, ваше величество, батюшка, воистину, святой. Такихъ только два и есть у насъ: о. Фотій, да о. Серафимъ, подвижникъ саровскій...

Какъ всё глухіе, государь былъ застѣнчивъ и мнителенъ: не любилъ, когда говорили слишкомъ громко, — это напоминало ему глухоту; а когда тихо, — боялся не слышать. Одинъ Аракчеевъ умѣлъ говорить, не возвышая голоса, но такъ внятно, что государь слышалъ каждое слово.

— Какъ же намъ, Алексѣй Андреичъ, съ Голицынымъ быть? — началъ онъ съ притворною безпечностью, удивившись, наконецъ, что Аракчеевъ объ этомъ первый ни за что не начнетъ; но, взглянувъ исподлобья, украдкой, — по лицу его, сразу окаменѣвшему, понялъ, что дѣло плохо.

— Ужъ не знаю, право, какъ быть? — продолжалъ государь боязливо и вкрадчиво: — всё дѣла стали, просто бѣда... Съѣздить бы ты къ митрополиту, поговорить бы съ нимъ — можетъ, и помирятся? Устроилъ бы какъ-нибудь... сдѣлай это для меня, голубчикъ...

— Радъ стараться, ваше величество! Какъ повелѣтъ изволите, такъ и сдѣлаю, — отвѣтилъ Аракчеевъ по-солдатски, сухо, почти грубо, и лицо его еще больше окаменило.

— Только не подумай чего, ради Бога, Алексѣй Андреичъ! Я вѣдь только такъ... Если ты... если тебѣ... — началъ государь и умолкъ подъ каменнымъ безмолвіемъ своего собесѣдника, — вдругъ испугался, растерялся окончательно; уже не радъ былъ, что заговорилъ.

Долго молчали оба, не глядя другъ на друга.

— Ваше величество, — произнесъ, наконецъ, Аракчеевъ тѣмъ глухимъ, уныло-торжественнымъ, какъ будто замогильнымъ, голосомъ, котораго боялся государь пуше

всего, — почитаю себя въ обязанности, по долгу вѣрно-подданнаго, говорить всю правду вашему величеству: вы столько были ко мнѣ милостивы, что сами пріучили меня къ тому. И нынѣ, боясь гнѣва Божьяго...

— Да иѣтъ же, нѣтъ, Алексѣй Андреичъ, я не о томъ, — тщетно пытался государь остановить его.

— ...И нынѣ, боясь гнѣва Божьяго, — продолжалъ Аракчеевъ неумолимо, — скажу вамъ всю правду, какъ передъ Богомъ истиннымъ. Я ничьихъ дѣлъ не знаю, а только, видя на опытѣ, что злыхъ людей больше, чѣмъ добрыхъ, и всегда худого больше на свѣтѣ, чѣмъ хорошаго, поставилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ никакого не имѣть ни съ кѣмъ знакомства и единственно своею заниматься должностію. Но грѣшно мнѣ было бъ не открыть того, что знаю, вашему величеству. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ...

Голосъ его оборвался, визгливый, пронзительный, плачущій. Государь слушалъ, уже не пытаясь остановить, покорно наклонивъ голову, съ такимъ же виноватымъ лицомъ, какъ давеча тотъ старый генералъ, которому Аракчеевъ дѣлалъ выговоръ.

— Князь Голицынъ—царю и отечеству врагъ, злодѣй государственный. Появленіе книгъ богоотступныхъ пронзаетъ горестію сердца благомыслящихъ подданныхъ. Уже и въ подломъ народѣ, отъ чтенія рассылаемыхъ повсюду Библий, о вольности толки рождаются. Далеко ли до бунта? Зараженіе умовъ есть генеральное... неблагонамѣренность, развратъ и революція...

Со страхомъ ждалъ государь, что онъ заговоритъ о Тайномъ Обществѣ. Но и теперь, какъ всегда, Аракчеевъ говорилъ такъ, что нельзя было понять, знаетъ онъ или не знаетъ, держалъ угрозу, какъ мечъ, надъ головой царя.

— Впрочемъ, буди воля вашего величества, а я изяснилъ мысли мои, по слабому моему разумѣнію; молчать и повиноваться не стать мнѣ учиться въ пятьдесятъ одинъ годъ отроду, съ самыхъ юныхъ лѣтъ жизни моей пріобыкнувъ къ сему. Какъ прикажете, такъ и сдѣлаемъ,—заклю-

чилъ онъ, вставая и вытягиваясь, какъ во фронтѣ: руки по швамъ.

— Алексѣй Андреичъ, Алексѣй Андреичъ!—воскликнулъ государь горестно. — Ты знаешь, какъ я тебѣ... — хотѣлъ сказать: преданъ,—какъ я тебя люблю... Сколько лѣтъ вмѣстѣ! И вотъ неужели же, неужели теперь?..

Что теперь будетъ,—предвидѣлъ: хотя по давнему опыту, могъ знать, что ничего не будетъ, но при каждой ссорѣ боялся, что Аракчеевъ уйдетъ отъ него,—и онъ пропалъ.

— Я, ваше величество, батюшка, знаю, что какъ милостей ко мнѣ вашихъ нѣтъ примѣра, такъ и преданности моей нѣтъ предѣловъ. Ни разума столько, ни словъ не имѣю, чтобы изъяснить вамъ всю благодарность мою. Но, чувствуя слабость здоровья, долженъ просить увольненія. Старость пришибла, кости болятъ; часъ-отъ-часу слабѣю, таю, какъ воскъ. Пора на покой, надобно и честь знать. Прошусь совсѣмъ прочь отъ дѣлъ, кои мнѣ наскучили и здоровье мое тяготятъ, по прямому моему карахтеру... Пусть ужъ другіе, а я не могу, не могу... Нѣтъ лести на языкѣ моемъ... Правдивая душа въ Божѣ почивающаго благодѣтеля моего, государя императора Павла I, призираетъ съ горнихъ и одобряетъ чувства, меня одушевляющія...

Поднялъ глаза къ небу и началъ всхлипывать, сперва тихо, потомъ все громче и громче. Государь смотрѣлъ на него съ возрастающимъ ужасомъ: слезъ его не могъ вынести.

— Алексѣй Андреичъ! Алексѣй Андреичъ! — повторялъ съ мольбою. — Что жъ это такое? За что? Господи, Господи!...

И всплескивалъ руками, и протягивалъ къ нему руки, и хватался за голову.

— Увольте, увольте, батюшка! — вдругъ зарыдалъ Аракчеевъ, закашлялся, задохся, затрясся весь, какъ въ припадкѣ, повалился на стулъ и сквозь кашель и плачь заизжалъ какимъ-то не своимъ, тонкимъ, страшнымъ, бабынымъ голосомъ. — На покой, на покой! Въ Цуруканскую крѣпость! Плацъ-майоромъ! По шапкѣ дурака стараго! Аракчеевъ — извергъ! Аракчеевъ — змій! Аракчеевъ — гадина!..

Государь вскочилъ, весь блѣдный, дрожащій, и, пока тотъ отхаркивалъ мокроту въ платокъ, — смотрѣлъ, не будетъ ли крови: давно уже пугаль его Аракчеевъ своимъ кровохарканьемъ. Вдругъ, отчаянно махнувъ рукою, государь тоже повалился въ кресло, уперся локтями въ столъ, стиснулъ руками голову и закрылъ глаза, заткнулъ уши, чтобы не видѣть, не слышать.

Аракчеевъ высморкался оглушительно, мало-по-малу затихъ, посмотрѣлъ на него украдкой, долго, спокойно и проникательно, какъ бы рѣшая, готовъ ли онъ; рѣшилъ, — готовъ. Тихонько всталъ и, весь изогнувшись, крадучись на цыпочкахъ, подошелъ, — черная тѣнь на сѣрой стѣнѣ промелькнула, какъ тѣнь исполинской *ночанки*. Опустился на колѣни, на колѣняхъ подползъ.

— Прости, батюшка! Огорчилъ я тебя, прости старика глупаго, ради Христа...

Тихонько взялъ руку его и поцѣловалъ. Государь вздрогнулъ, обернулся, съ боязливой улыбкой, какъ будто не вѣря своему счастью, посмотрѣлъ на него и вдругъ весь просіялъ, заплакалъ, бросился къ нему на шею. Лицо у него было въ эту минуту такое же, какъ у Софьи, больной дѣвочки, когда она къ нему ласкалась давеча.

— Алексѣй Андреичъ, дружочекъ миленькій... ты меня прости за все!.. И не надо больше, не надо объ этомъ. Ну, развѣ я... Боже мой, Боже мой, развѣ я могу безъ тебя? Да если бъ ты отъ меня...

— Не уйду, батюшка, не уйду, небось! Куда мнѣ? Только ты да Богъ, — больше никого не имѣю на свѣтѣ...

— А Голицына, — лепеталъ государь, торопясь и захлебываясь отъ радости, — Голицына, будь покоенъ... я и самъ хотѣлъ... Голицына завтра же не будетъ!

— Нѣтъ, государь, оставь Голицына, не тронь. Ужо къ митрополиту съѣзжу, дастъ Богъ, уладимъ все.

— Ну, хорошо, хорошо. Все, какъ ты... какъ вмѣстѣ рѣшимъ... только бы вмѣстѣ — и все хорошо будетъ! — проговорилъ онъ, глядя на него съ блаженной, сквозь слезы, почти влюбленной, улыбкой. — Да побереги ты себя, го-

лубчикъ, ради Бога, о своемъ здоровьи подумай. Вѣдь кашляешь-то какъ опять! Простудился, должно - быть... А молоко кобылье пьешь?

— Пью, батюшка, пью. Только не молоко, а милость твоя миѣ лучше всѣхъ бальзамовъ цѣлительныхъ... ничего больше не надо, — умереть бы у ногъ твоихъ, какъ псу, издохнуть...

Положилъ голову на колѣни государя, прижавшись къ рукѣ его мокрою отъ слезъ щекою, и смотрѣлъ снизу вверхъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ старшій вѣрный песъ.

— Одни мы съ тобою, одни на свѣтѣ, батюшка! Сироты бѣдныя. Никто-то насъ не любитъ, никто не жалѣетъ... Вотъ въ отставку выйдемъ вмѣстѣ уже, уѣдемъ въ Грузино, — лепеталь, какъ въ бреду, — по полямъ, по лѣсамъ будемъ гулять, цвѣтки собирать, пѣсенки пѣть, два брата названные... Только насъ двое всего, ты да я, да вотъ онъ еще, онъ промежъ насъ двухъ — третій...

Указаль на медальонъ императора Павла I, висѣвшій у него на груди. Всегда въ этотъ день — 11-го марта, единственный день въ году, — вмѣсто портрета царствующаго, надѣваль портретъ покойнаго императора. Поднесъ его къ губамъ благоговѣнно, перекрестился и поцѣловаль, какъ образъ.

— Прильпни языкъ мой къ гортани моей, аще не помяну тя во всѣ дни живота моего! — прошепталъ молитвеннымъ шопотомъ. — Какъ ручки-то наши соединилъ, помнишь?..

Александръ кивнулъ головою молча. Въ день восшествія своего на престолъ императоръ Павелъ I въ Зимнемъ дворцѣ, рядомъ съ комнатою, гдѣ умирала императрица Екатерина, соединяя руки Александра и Аракчеева, сказалъ: «будьте вѣчными друзьями».

— А рубашечку помнишь?..

Государь кивнулъ опять съ нѣжной улыбкой. Въ тотъ же памятный день, когда прискакавшій изъ Гатчины на фельдъегерской телѣжкѣ, подъ проливнымъ дождемъ, и промокшій весь до нитки Аракчеевъ долженъ былъ пере-

мѣнить бѣлье, — Александръ далъ ему свою рубашку; и онъ завѣщаль похоронить себя въ ней.

— Во снѣ-то нынче опять видѣлъ *его*, — шепталъ все тѣмъ же благоговѣйнымъ шопотомъ.

— Опять?

— Опять, батюшка! Каждый годъ въ эту самую ночь. Марта 11-го каждый годъ. Во прошломъ-то году — будто смутненькій такой, темненькій и личико все отворачиваетъ, шляпочку низко надвинулъ—лица не видать, вотъ какъ въ гробу лежалъ. А нынче, будто, съ открытомъ личикомъ, только весь желтенькій, жалкенькій такой, и на височкѣ на лѣвомъ малое черное пятнышко...

— Не надо! Не надо!—простоналъ Александръ, почти въ безпамятствѣ, закрывая лицо руками.

— Не буду, батюшка, небось, не буду. Прости меня, глупаго...

— Нѣтъ, говори, говори все. Какъ же нынче?

— А нынче, будто, все шейкою вертеть.—«Что это, говорить, какой галстухъ тугой? Не умѣють впору и галстуха сдѣлать!» И сердится будто. А потомъ о тебѣ говорить: «смотри, говорить, Алексѣй Андреичъ, чтобъ и съ нимъ *того же* не было. Береги его, будь ему въ отца мѣсто!»

Александръ слушалъ, содрогаясь, холодѣя весь, какъ будто доносилась къ нему въ этомъ шопотѣ нездѣшняя вѣсть.

— «Въ отца мѣсто»... — повторилъ, рыдая, и прильнулъ губами къ портрету Павла I на груди Аракчеева: ему казалось, что онъ цѣлуетъ живого отца. Было дальнее, дальнее дѣтство въ прикосновеніи жесткихъ, бритыхъ щекъ и въ запахѣ стараго зеленаго мундирнаго сукна — знакомый казарменный гатчинскій запахъ, запахъ отца. Последнее убѣжище, гдѣ ему уютно, покойно и ничего не страшно ни въ прошломъ, ни въ будущемъ—только здѣсь, на груди Аракчеева, на груди отца, какъ будто оба—одно, и онъ уже не различаетъ ихъ.

Плакали оба, и слезы ихъ смѣшивались. Аракчеевъ гладилъ волосы его, ласкалъ, какъ маленькаго мальчика. И государю казалось, что ласкаетъ его, прощаетъ отецъ.

Опомнися, когда Аракчеевъ кашлянулъ; затревожился.
— Горяченькаго бы тебѣ, дружокъ? Малины хочешь, аль пуншику?

— Чайку бы! — простоналъ Аракчеевъ болѣзненно.

Государь любилъ чай, и съ Аракчеевымъ особенно. Захлопоталъ, засуетился, позвонилъ камердинера. Зналъ, что государыня ждетъ; привыкла, во время болѣзни его, пить съ нимъ чай, дорожила этимъ единственнымъ временемъ, когда были они вмѣстѣ. Но послалъ ей сказать, что не придетъ,—не задумался пожертвовать ею «другу безному».

Самъ заварилъ чаю, особаго, зеленаго, аракчеевскаго, изъ свѣжаго цыбика; перемылъ чашки, полотенцемъ вытеръ тщательно; налилъ не жидко, не крѣпко, а въ пору какъ разъ. Кололь для прикуски мелкіе кусочки сахару: зналъ всѣ его привычки и прихоти. Ухаживалъ, потчевалъ.

— Крендельковъ анисовыхъ? Любимые твои. Сливочекъ?

— Сырыхъ не пью батюшка.

— Варенныя. Ефимычъ знаетъ: сырыхъ не подастъ. Видишь, пѣночка. Ты съ пѣночкой любишь?

— Люблю съ пѣночкой,—вздыхнулъ Аракчеевъ жалобно; и жалобно дую губами, сложенными въ трубочку, смиренно пилъ съ блюдечка. Государь смотрѣлъ на него съ умиленіемъ, какъ мать на больного ребенка.

Бесѣдовали о мелочахъ военной службы—предметъ излюбленный, неизсякаемый и всегда успокоительный.

Разсматривали новаго образца щеточку для солдатскихъ усовъ и дощечку для чищенія пуговицъ. Тутъ же сдѣлали пробу: вычищенные на мундирѣ Аракчеева пуговицы заблистѣли, какъ жарь. И щеточка оказалась восхитительной.

Потомъ заговорили о новомъ указѣ: «дабы по всей арміи дѣлали шаги въ аршинъ, тихимъ шагомъ, по 75 въ минуту, а скорымъ, той же мѣры, по 120 шаговъ; и отнюдь бы съ оной мѣры и кадансу не отступать».

О военномъ парадѣ на Марсовомъ полѣ. Въ лейбъ-гвардіи саперномъ баталіонѣ тишины надлежащей въ шеренгахъ

не было, много колѣнъ согнутыхъ, игры въ носкахъ мало, и во фронтѣ кашляютъ.

— Ну, а зато измайловцы утѣшили, батюшка, — замѣтилъ Аракчеевъ. — Ахъ, хороши, молодцы измайловцы! Уподобить должно стѣнамъ движущимся: не маршируютъ, а плывутъ. Заглядѣние! Кажись, вели на руки вверхъ ногами стать, и то пройдутъ!

— Недурны, — скромничаль государь, краснѣя отъ удовольствія, при этой похвалѣ своему полку любимому. — А все-таки жаль, что, когда стоятъ на мѣстѣ, примѣтно дыханіе, — видно, что люди дышать...

Вспомнили одного ординарца временъ павловскихъ, который выученъ былъ носить стаканъ воды на киверѣ, не расплескивая; теперь уже не выучишь: не тѣ люди, не тѣ времена.

Наконецъ погрузились въ безконечное разсужденіе о томъ, какъ на обшлагѣ новаго мундира егерскаго, вмѣсто зубчатой вырѣзки клапана, сдѣлать прямую и, вмѣсто трехъ пуговицъ, пять.

Лицо у государя было, какъ въ дѣтствѣ, когда игралъ онъ въ солдатики. И въ этой бесѣдѣ — то же родное, милое, гатчинское, какъ будто опять между ними двумя — третій — онъ, отецъ. И хорошо, тихо-тихо, безрадостно, безгорестно, какъ въ вѣчности. Кажется, что ничего не было, нѣтъ и не будетъ, кромѣ плутонгъ, шеренгъ, эшелоновъ, баталіоновъ, правильныхъ, тождественныхъ, единообразныхъ человѣческихъ кучъ, уходящихъ, подобно щебеннымъ кучамъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, въ безконечную даль.

На часахъ пробило десять. Государь опять затревожился: Алексѣю Андреичу спать пора; поздно ляжетъ не заснетъ. Прекратилъ бесѣду на полусловѣ, велѣлъ ему уходить, напомнилъ о кобыльемъ молокѣ, чтобъ на ночь выпилъ. Обнялись на прощанье, перекрестили другъ друга.

Когда Аракчеевъ ушелъ, государь началъ тоже собираться ко сну. Обрядъ неизмѣнный. Прочелъ по одной главѣ изъ Ветхаго Заветъ, Евангелія, Апостола. Много лѣтъ читалъ вмѣстѣ съ Голицынымъ однѣ и тѣ же главы, по распи-

санію на цѣлый годъ; иногда, въ походахъ, въ путешествіи, чтобы не сбиться со счету главъ, присылалъ къ нему курьеровъ за справками изъ-за тысячей верстъ.

Перешелъ въ спальню рядомъ съ кабинетомъ; сталъ на молитву; стоялъ недолго, потому что нога болѣла; а прежде отъ этихъ стояній, вечернихъ и утреннихъ, мозоли на колѣняхъ дѣлались.

Умылся, подошелъ къ окну, отворилъ форточку минутъ на десять: къ «воздушнымъ ваннамъ» приучила его съ дѣтства Бабушка, по совѣту философа Гримма.

Легъ. Постель односпальная, узкая, жесткая, походная, съ Аустерлица все та же: замшевый тюфякъ, набитый сѣномъ, тонкая сафьянная подушка и такой же валикъ подъ голову.

Обыкновенно засыпалъ тотчасъ, какъ ляжетъ: повернется на лѣвый бокъ (спалъ всегда на лѣвомъ боку), перекрестится, подложитъ лѣвую руку подъ щеку, закроетъ глаза и уже спитъ такимъ глубокимъ сномъ, что, бывало, дежурный камердинеръ съ камеръ-лакеями, тутъ же рядомъ, въ спальнѣ, прибирая платье, ходятъ, стучать, кричатъ, какъ на улицѣ, потому что знаютъ, что государя, «хоть изъ пушекъ пали, не разбудишь».

Но, послѣ болѣзни, начались бессонницы. Такъ и теперь — уже засыпалъ, вдругъ слышались голоса, голоса и шаги бѣгущихъ людей по гулкимъ переходамъ и лѣстницамъ, приближающіеся — вотъ-вотъ войдутъ, какъ въ ту страшную ночь. Вздогнулъ и проснулся съ тяжело бьющимся сердцемъ. Чтобы успокоиться, сталъ думать о правильныхъ, подобныхъ движущимся стѣнамъ, шеренгахъ, о пяти пуговицахъ, вмѣсто семи, на обшлагѣ мундира и началъ забываться опять. Но Аракчеевъ зашепталъ ему на ухо: «желтенькій-желтенькій, жалкенькій такой... И на височкѣ, будто, на лѣвомъ малое черное пятнышко»... Опять вздрогнулъ, проснулся, широко раскрылъ глаза въ ужасѣ — сна какъ не бывало; почувствовалъ, что не заснетъ во всю ночь.

Всталъ, надѣлъ шлафрокъ, пошелъ въ кабинетъ, отперъ ящикъ стола, гдѣ лежали бумаги о Тайномъ Обществѣ,

взялъ отдѣльный, старый, пожелтѣвшій листокъ, положенный давеча сверху, и сталъ читать. То было письмо князя Яшвиля, одного изъ цареубійць 11 марта. По-французски написано.

«Государь, съ той самой минуты, какъ злополучный отецъ вашъ вступилъ на престолъ, рѣшился я пожертвовать собою, если нужно будетъ для блага Россіи, которая со времени Петра I сдѣлалась игрушкой временщиковъ и, наконецъ, жертвой безумца. Отечество наше находится подъ властью самодержавной; участь милліоновъ зависитъ отъ великости ума или сердца одного... Богъ правды знаетъ, что руки наши обагрились кровью царя не изъ корысти: да будетъ же небезполезна жертва! Поймите, государь, призваніе ваше, будьте на престолѣ челоуѣкъ и гражданинъ. Знайте, что для отчаянія есть всегда средства, и не доводите отечество до гибели. Челоуѣкъ, который жертвуетъ жизнью, въ правѣ вамъ это сказать. Я теперь болѣе великъ, чѣмъ вы, потому что ничего не желаю, и если бы нужно было для вашей славы, которая для меня такъ дорога только потому, что она — слава Россіи, — я готовъ былъ бы умереть на плахѣ. Но это не нужно; вся вина падаетъ на насъ, — вы же чисты: и не такія преступленія покрываетъ царская порфира. Удаляясь въ свои помѣстья, потщусь воспользоваться кровавымъ урокомъ и пещись о благѣ подданныхъ. Царь царствующихъ проститъ или покараетъ меня въ мой смертный часъ; молю Его, дабы жертва моя была небезполезна. Прощайте, государь. Передъ государемъ я — спаситель отечества; передъ сыномъ — отцеубійца. Прощайте. Да будетъ благословеніе Всевышняго на Россію и на васъ, ея земного кумира, — да не постыдится она его вовѣки».

«...Теперь мы увидимъ, кто Александръ, — похититель престола или сынъ отечества, готовый на великую жертву?..» вспомнилъ государь изъ другого письма — лифляндскаго дворянина фонъ-Бока, который за эти слова посаженъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и тамъ сошелъ съ ума.

Какъ самъ сходилъ съ ума, — тоже вспомнилъ. Въ Москвѣ, во время коронаціи, просиживалъ цѣлые дни,

запершись въ комнатѣ, уставившись глазами въ одну точку, такъ же какъ и теперь часто сиживаль, ни о чемъ не думая, только чувствуя приближающійся ужасъ безумія, трусливый, животный, отвратительный, отъ котораго холодѣютъ и переворачиваются внутренности. Потомъ прошло,—думаль, навсегда, но вотъ опять начинается.

Графъ Палень, глава заговорщиковъ, двадцать три года живущій безвыѣздно на своей курляндской мызѣ Энкау, въ полномъ душевномъ спокойствіи, когда рѣчь заходитъ объ 11 марта, говоритъ: «за что другое, а за это я сумѣю дать отвѣтъ Богу!» Такъ говоритъ, а самъ каждый годъ въ эту ночь напивается мертвецки пьянъ.

Съ него, что ли, взять примѣръ, чтобы какъ-нибудь провести эту ночь?

Вернулся въ спальню, досталь пузырекъ съ опиумомъ, накапаль въ рюмку съ водой, выпилъ и опять легъ.

Опять голоса, голоса и шаги бѣгущихъ людей по гулкимъ переходамъ и лѣстницамъ, приближающіеся: вотъ-вотъ войдутъ, какъ въ ту страшную ночь. И на лѣвомъ вискѣ желтенькаго, жалкенькаго личика малое черное пятнышко растетъ, растетъ, ширится, углубляется чернотой бездонною, въ которую онъ, какъ въ яму, проваливается.

А въ это же время по темнымъ заламъ дворца пробиралась женщина въ сѣромъ платьѣ, въ сѣромъ платкѣ, на лицо опущенномъ, похожая на изваяніе древнихъ плакальщицъ или надгробный памятникъ. Въ ея движеніяхъ видно было то, что она сама о себѣ говорила: «я всю жизнь пробираюсь по стѣнкѣ». Такъ и теперь пробиралась по стѣнкѣ, крадучись, какъ воровка, которая боится быть пойманной, или привидѣніе души нераскаянной.

У входа въ государевы покои два часовыхъ взяли ружья на-карауль; молодой офицеръ, дремавшій въ креслѣ, едва успѣлъ вскочить, отдалъ ей честь обнаженною шпагою и, когда она прошла, опутивъ низко голову, закрывая лицо платкомъ, посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ благоговѣйною жалостью: узналъ императрицу Елисавету Алексѣевну.

Государь, пока былъ боленъ, требовалъ, чтобы она не отходила отъ него; когда же выздоровѣлъ, она сдѣлалась ненужной. Такъ всегда: въ горѣ — съ нимъ, безъ горя — одна. Не смѣя зайти къ нему проститься на ночь, приходила тайкомъ и цѣловала соннаго: онъ былъ ей ближе такъ.

Вошла въ спальню, наклонилась, перекрестила и поцѣловала спящаго въ лобъ.

Амуру вздумалось Психею,
Рѣзвися, поимать,—

вспомнилась державинская ода новобрачнымъ, пятнадцатилѣтнему мальчику и четырнадцатилѣтней дѣвчкѣ. Теперь плѣшиваго Амура цѣловала старая Психея.

И опять по темнымъ заламъ пошла назадъ, все такъ же пробираясь по стѣнкѣ, крадучись, какъ воровка, которая боится быть пойманной, или привидѣніе души нераскаянной.

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

— Быть или не быть Россіи, вотъ о чемъ дѣло идетъ!

— Россія, какова сейчасъ, должна сгинуть вся!

— Ахъ, какъ все гадко у насъ, житья скоро не будетъ!

— Давно девизъ всякаго русскаго есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!

— А вотъ уже революцію сдѣлаемъ — и все будетъ по-новому...

Это еще изъ передней, входя къ Рылѣву, слышала князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ.

Одинъ изъ директоровъ Тайнаго Общества, отставной подпоручикъ Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣвъ, жилъ на Мойкѣ у Синяго моста, въ домѣ Россійско-Американской компаніи, гдѣ служилъ правителемъ дѣлъ. По воскресеньямъ бывали у него «русскіе завтраки». Убранство стола — скатерть камчатная, ложки деревянныя, солонки пѣтушьими гребнями, блюда рѣзныя, — такъ же, какъ напитки и кушанья — водка, квасъ, ржаной хлѣбъ, кислая капуста, кулебяка, — все было знаменіемъ древней руссійской вольности. «Мы должны избѣгать чужестраннаго, дабы ни малѣйшее къ чужому пристрастіе не потемняло святого чувства любви къ отечеству: не римскій Брутъ, а Вадимъ новгородскій да будетъ намъ образцомъ гражданской доблести», говорилъ Рылѣвъ.

Окна — въ нижнемъ этажѣ съ высокими чугунными рѣшетками. Квартира маленькая, но уютная. Хозяйкинъ

глазъ виденъ во всемя: кисейныя на окнахъ занавѣски, бѣлыя, какъ снѣгъ; горшки съ бальзаминомя, бархатцемя и подъ стекляннымъ запотѣлымъ колпакомъ лимончикъ, выросшій изъ сѣмечка; клѣтка съ канарейками; полъ, свѣжею мастикою пахнущій; домашняго издѣлья половички опрятныя; образа съ лампадками и пасхальными яйцами.

Солнце било прямо въ окна, кидая на полъ косые свѣтлыя четырехугольники съ черною тѣнью толстыхъ, какъ будто тюремныхъ, рѣшетокъ. Канарейки заливались оглушительно. И казалось, что все это — не въ Петербургѣ, а въ захолустномъ городкѣ, въ деревянномъ домикѣ: такое простенькое, веселенькое, невинное, именинное или новобрачное.

Гостей много — все члены Тайнаго Общества. Сидѣли, стояли, ходили, бесѣдуя, закусывая, покуривая трубки. Чтобъ освѣжить воздухъ, открыли форточку: съ улицы доносилось весеннее дребезжаніе дрожекъ, дѣтски-болтливая капель и воскресный благовѣсть.

Хотя уже съ мѣсяць, какъ Голицынъ принять былъ въ Общество, но на собраніяхъ почти не бывалъ. Софья послѣ разговора съ нимъ на концертѣ Вьельегорскаго тяжело заболѣла. Онъ цѣлыя дни проводилъ у Нарышкиныхъ, въ тоскѣ и тревогѣ, считая себя виновникомъ ея болѣзни. Тѣмъ сильнѣе была радость выздоровленья: наканунѣ докторъ сказалъ, что опасность миновала.

Голицынъ рѣшилъ пойти къ Рылѣеву, куда уже давно звалъ его Трубецкой.

— А что, Нева еще не тронулась? — сказалъ кто-то среди наступившаго молчанія, когда они вошли съ Трубецкимъ.

— Нѣтъ, а скоро, должно-быть: ледъ потемнѣлъ, полыньи большія, мостки сняли, мосты развели.

Такое же весеннее, веселое почувдилось Голицыну въ этихъ словахъ, какъ и въ тѣхъ, при входѣ услышанныхъ: «а вотъ ужю революцію сдѣлаемъ — и все будетъ по-новому».

Съ любопытствомъ вглядывался въ лица — не похожи на лица заговорщиковъ: все молодья, тоже весеннія, веселыя.

«Милыя дѣти», думаль онъ. Или какъ пьяному кажется, что всѣ пьяны, такъ ему, счастливому, — что всѣ счастливы.

Трубецкой познакомилъ его съ Рылѣвымъ.

Лицо смуглое, худое, скуластое, мальчишеское; тонкія, насмѣшливо-дерзкія губы; большіе прекрасные глаза, спокойно-печальные, но въ минуту страсти загоравшіеся такимъ огнемъ, что становилось жутко. Одѣтъ щеголемъ, но чуть-чуть безвкусно: пюсовый фракъ, шитый, видимо, русскимъ иностранцемъ съ Гороховой; слишкомъ пестрый жилетъ со стеклянными пуговицами; кружевные рукавчики, слишкомъ узкіе. И въ немъ самомъ, такъ же, какъ въ квартирѣ, — что-то простенькое, веселенькое, невинное, именинное или новобрачное. Бѣленькій батистовый галстучекъ повязанъ тщательно, должно-быть, женскими ручками, потрепавшими его при этомъ по щекѣ съ обычною ласкою: «ахъ ты, моя пыжечка, пульпушечка!» Волосы причесаны и напомажены гладко резедовой помадой, а одинъ вихоръ на затылкѣ торчитъ, непокорный: видно, мальчикъ — шалунъ, только притворился панькой.

— А я васъ помню, князь, по ложѣ Пламенѣющей Звѣзды, и еще раньше, въ четырнадцатомъ году, въ Парижѣ, — сказалъ Рылѣвъ Голицыну: — вы, кажется, служили въ Преображенскомъ, а я въ первой артиллерійской бригады конной ротѣ подпрапорщикомъ.

— Да, только вы очень измѣнились, я и не узналъ бы васъ, — сказалъ Голицынъ, который вовсе не помнилъ Рылѣва.

— Еще бы, за десять-то лѣтъ! Вѣдь совсѣмъ дѣти были...

«И теперъ дѣти», подумаль Голицынъ.

— Русскія дѣти взяли Парижъ, освободили Европу, — дасть Богъ, освободятъ и Россію! — восторженно улыбнулся Рылѣвъ и сдѣлался еще больше похожъ на маленькаго мальчика.

— А вы у насъ десятый князь въ Обществѣ, — прибавилъ съ тою же милою улыбкою, которая все больше нравилась Голицыну. — Вся революція наша будетъ возстаніе варяжской крови на нѣмецкую, Рюриковичей на Романовыхъ...

— Ну, какіе мы Рюриковичи! Голицыныхъ, какъ собакъ нерѣзанныхъ, — все равно, что Ивановыхъ...

— А все-таки — князь и камеръ-юнкеръ, — продолжалъ Рылѣевъ съ немного навязчивою откровенностью, какъ школьный товарищъ съ товарищемъ:—люди съ положеніемъ намъ весьма нужны.

— Да положеніе-то прескверное: Аракчеевъ намедни сдѣлалъ выговоръ; хочу въ отставку подать...

— Ни за что не подавайте, князь! Какъ можно, помилуйте! У насъ такое правило: службу не покидать ни въ коемъ случаѣ, дабы всѣ мѣста значительныя, по гражданской и военной части, были въ нашихъ рукахъ. И что ко двору вхожи,—пренебрегать отнюдь не слѣдуетъ. Если тамъ услышите что, увѣдомить насъ можете. Вонъ Федя Глиночка—мы Глинку такъ зовемъ—правителемъ канцеляріи у генераль-губернатора,—такъ онъ сообщаетъ намъ всѣ донесенія тайной полиціи, этимъ только и спасаемся...

— Да я еще не знаю, принять ли въ Общество,—удивился Голицынъ тому простодушію, съ которымъ Рылѣевъ дѣлалъ его своимъ шпиономъ.—Не нужно развѣ обѣщанія, клятвы какой, что ли?

— Ничего не нужно. Прежде клялись надъ Евангеліемъ и шпагою; пустая комедія, въ родѣ масонскихъ глупостей. А нынче просто. Вотъ хоть сейчасъ: даете слово, что будете вѣрнымъ членомъ Общества?

Голицынъ удивился еще больше, но неловко было отказывать, и онъ сказалъ:

— Даю.

— Ну, вотъ и дѣло съ концомъ!—крѣпко пожалъ ему руку Рылѣевъ.

— А насчетъ княжества, не думайте, что я изъ тщеславія... Хоть я и дворянскій сынъ, а въ душѣ плебей. Не даромъ крещенъ отставнымъ солдатомъ—бродягой и нищимъ. Кондратомъ, мужичьимъ именемъ названъ, по крестному. Оттого, должно-быть, и люблю простой народъ...

Прислушались къ общей бесѣдѣ.

— Въ нашъ вѣкъ поэтъ не можетъ не быть романтикомъ; романтизмъ есть революція въ словесности,—говорилъ драгунскій штабсъ-капитанъ, Александръ Бестужевъ, молодой человекъ съ тою обыкновенною пріятностью въ лицѣ, о который отзываются товарищи: «добрый малый», и барышни на Невскомъ: «ахъ, душка гвардеецъ!» Тоже на мальчика похожъ: самодовольно пощупывалъ темный пушокъ надъ губою, какъ будто желая убѣдиться, растутъ ли усики. Говорилъ темно и восторженно.

— Неизмѣримый Байронъ—вотъ истинный романтикъ! Его поэзія подобна золотой арфѣ, на которой играетъ буря...

— Романтизмъ есть стремленіе безконечнаго духа человѣческаго выразиться въ конечныхъ формахъ!—воскликнулъ молодой человекъ въ штатскомъ платьѣ, коллежскій асессоръ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, или попросту Кюхля, русскій нѣмецъ, бѣлобрысый, пучеглазый, долговязый, какъ тотъ большой вялый комаръ, котораго зовутъ *караморой*; лицо страшно перекошенное, слегка полоумное, но, если взглядѣться, плѣнительно-доброе.

— Прекрасное есть заря истиннаго, а истинное—лучъ Божества на землѣ, и самъ я вѣченъ!—вдохновенно махнулъ онъ рукою и опрокинулъ стаканъ: былъ близорукъ и разсѣянъ, на все натыкался и все ронялъ.

Заспорили о Пушкинѣ. Какъ будто желая перекричать спорившихъ, канарейки заливались оглушительно; должны были накрыть клѣтку платкомъ, чтобъ замолчали.

— Пушкинъ палъ, потому что не постигъ примѣненія своего таланта и употребилъ его не тамъ, гдѣ слѣдуетъ,—объявилъ Бестужевъ, самодовольно пощупывая усики.

— Предпочитаешь Булгарина?—усмѣхнулся князь Одоевскій, конно-гвардейскій корнетъ, хорошенькій мальчикъ, похожій на дѣвочку, веселый, смѣшливый, любившій дразнить Бестужева, какъ и всѣхъ говоруновъ напыщенныхъ.

— А ты что думаешь?—возразилъ Бестужевъ:—Фаддей лицомъ въ грязь не ударитъ. Погоди-ка, Иванъ Выжигинъ будетъ литературы всесвѣтной памятникъ... А Пушкинъ вашъ—милая сирена, прелестный чародѣй, не болѣе. Ари-

стократомъ, говорятъ, сдѣлался, шестисотлѣтнимъ дворянствомъ чванится,—маленькое подраженіе Байрону? Это меня разсмѣшило. Ума настоящаго нѣтъ—вотъ въ чемъ бѣда. «Поэзія, прости Господи, должна быть глуповата»,—о себѣ, видно, сказала... Зашелъ къ нему какъ-то пріятель: «Дома Пушкинъ?»—«Почиваютъ»—«Вѣрно, всю ночь работалъ?»—«Какъ же, работалъ! Въ картишки игралъ»...

— Талантъ ничто, главное — величіе нравственное,—уныло согласился Кюхля, любившій Пушкина, своего лицейскаго товарища, съ нѣжностью.

— «Будь поэтъ и гражданинъ!»—добилъ Бестужевъ Пушкина рылѣвскимъ стихомъ.—Предметъ поэзіи—полезнымъ быть для свѣта и воспалить въ молодыхъ сердцахъ къ обществу благу ревность...

Одоевскій поморщился, какъ отъ дурнаго запаха, и уставился на своего противника со школьническимъ вызовомъ.

— А знаешь, Бестужевъ, что сказалъ Пушкинъ своему брату Лёвушкѣ?

— Блѣвушкѣ пьяницѣ?

— Ему самому. «Только для хамовъ—все политическое. *Tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille*»...

— Такъ, значить, и мы хамы, потому что занимаемся политикой?

— Хамы всѣ, кто унижаетъ высокое! — сверкнулъ на него глазами Одоевскій, и въ эту минуту былъ такъ хорошъ, что Голицыну хотѣлось его расцѣловать.

— Что выше блага общаго?—самоувѣренно пожалъ плечами Бестужевъ.—И чего ты на стѣну лѣзешь? Святой вашъ Пушкинъ, пророкъ, что ли?

— Не знаю, пророкъ ли,—вступился новый собесѣдникъ, все время молча слушавшій,—а только знаю, что всѣ нынѣшніе господа-сочинители мизинца его не стоятъ...

Съ простымъ и тихимъ лицомъ, съ простою и тихою рѣчью, Иванъ Ивановичъ Пушинъ между этими пылкими юношами казался взрослымъ между дѣтьми. Тоже лицей-

скій товарищъ Пушкина, покинулъ онъ блестящую службу въ гвардейскомъ полку для должности губернскаго надворнаго судьи, вѣруя, что малыя дѣла не меньше великихъ, и что въ самомъ ничтожномъ званіи можно сохранить доблесть гражданскую. Голицынъ чувствовалъ въ тишинѣ и простотѣ его что-то иное, на остальныхъ непохожее, невосторженное и правдивое, пушкинское; какъ будто не случайно было созвучіе именъ: Пущинъ и Пушкинъ.

— Мы вотъ все говоримъ о дѣлѣ, а онъ сдѣлалъ,— сказалъ Иванъ Ивановичъ тихо, просто, но всѣ невольно прислушались.

— Да что же, что сдѣлалъ?—начиналъ сердиться Бестужевъ.—Заладили: Пушкинъ да Пушкинъ—только и свѣта въ окошкѣ. Ну, что онъ такое сдѣлалъ, скажите на милость?

— Что сдѣлалъ?—отвѣтилъ Пущинъ.—Научилъ насъ говорить правду...

— Какую правду?

— А вотъ какую.

Все такъ же просто, тихо прочелъ изъ только что начатой третьей главы «Онѣгина» разговоръ Татьяны съ нянею.

Когда кончилъ, всѣ, точно канарейки подъ платкомъ, притихли.

— Какъ хорошо!—прошепталъ Одоевскій.

— Да, стихъ гладокъ и чувства много, но что же тутъ такого?—началъ было Бестужевъ и не кончилъ: всѣ молча посмотрѣли на него такъ, что и онъ замолчалъ, только презрительно пощупалъ усики.

Рядомъ со столовой была гостиная, маленькая комната, отдѣленная отъ супружеской спальни перегородкою. Какъ во всѣхъ небогатыхъ гостиныхъ,—канапэ съ шитыми подушками, круглый столъ съ вязаной скатертью, стѣнное овальное зеркало, плохонькія литографіи Неаполя съ изверженіемъ Везувія, хрустальные кенкеты съ восковыми свѣчами, коверъ на полу съ арапомъ и тигромъ. У окна пальцы съ начатой вышивкой: голубая бѣлка со спиной въ видѣ лѣсенки. Плющевой трельяжъ и клавесинъ съ открытыми нотами романса:

Мѣста тобою украшенны,
Гдѣ дни я радостями считалъ,
Гдѣ взоръ, тобой обвороженный,
Мои всѣ чувства улаждалъ...

Накурено смолкою, но капуста и жуковъ табакъ изъ столовой заглушаютъ смолку.

Наталья Михайловна, жена Рылѣева—совсѣмъ еще молоденькая, миловидная, слегка жеманная, не то институтка, не то поповна. И отъ нея, казалось, какъ отъ мужа, пахнетъ новобрачной или именинной резедою. Платьице—домашнее, но по модной выкройкѣ; бережевый шарфикъ *тру-тру*, должно-быть, задешево купленный въ Суровской линіи. Прическа тоже модная, но не къ лицу—накладныя, длинныя, вдоль ушей висящія букли. Наталі—вмѣсто Наташи. Но по рукамъ видно—хозяйка; по глазамъ—добрая мать.

Голицынъ, Пущинъ и Одоевскій перешли въ гостиную. Здѣсь Наталья Михайловна читала вслухъ, краснѣя отъ супружеской гордости, *Литературный Листокъ* Булгарина:

«Издатели имѣли счастье поднести по экземпляру Полярной Звѣзды ихъ императорскимъ величествамъ, государынямъ императрицамъ и удостоились высочайшаго вниманія: Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ получилъ два брилліантовыхъ перстня, а Александръ Александровичъ Бестужевъ—золотую, прекрасной работы табакерку».

— Ну, чего еще желать?—усмѣхнулся Пущинъ:—бывало, Тредьяковскій, поднося оду императрицѣ, отъ дверей къ трону на колѣняхъ ползъ, а нынче сами императрицы подносятъ намъ подарочки.

Наташа не поняла, покраснѣла еще больше, не вытерпѣла, принесла показать футляръ съ перстнями; хвастала и жаловалась:

— Атя такой чудакъ, право! Ни за что не хочетъ носить, а какіе алмазы-то! — любовалась игрой камней на солнцѣ.

— Не къ лицу республиканцу, что ли?—продолжалъ усмѣхаться Пущинъ.

— Да почему же? Я и сама республиканка, а царскую фамилію боготворю. Особенно, императрицы—такія, право, добрыя милыя...

— Республика съ царскою фамиліей?

— А что же?—подняла Наталі брови съ дѣтскимъ простодушіемъ. — Кондратій Ѳедоровичъ самъ говоритъ: республика съ царемъ вмѣсто президента, какъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ...

— Наталі, не болтай вздора!—крикнулъ издали Рылѣвъ.

Въ столовой спорили о двухпалатной системѣ, о прямыхъ и косвенныхъ выборахъ въ будущій русскій парламентъ. Рылѣвъ что-то доказывалъ и кричалъ, стучалъ кулаками по столу.

— Ну вотъ, опять! Ахъ, несносный какой! — оглянулась на него Наталі съ насмѣшливой нѣжностью.—Намедни также вотъ заспорилъ, закричалъ, застучалъ кулаками, не захотѣлъ ничего слушать да безъ шапки на дворъ по морозу и выбѣжалъ. Просто бѣда!

— О чемъ же? О республикѣ съ царской фамиліей?

— Не помню, право. Все о пустякахъ: выѣденнаго яйца не стоитъ, а онъ горячится...

Улыбка Пущина сдѣлалась печальной и кроткой.

— А что, Настенька все еще кашляетъ?

— Нѣтъ, слава Богу, прошло. А ужъ боялась-то я какъ! Коклюшъ, говорятъ, по городу ходитъ. Сегодня гулять вышла. Трофимъ обѣщалъ изъ деревни живого зайчика. Ждемъ не дождемся,—отвѣтила ужъ не пустенькая Наталі, а умная и добрая Наташа.

Въ укромномъ уголку за трельяжемъ бесѣдовала парочка: капитанъ Якубовичъ и дѣвица Теляшева, Глафира Никитична, чухломская барышня, пріѣхавшая въ Петербургъ погостить, поискать жениховъ, двоюродная сестра Наташина.

Якубовичъ, «храбрый кавказецъ», раненъ былъ въ голову; рана давно зажила, но онъ продолжалъ носить на лбу черную повязку, щеголялъ ею какъ орденскою лентою.

Славился сердечными побѣдами и поединками; за одинъ изъ нихъ сосланъ на Кавказъ. Лицо блѣдное, роковое, ужъ съ печатью байронства, хотя никогда не читаль Байрона и едва слышалъ о немъ.

Перелистывалъ Глашенькинъ альбомъ съ обычными стишками и рисунками. Два голубка на могильной насыпи:

Двѣ горлицы укажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ.

Амуръ, надъ букетомъ порхающій:

Пчела живетъ цвѣтами,
Амуръ живетъ слезами.

И рядомъ—блеклыми чернилами, стариннымъ почеркомъ: «О, природа! О, чувствительность!..»

— Вы, господа кавалеры, считаете насъ, женщинъ, дурами,—бойко лепетала барышня,—а мы умомъ тонѣе вашего: вѣку не станеть мужчинѣ узнать всѣ наши женскія хитрости. Мужчину въ мѣсяць можно узнать, а насъ никогда...

— Ваша правда, сударыня,—любезно говорилъ капитанъ, поводя черными усами, какъ жукъ:—вся натура женская есть тончайшій флеръ, изъ непримѣтныхъ филаментовъ сотканный. Легче найти философскій камень, нежели разобрать составъ вашего непостояннаго пола...

— Почему же непостояннаго? И мы умѣемъ вѣрно любить. Хотя нашъ полъ, разумѣется, не то, что вашъ: всякая женщина должна обвиваться вокругъ кого-нибудь, вотъ какъ этотъ плющъ, а безъ опоры вянетъ,—вздохнула Глафира, указывая на трельяжъ и томно играя узкими калмыцкими глазками съ пушистыми рѣсницами, кидавшими тѣнь на розово-смуглое личико. Ей двадцать восемь лѣтъ; еще годъ-другой—и отцвѣтетъ; но пока плѣнительна тою общедоступною прелестью, на которую такъ падки мужчины.

— Ну, полно! Разскажите-ка лучше, капитанъ, какъ вы на Кавказѣ сражались...

Якубовичъ не заставилъ себя просить: любилъ поразсказать о своихъ подвигахъ. Слушая, можно было подумать, что онъ одинъ завоевалъ Кавказъ.

— Да, поѣла-таки сабля моя живого мяса, благородный парь крови курился на ея лезвеѣ! Когда отъ пули моей падалъ въ прахъ какой-нибудь лихой наѣздникъ, я съ восхищеніемъ вонзалъ шашку въ сердце его и вытиралъ кровавую полосу о гриву коня...

— Ахъ, какой безжалостный!—мѣла Глашенька.

— Почему же безжалостный? Вотъ если бы такое беззащитное созданіе, какъ вы...

— И неужели не страшно?—перебила она, стыдливо потупившись.

— Страхъ, сударыня, есть чувство русскимъ незнакомое. Что будетъ, то будетъ—вотъ наша вѣра. Свистъ пуль сталъ для насъ, наконецъ, менѣе, чѣмъ вѣтра свистъ. Шинель моя прострѣлена въ двухъ мѣстахъ, ружье—сквозь обѣ стѣнки, пуля изломала шомполь...

— И всѣ такіе храбрые?

— Сказать о русскомъ: онъ храбръ, все равно что сказать: онъ ходитъ на двухъ ногахъ.

— Не родился тотъ на свѣтѣ,
Кто бы русскихъ побѣдилъ!—

патріотическимъ стишкомъ подтвердила красавица.

Одоевскій, подойдя незамѣтно къ трельяжу, подслушивалъ и, едва удерживаясь отъ смѣха, подмигивалъ Голицыну. Они познакомились и сошлись очень быстро.

— И этотъ — членъ Общества? — спросилъ Голицынъ Одоевскаго, отходя въ сторону.

— Да еще какой! Вся надежда Рылѣева. Брутъ и Маратъ вмѣстѣ, нашъ главный тираноубійца. А что, хорошъ?

— Да, знаете, ежели, много такихъ...

— Ну, *такихъ*, пожалуй, немного, а *такого* много во всѣхъ насъ. Чухломское байронство... И какимъ только вѣтромъ надуло, чортъ его знаетъ! За то что чьномъ обошли, крестика не дали.—

Готовъ царей низвергнуть съ троповъ
И Бога въ небѣ сокрушить, —

какъ говоритъ Рылѣевъ. Скверно то, что не одни дураки подражаютъ и завидуютъ Якубовичу: самъ Пушкинъ когда-то жалѣлъ, что не встрѣтилъ его, чтобы списать съ него Кавказскаго плѣнника...

Подошли къ Пушкину. Когда тотъ узналъ, о чемъ они говорятъ,—усмѣхнулся своею тихою усмѣшкою.

— Да, есть-таки въ насъ, во всѣхъ эта дрянь. Болтуны, сочинители, Репетиловы: «шумимъ, братецъ, шумимъ!» Или какъ въ цензурномъ вѣдомствѣ пишутъ о насъ: «упражняемся въ благодѣтельной словесности». А господа словесники,—сказалъ Альфіери,—болѣе склонны къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности. Надѣлала синица славы, а моря не зажгла...

— И прибавилъ, взглянувъ на Голицына:

— Ну, да не всѣ же такіе, есть и лучше. Можетъ быть, это не дурная болѣзнь, а такъ только, сыпь, какъ на маленькихъ дѣтяхъ: само пройдетъ, когда вырастемъ...

Всѣ трое вернулись въ столовую. Тамъ князь Трубецкой, лейбъ-гвардіи полковникъ, рябой, рыжеватый, длинноносый, нѣсколько похожій на еврея, съ благороднымъ и милымъ лицомъ, читалъ свой проектъ конституціи:

«Предложеніе для начертанія устава положительнаго образованія, когда его императорскому величеству благоугодно будетъ»...

— Послѣ дождичка въ четвергъ!—крикнулъ кто-то.

— Слушайте! Слушайте!

— «... Благоугодно будетъ съ помощью Всевышняго учредить Славяно-Русскую имперію. Пунктъ первый: опытъ всѣхъ народовъ доказалъ, что власть неограниченная равно гибельна для правительства и для общества; что ни съ правилами святой вѣры нашей, ни съ началами здраваго разсудка несогласна она; русскій народъ, свободный и независимый, не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства»...

Съ первымъ пунктомъ согласны были всѣ; но по второму, объ ограниченіи монархіи, заспорили такъ, что Трубецкому уже не пришлось возобновлять чтенія. Всѣ говорили

вмѣстѣ и никто никого не слушалъ: одни стояли за монархію, другіе—за республику.

— Русскій народъ, какъ бы сказать не соврать, не пойметъ республики, — началъ инженерный подполковникъ Гаврила Степановичъ Батенковъ.

Онъ еще не былъ членомъ Общества, собирался вступить въ него и все откладывалъ. Но ему вѣрили и дорожили имъ за рѣдкую доблесть: въ походѣ 1814 года, въ сраженіи при Монмиралѣ, такъ долго и храбро держался на опасѣйшей позиціи, что окруженъ былъ непріателемъ, получилъ десять штыковыхъ ранъ, оставленъ замертво на полѣ сраженія и взятъ въ плѣнъ. Въ штабномъ донесеніи сказано: «потеряны двѣ пушки съ прислугою отъ чрезмѣрной храбрости командовавшаго ими офицера Батенкова». Былъ домашнимъ человѣкомъ у Сперанскаго, который любилъ его за отличныя способности; служилъ у Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ, но хотѣлъ выйти въ отставку. Превосходный инженеръ, глубокой математикъ. «Нашъ министръ»,—говорили о немъ въ Обществѣ.

Сутуль, костлявъ, тяжелъ, неповоротливъ, медлителенъ, въ тридцать лѣтъ старообразенъ, и подобно Пушкину, въ этомъ собраніи, какъ взрослый между дѣтьми. Высокій лобъ, прямой носъ, выдающійся подбородокъ, сосредоточенный, какъ бы внутрь обращенный взглядъ. Говорилъ съ трудомъ, точно тяжелые камни ворочалъ. Курилъ трубку съ длиннымъ бисернымъ чубукомъ и, усиленно затягиваясь, казалось, недостающія слова изъ нея высасывалъ.

— Русскій народъ не пойметъ республики, а если пойметъ, то не иначе, какъ боярщину. Однѣ церковныя ектенны не допустятъ насъ до республики... Да и не въ пору намъ никакія конституціи. Императрица Екатерина II правду сказала: не родился еще тотъ портной, который сумѣлъ бы скроить кафтанъ для Россіи...

— Говорите прямо: вы противъ республики?—крикнулъ Бестужевъ, который побаивался и недолюбливалъ Батенкова.

— Да, значитъ, того... какъ бы сказать не соврать,—опять заворочалъ свои тяжелые камни Батенковъ:—по

особливому образу мыслей моихъ, я не люблю республикъ, потому что угнетаются оныя сильнымъ деспотичествомъ законовъ. А также, по нѣкоторымъ странностямъ въ моихъ сужденіяхъ, я воображаю республики Завѣтомъ Ветхимъ, гдѣ проклять всякъ, кто не пребудетъ во всѣхъ дѣлахъ закона; монархіи же—подобіемъ Завѣта Новаго, гдѣ государь, помазанникъ Божій, благодать собою представляетъ и можетъ добро творить, по изволенію благодати. Самодержецъ великія дѣла незаконно дѣлаетъ, какихъ никогда ни въ какой республикѣ, по закону, не сдѣлать...

— Если вамъ самодержавіе такъ нравится, зачѣмъ же вы къ намъ въ Общество вступили?

— Не вступилъ, но, можетъ, и вступлю... А зачѣмъ? Затѣмъ, что самодержавіа нѣтъ въ Россіи, нѣтъ русскаго царя, а есть императоръ нѣмецкій... Русскій царь—отецъ, а нѣмецъ—врагъ народа... Вотъ уже два вѣка, какъ сидятъ у насъ нѣмцы на шеѣ.. Сперва нѣмцы, а тамъ жидаы... Съ этимъ, значитъ, того, какъ бы сказать не соврать, прикончить пора...

— Вѣрно, вѣрно, Батенковъ! Нѣмцевъ долой! Къ чорту нѣмцевъ!—закричалъ Кюхельбекеръ восторженно.

— Да ты-то, Кюхля, съ чего, помилуй? Самъ же нѣмецъ...—удивился Одоевскій.

— Коли нѣмецъ, такъ и меня къ чорту!—яростно вскочилъ Кюхельбекеръ и едва не стащилъ со стола скатерть со всею посудою.—А только въ рожу я дамъ тому, кто скажетъ, что я не русскій!..

— Поймите же, государи мои, ходъ Европы—не нашъ ходъ,—выкатилъ насилиу Батенковъ свой самый тяжелый камень:—исторія наша требуетъ мысли иной; Россія никогда ничего не имѣла общаго съ Европою...

— Такъ-таки ничего?—улыбнулся Пущинъ.

— Ничего... то-есть, въ главномъ, значитъ, того, какъ бы сказать не соврать, въ самомъ главномъ... ну, въ пустякахъ,—о торговлѣ тамъ, о ремеслахъ, о промыслахъ рѣчи нѣтъ...

— И просвѣщеніе—пустяки?

— Да, и просвѣщеніе—передъ самымъ главнымъ.

— Все народное—ничто передъ человѣческимъ!—замѣнилъ Бестужевъ.

Батенковъ только покосился на него угрюмо, но не отвѣтилъ.

Да главное-то, главное что, позвольте узнать?—накинулись на него со всѣхъ сторонъ.

— Что главное? А вотъ что,—затянулся онъ изъ трубки такъ, что чубукъ захрипѣлъ.—Русскій человѣкъ—самый вольный человѣкъ въ мірѣ...

— Вотъ тебѣ на! Такъ на кой намъ чортъ конституція? Изъ-за чего стараемся?

— Я говорю: вольный, а не свободный,—поправилъ Батенковъ:—самый рабскій и самый вольный; тѣла въ рабствѣ, а души вольныя.

— Дворянскія души, но не крѣпостныя же?

— И крѣпостныя, все едино...

— Вы разумѣете вольность первобытную, дикую, что ли?

— Иной нѣтъ; можетъ-быть, и будетъ когда, но сейчасъ нѣтъ.

— А въ Европѣ?

— Въ Европѣ—законъ и власть. Тамъ любятъ власть и чтутъ законъ; умѣютъ приказывать и слушаться умѣютъ. А мы не умѣемъ, и хотѣли бы да не умѣемъ. Не чтимъ закона, не любимъ власти—да и шабашъ. «Да отвяжись только, окаянный, и сгинь съ глазъ моихъ долой!»—такъ-то въ сердцахъ своемъ говоритъ всякій русскій всякому начальнику. Не знаю, какъ вамъ, государи мои, а мнѣ терпѣть власть, желать власти, всегда были чувства сіи отвратительны. Всякая власть надо мной—мнѣ страшилище. По этому только одному и знаю, что я русскій,—обвелъ онъ глазами слушателей такъ искренно, что всѣ вдругъ почувствовали правду въ этихъ непонятныхъ, и какъ будто нелѣпыхъ, словахъ. Но возмущались, возражали...

— Что вы, Батенковъ, помилуйте! Да развѣ у насъ не власть?..

— Ну, какая власть? Курамъ насмѣхъ. Произволь, безначаліе, беззаконіе. Оттого-то и любятъ русскіе царя, что нѣтъ у него власти человѣческой, а только власть Божья, помазанье Божье. Не законъ, а благодать. Этого не поймутъ нѣмцы, какъ намъ не понять ихняго. А это—главное, это—все! Россія, значить того, какъ бы сказать не соврать, только притворилась государствомъ, а что она такое, никто еще не знаетъ... Не правительство править у насъ, а Никола Угодникъ...

— И Аракчеевъ?

— Аракчеевъ съ благодатью?

— Не оттого ли и служите въ военныхъ поселеніяхъ, что тамъ благодать?

Но Батенковъ не замѣчалъ насмѣшекъ, какъ будто не слышалъ; тяжело и неповоротливо слѣдовалъ только за собственной мыслью; разгорался медленно, и казалось, что передъ этимъ тяжелымъ жаромъ легкой пыль прочихъ собесѣдниковъ,—какъ соломенный огонь передъ раскаленнымъ камнемъ.

Помолчалъ, задумался, затынулся, набралъ дыму въ ротъ и выпустилъ кольцами.

— Все, что въ Россіи хорошо,—по благодати, а что по закону—скверно,—заклучилъ, какъ будто любуясь окончательною ясностью мысли: видно было—математикъ.

— Какая подлость, какая подлость!—послышался вдругъ негодующій окрикъ.

Тамъ, въ углу у печки, стоялъ молодой человѣкъ съ невзрачнымъ, голоднымъ и тощимъ лицомъ, обыкновеннымъ, сѣрымъ, точно пыльнымъ лицомъ захоластнаго армейскаго поручика, съ надменно оттопыренной нижней губой и жалобными глазами, какъ у больного ребенка или собаки, потерявшей хозяина. Поношенный черный штатскій фракъ, ветхая шейная косынка, грязная холстинная сорбчка, штаны обтрепанные, башмаки стоптанные. Не то театральнй разбойникъ, не то фортепiанный настройщикъ. «Пролетарь»,—словечко это только что узнали въ Россіи.

Въ началѣ спора онъ вошелъ незамѣтно, почти ни съ кѣмъ не здороваясь: съ жадностью набросился на водку и кулсбяку, съѣлъ три куска, запилъ пятью рюмками; отошелъ отъ стола и, какъ сталъ въ углу у печки, скрестивъ руки по-наполеоновски, такъ и простоялъ, не проронивъ ни слова, только свысока поглядывая на спорщиковъ и усмѣхаясь презрительно.

— Кто это?—спросилъ Голицынъ Одоевскаго.

— Отставной поручикъ Петръ Григорьевичъ Каховскій. Тоже тираноубійца. Якубовичъ — номеръ первый, а этотъ — второй.

Когда Каховскій крикнулъ: «какая подлость!»— всѣ оглянулись, и наступила тишина. Думали, Батенковъ обидится. Но онъ проговорилъ спокойно и задумчиво, какъ будто продолжая слѣдовать за своею собственною мыслью:

— Правильно, сударь, замѣтить изволили: превеликою сіе можетъ быть подлостью; подлость одна и есть нынче въ Россіи. Но не всегда же было такъ. Для того и нужна революція, чтобы снова неподлымъ стало....

— Ну, чего, братъ, канитель-то тянуть,—возмутился, наконецъ, Рылѣевъ:—скажи-ка лучше попросту: за царя ты что ли?

— За царя? Нѣтъ, то-есть, значить, того, какъ бы сказать не соврать, если и за царя, то не за такого, какъ нынѣшній. Истинный-то царь—все равно что святой; душу свою за народъ полагаетъ; страстотерпецъ и мученикъ; самъ отъ царства отрекается. Богу всю власть отдаетъ, народъ освобождаетъ.... А этотъ что?

— Да вѣдь и этотъ,—возразилъ Рылѣевъ,—въ Священномъ-то Союзѣ, помнишь: «всѣ цари земные слагаютъ вѣнцы свои у ногъ единого Царя Христа Небеснаго...»

— Великая, великая мысль! Величайшая! Больше сей мысли и нѣтъ на землѣ и не будетъ вовѣки. Только исподлили, изгадили мерзавцы такъ, что развѣ самому Меттерниху или чорту подъ хвостъ. За это ихъ убить мало!—потрясъ онъ кулакомъ съ внезапною, яростью, и по лицу его въ эту мину-

ту видно было, что онъ могъ потерять всю команду съ пушками отъ чрезмѣрной храбрости.

— А коли такъ,—засмѣялся Рылѣевъ,— намъ все равно: царь такъ царь. Кто ни попъ, тотъ и батька. Только бы революцію сдѣлать!

Батенковъ умолкъ и сердито выбилъ пепель изъ потухшей трубки, какъ будто самъ потухъ; увидѣлъ, что никто ничего не понимаетъ.

Одни смѣялись, другіе сердились.

— Темна вода во облацѣхъ!

— Министръ-то нашъ, кажется, того, сбрендилъ!

— Какія-то масонскія таинства!

— Уши вянутъ!

— Ермалафія!

— За царя да безъ царя въ головѣ! Этакъ и вправду, пожалуй, революціи не сдѣлаешь...

— Шпіонъ, какъ же вы, господа, не видите? Просто аракеевскій шпіонъ!—шепталь сосѣдямъ на ухо Бестужевъ, самъ не вѣря, и зная, что другіе не повѣрятъ.

А между тѣмъ всѣ продолжали чувствовать, что есть у Батенкова что-то, чего не побѣдишь смѣхомъ.

Одинъ только Голицынъ понялъ: парижскія бесѣды съ Чаадаевымъ о противоположномъ подобіи двухъ вѣчныхъ двойниковъ, русскаго царя и римскаго первосвященника, вспомнились ему—и вдругъ со дна души поднялось все тайное, [страшное, что давно уже мучило его, какъ бредъ. Зналъ, что говорить не надо,—все равно никто ничего не пойметъ. Но что-то подступило къ горлу его, захватило неудержимымъ волненіемъ. Онъ всталъ, подошелъ къ Батенкову и проговорилъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Давеча Каховскій назвалъ это подлостью; но это хуже, чѣмъ подлость....

— Хуже, чѣмъ подлость?—посмотрѣлъ на него Батенковъ, опять безъ обиды, только съ недоумѣніемъ и любопытствомъ.

— Что можетъ быть хуже подлости?—спросилъ кто-то.

— Кошунство,—отвѣтилъ Голицынъ.

— Въ чемъ же тутъ, какъ бы сказать не соврать, полагаете вы кощунство?—продолжалъ любопытствовать Батенковъ.

— Царя Христомъ дѣласте, человѣка—Богомъ. Можетъ-быть, и великая, но чортова, чортова мысль! Кощунство кощунствъ, мерзость мерзостей!..

Вдругъ замолчалъ, оглянулся, опомнился. Губы скривились обычною усмѣшкой, злою не къ другимъ, а къ себѣ; живою огонь глазъ покрыли очки мертвеннымъ поблескиваньемъ стеклышекъ; сдѣлался похожъ на Грибоѣдова въ самыя насмѣшливыя минуты его. «Съ чего это я?» подумалъ съ досадою. Было стыдно, какъ будто чужую тайну выдалъ.

А Батенковъ въ меньшемъ волненіи, чѣмъ онъ, опять задвигался, зашевелился неуклюже-медлительно, какъ будто тяжелые камни ворочалъ.

— Можетъ-быть, тутъ и правда есть, какъ бы сказать не соврать... Я и самъ думалъ... Ну, да мы еще съ вами потолкуемъ, если позволите.

Хотѣлъ что-то прибавить, но не успѣлъ: поднялся общій говоръ и смѣхъ.

— Неужели вы о чортѣ серьезно?—спросилъ Бестужевъ.

— Серьезно. А что?

— Въ чорта вѣрите?

— Вѣрю.

— Съ рогами и съ хвостомъ?

— Вотъ именно.

— Тутъ по-вашему онъ и сидитъ?

— Пожалуй, что такъ.

— Ну, поздравляю, чорта за хвостъ поймали!

— Договорились до чортиковъ!

— Изъ гостиной вышелъ Якубовичъ, прислушался и вдругъ вспылилъ неизвѣстно на кого и на что; должно-быть, какъ всегда, обидѣлся умнымъ разговоромъ, въ которомъ не могъ принять участія.

— Намъ о дѣлѣ нужно, а мы чортъ знаемъ о чемъ....

— Слушайте! Слушайте!

— О какомъ же дѣлѣ?

— А вотъ о какомъ. Государь всему злу есть первая причина, а посему, ежели хотимъ быть свободными....

— Ну, полно, братъ, полно. Знаемъ, что ты молодець,— успокаивалъ его Рылѣвъ.

— Закройте хоть форточку, а то квартальный услышитъ!—смѣялся Одоевскій.

— Ничего,—подумаетъ, что мы переводимъ изъ Шиллера, упражняемся въ благодѣтельной словесности.

— Если хотимъ быть свободными,—продолжалъ Якубовичъ, не слушая и выкрикивая съ такимъ же неестественнымъ жаромъ, какъ давеча о своихъ кавказскихъ подвигахъ,—то прежде всего истребить надо....

— Папенька! Папенька! Ледъ пошелъ! — закричала, вбѣгая въ комнату съ радостнымъ визгомъ, Настенька, маленькая дочка Рылѣва, такая же смугленькая и востроглазая, какъ онъ.—На Невѣ-то какъ хорошо, папенька! Мосты развели, народу сколько, пушки палать, ледъ пошелъ! ледъ пошелъ!

Такъ и не досказалъ Якубовичъ, кого надо истребить. Всѣ занялись Настенькой. Батенковъ наклонился, разставилъ руки, поймалъ ее, обнялъ и защекоталъ.

— Сорока-воровка кашку варила, на порогъ скакала, гостей созывала, этому дала, этому дала...

— А вотъ и не боюсь, не боюсь!—отбивалась отъ щекотки Настенька.—Батя, а Батя, спой-ка Совочку....

Батенковъ присѣлъ передъ ней на корточки, съежился, нахохлился, сдѣлалъ круглые глаза и запѣлъ сначала тоненькимъ, а потомъ все болѣе густымъ, грубымъ голосомъ:

Сидитъ сова на печи,
Крылышками треплючи;
Оченьками лопъ-лопъ,
Ноженками топъ-топъ...

И хлопалъ себя руками по ляжкамъ, точно крыльями, и притопывалъ ногами тяжело, неповоротливо, медлительно, такъ что въ самомъ дѣлѣ похожъ былъ на большую птицу.

Настенька тоже прыгала, топала и хлопала въ ладоши, заливаясь пронзительно-звонкимъ смѣхомъ.

Когда кончилъ пѣсенку, схватилъ ее въ охапку, под-
нялъ высоко надъ головой—сова полетѣла—и опустилъ на
поль. Дѣвочка прижалась къ нему ласково.

— Дядя—бука!—указала вдругъ на Якубовича, который
свирѣпо поправлялъ черную повязку на лбу, неестественно
вращалъ глазами, дѣлалъ роковое лицо и дѣйствительно
былъ такъ похожъ на «буку», что всѣ расхохотались.

Якубовичъ еще свирѣпѣе нахмурился, пожалъ плечами
и, ни съ кѣмъ не прощаясь, вышелъ.

Рылѣевъ увелъ Голицына въ кабинетъ.

— Ну что, какъ? Нравится вамъ у насъ?

— Очень.

— А только молодо-зелено? Дѣтки шалють, дѣтокъ—
розгою? Такъ, что ли?

— Я этого не говорю,—неволью улыбнулся Голицынъ
тому, что Рылѣевъ такъ вѣрно угадалъ.

— Ну, все равно, думаете, признайтесь-ка... Да вѣдь
что подѣлаешь? Русскій человѣкъ, какъ тридцать лѣтъ стук-
нетъ, ни къ чорту не годенъ. Только дѣти и могутъ сдѣлать у
насъ революцію. А насчетъ розги.... Вы гдѣ воспитывались?

— Въ пансіонѣ аббата Николá.

— Ну, такъ значить, березовой каши не отвѣдали.
А насъ, грѣшныхъ, въ корпусѣ, какъ сидоровыхъ козъ,
драли. Меня особенно: шалунъ быть, сорванецъ-мальчишка.
А ничего, обтерпѣлся. Лежишь, бывало, подъ розгами, не
пикнешь, — только руки искусаешь до крови, а встанешь
на ноги и опять нагрубишь вдвое. Убей — не боюсь. Вотъ
это бунтъ, такъ бунтъ! Такъ бы вотъ надо и съ русскимъ пра-
вительствомъ.... Вся революція въ одномъ словѣ: дерзай!

— А у васъ лампадки вездѣ,—сказалъ Голицынъ, замѣ-
тивъ здѣсь, въ кабинетѣ, такъ же, какъ въ столовой и го-
стиной, затепленную лампадку передъ образомъ

— Да, жена любить. А что?

Голицынъ ничего не отвѣтилъ, но Рылѣевъ опять угадалъ.

— Миѣ все равно—лампадки. Я въ Бога не вѣрую.
А впрочемъ, не знаю. Мало думалъ. Что за гробомъ, то не
наше. Но кажется, есть что-то такое... А вы?

— Я вѣрю.

— То-то вы о чортѣ давеча... А зачѣмъ?

— Что зачѣмъ?

— Да вотъ вѣрить?

— Не знаю. Но, кажется, безъ этого нельзя ничего...

— И революцію нельзя?

— И революцію.

— Ну, а я хоть не вѣрю, а вотъ вамъ крестъ,—черезъ два года революцію сдѣлаемъ!

Жуткій огонь сверкнулъ въ глазахъ его, а упрямый на затылкѣ хохоль торчалъ все такъ же дѣтски-безпомощно, какъ у сорванца-мальчишки въ корпусѣ.

— Зайчикъ! Зайчикъ! Зайчикъ!—послышался опять изъ столовой радостный Настенькинъ визгъ.

Староста Трофимычъ принесъ на кухню обѣщаннаго зайчика. Онъ вырвался у Настеньки, игравшей съ нимъ, и побѣжалъ по комнатамъ. Она ловила его и не могла поймать. Спрятался въ столовой подъ столъ. Поднялась суматоха. Кюхля ползаль по полу длинноногой караморой, залѣзъ подъ скатерть, задѣлъ за ножку стола, едва не опрокинулъ, растянулся, а зайчикъ, перепрыгнувъ черезъ голову его, убѣжалъ въ гостиную и шмыгнулъ подъ Глашенькинъ подолъ. Она подобрала ножки и завизжала пронзительно. Въ суматохѣ свалилась шаль съ клѣтки; канарейки опять затрещали неистово, какъ будто стараясь перекричать и оглушить всѣхъ. Въ открытую форточку слышался воскресный благовѣстъ, какъ пѣснь о вѣчной свободѣ,—весенній, веселый звонъ разбитыхъ льдовъ.

«Милыя дѣти!—думалъ Голицынъ.—Кто знаетъ? Можетъ-быть, такъ и надо? Вѣчная свобода—вѣчное дѣтство?..»

Солнце кидало на полъ косые свѣтлые четырехугольники оконъ съ черною тѣнью, какъ будто тюремныхъ, рѣшетокъ. И ему казалось, что свобода—какъ солнце, а рабство—какъ тѣнь отъ рѣшетокъ: черезъ нее даже Настины дѣтскія ножки переступаютъ съ легкостью.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Рылѣевъ и Бестужевъ, сидя у камелька въ столовой, той самой, гдѣ происходили русскіе завтраки, разговаривали о дѣлахъ Тайнаго Общества.

Дрова въ камелькѣ трещали по-зимнему, и зимній вѣтеръ вылъ въ трубѣ. Изъ оконъ видно было, какъ на поворотѣ Мойки, у Синяго моста, срываетъ онъ шапки съ прохожихъ, вздуваетъ парусами юбки бабъ и закидываетъ воротники шинелей на головы чиновникамъ.

Первый ледоходъ, невскій, кончился, и начался второй, ладожскій. Задулъ сѣверо-восточный вѣтеръ; все, что растаяло,—замерзло опять; лужи подернулись хрупкими льдами; замжилась ледяная мжица, закурилась низкимъ бѣлымъ дымкомъ по землѣ, и наступила вторая зима, какъ будто весны не бывало.

Но все же была весна. Иногда рѣдѣли тучи; польньями сквозь нихъ голубѣло, зеленѣло, какъ ледъ, прозрачное небо; пригрѣвало солнце, таялъ снѣгъ; дымились крыши; мокрая, гладкія, лоснились лошадиныя спины, точно тюленьи. И уличная грязь сверкала вдали серебромъ ослѣпительнымъ. Все — надвое, и канарейки въ клѣткѣ чирикали на-двое: когда зима,—жалобно; когда весна,—весело.

— Никто ничего не дѣлаетъ,—говорилъ Рылѣевъ въ одномъ изъ тѣхъ припадковъ унынія, которые бывали у него часто и проходили такъ же внезапно, какъ наступали.—А вѣдь надо же что-нибудь дѣлать. Начинать пора...

— Да, пора начинать,—сказалъ Бестужевъ, потягиваясь и удерживая зѣвоту. Не выспался: сначала—карты въ клубѣ, потомъ—тройки въ Екатерингофѣ, и въ Желтомъ ка-

бачкѣ—всю ночь съ цыганками. Не о дѣлахъ бы теперь, а выпить съ похмелья да поразсказать о ночныхъ похожденияхъ.

Бестужевъ былъ добрый малый: въ самомъ дѣлѣ, добрый товарищъ, храбрый офицеръ и остроумный писатель, сотрудникъ «Полярной Звѣзды». Но въ заговоръ попалъ, какъ куръ во щи,—изъ мальчишескаго ухарства, байронства, подражанія Якубовичу; игралъ въ заговорщики, какъ дѣти играютъ въ разбойники. Но начиналъ понимать, что игра опасна; все чаще подумывалъ, какъ бы, не измѣняя слову, выйти изъ Общества; лѣтомъ женится въ Москвѣ и и уѣдетъ за границу.

«Теперь еще куда ни шло, буди воля Божья,— мечталъ наединѣ,—но, если женюсь, ни за что не останусь въ Обществѣ, хоть разславъ меня по всему свѣту, чѣмъ хочешь!» —

— Да, пора начинать!—повторилъ онъ съ особеннымъ жаромъ, подъ испытующимъ взоромъ Рылѣва, отвернулся, поправилъ щипцами огонь въ камелькѣ и торопливо, дѣловито прибавилъ:

— А Пестель, говорятъ, уже здѣсь...

— Пестель? Быть не можетъ! Чего же онъ прячется, глазъ не кажетъ?—удивился Рылѣвъ.

— Бойтся, что ли?—продолжалъ Бестужевъ.—Слѣдятъ за нимъ очень. У самого государя на примѣтѣ. Да и за нами, чай, слѣдятъ. Проходу нѣтъ отъ шпионовъ. Глиночка-то намедни, помнишь, говорилъ: «смотрите въ оба!» А вѣдь вотъ и Пестель начинаетъ торопить: въ южной арміи дѣла, будто, въ такомъ положеніи, что едва можно удерживать: довольно одной ротѣ взбунтоваться, чтобы само началось. Предлагаетъ намъ соединиться съ Южными....

— Было бы кому соединяться!—горько усмѣхнулся Рылѣвъ.

— Да, людей мало,—подтвердилъ Бестужевъ и съ тѣмъ же преувеличеннымъ жаромъ прочелъ стихи Рылѣва:

Всюду встрѣчи безотрадныя;
Ищешь, суетный, людей,—
А встрѣчаешь трупы хладныя
Иль безсмысленныхъ дѣтей.

— Да, трупы хладные. — вздохнулъ Рылѣвъ и опустилъ голову. — Ты что думаешь, Саша: другихъ обличаю, а самъ?.. Нѣтъ, братъ, знаю: и самъ — подлець! За жену, за дочку, за теплый уголь да за звучный стихъ отдамъ все, — всѣ свободы. А Якубовичъ, тотъ — за свою злобу, Каховскій — за свою славу, Пущинъ — за свою честность, Одоевскій — за свою шалость....

— А я?

— А ты — за картишки, за дѣвчонскъ, за аксельбанты флигель-адъютантскіе... Ну, да что говорить, всѣ хороши! Въ Писаніи-то, помнишь, сказано: никто же, возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ царствіе Божіе. А мы всѣ зримъ вспять. Щелкоперы, свистуны, фанфаронщики; наговоримъ съ три короба, а только цыкни — и хвостъ подожжемъ... Эхъ, Саша, Саша, знаешь, братъ?.. все мнѣ кажется: осраимся, въ лужу сядемъ, ничего у насъ не выгорить, ни чорта лысаго! Не по силамъ беремъ, руки коротки. Надѣлала синица славы, а моря не зажгла — правду говоритъ Пущинъ....

Положилъ руку на плечо Бестужева и произнесъ торжественно, съ тѣмъ невольнымъ актерствомъ, въ которое всѣ они впадали, какъ бы ни были искренни:

— И на твоёмъ челѣ, Александръ, я читаю противное благу Общества!

— Да ну же, полно, брось, говорятъ! Это вѣдь, душа моя, изъ «Разбойниковъ» Шиллера. И что на меня-то валять, съ больной головы на здоровую? Вы всѣ — мечтатели, а я — солдатъ: гожусь не разсуждать, а дѣйствовать. Начинать, такъ начинать. По мнѣ хоть сейчасъ! — съ тѣмъ же актерствомъ отвѣтилъ и Бестужевъ.

И не хотѣлъ, и зналъ, что не надо говорить, да само говорилось. Но если лгаль, то не совсѣмъ: какъ хорошему актеру, стоило ему вообразить, что онъ что-нибудь чувствуетъ, для того, чтобы, дѣйствительно, почувствовать; а иной разъ бывали чувства противоположныя, и онъ самъ тогда не зналъ, какое настоящее.

— Нѣтъ, сейчасъ нельзя,—началь Рылѣвъ уже другимъ, повеселѣвшимъ голосомъ: какъ всегда, облегчивъ сердце въ жалобѣ, ободрился.—Сейчасъ нельзя. А вотъ будущей весной, на майскомъ парадѣ или на петергофскомъ праздникѣ, лѣтомъ, что ли?.. Якубовича бы можно хотъ сейчасъ съ цѣпи спустить,—у него рука не дрогнетъ. Да боюсь: бѣды надѣлаетъ, сразу вооружить всѣхъ противъ Общества...

— Берегись, Рылѣвъ: твой Каховскій хуже Якубовича. Намедни опять въ Царское ѣздилъ...

— Врешь!

— Спроси самого... Государь нынче, говорятъ, все одинъ, безъ караула, въ паркѣ гуляетъ. Вотъ онъ его и выслѣживаетъ, охотится. Ну, долго ли до грѣха? Вѣдь ни за что пропадемъ... Образумилъ бы его хотъ ты, что ли?

— Образумишь, какъ же!—проговорилъ Рылѣвъ, пожимая плечами съ досадой.—Намедни влетѣлъ ко мнѣ, какъ полоумный, едва поздоровался, да съ перваго же слова—баць: «послушай, говоритъ, Рылѣвъ, я пришелъ тебѣ сказать, что рѣшилъ убить царя. Объяви Думѣ, пусть назначить срокъ...» Лежалъ я на софѣ, вскочилъ, какъ ошпаренный: «что ты, что ты, говорю, сумасшедшій! Вѣрно, хочешь погубить Общество...» И такъ, и сякъ. Куда тебѣ! Уперся, ничего не слушаетъ. Вынь да положь. Только ужъ подъ конецъ, сталъ я передъ нимъ на колѣни, взмолился: «пожалѣй, говорю, хотъ Наташу да Настеньку!» Ну, тутъ какъ будто задумался, притихъ, а потомъ заплакалъ, обнялъ меня: «ну, говоритъ, ладно, подожду еще немного...» Съ тѣмъ и ушелъ. Да на долго ли?

— Вотъ навязали себѣ чорта на шею!—проворчалъ Бестужевъ.—И кто онъ такой? Откуда взялся? Упалъ какъ снѣгъ на голову. Ужъ не шпионъ ли, право?..

— Ну, съ чего ты взялъ, какой шпионъ! Малый пречестный. Старой польской шляхты дворянинъ. И образованный: къ нѣмцамъ ѣздилъ учиться, въ гвардіи служилъ, французскій походъ сдѣлалъ, да за какую-то дерзость переведенъ въ армію и подалъ въ отставку. Имѣннице въ Смоленской губерніи. Въ картишки продулъ, въ пухъ разорился.

На греческое возстаніе собрался, въ Петербургъ пріѣхаль, да тутъ и застрялъ. Все до питки спустилъ, едва не умеръ съ голоду. Я ему кое-что одолжилъ и въ Общество принялъ...

Раздался звонокъ въ передней, голосъ Каховскаго и казачка Фильки:

— Дома баринъ?

— Дома, пожалуйста.

— Никакъ онъ?—прислушался Рылѣевъ.—Онъ и есть, легокъ на поминѣ...

Еще болѣе голодный, испитой, оборванный, чѣмъ въ день русскаго завтрака, вошелъ Каховскій и поздоровался, по обыкновенію, молча, свысока, двумя пальцами, какъ будто изъ милости. Присѣлъ къ огню; грѣлъ озябшія руки и сушилъ на каминной рѣшеткѣ свои рваные, облѣпленные грязью сапоги, рядомъ съ щегольскими, лакированными флигель-адъютантскими ботфортами Бестужева.

— Что, Петя, озябъ? Хочешь закусить?—прервалъ неловкое молчаніе Рылѣевъ.

Каховскій не отвѣтилъ, только сердито и болѣзненно, какъ отъ озноба, передернулъ плечами.

— Ъду завтра. Прощайте.

— Куда?

— Въ Смоленскъ.

— Съ чего ты вздумалъ?

— А что мнѣ тутъ съ вами? Какъ собака живу, голодаю, собираюсь, обносился весь, сапогъ вонъ купить не на что. А вы когда-то еще...

— Скоро, Петя, скоро. Только не отъ насъ вѣдь это зависить...

— Отъ кого же?

— Отъ Верховной Думы. Какъ она рѣшитъ...

— Невидимые Братья?

— Ну да, и они. Мы вѣдь съ тобою не болѣе, какъ рядовые въ Обществѣ, самъ знаешь.

— Ничего не знаю и знать не хочу! Наплевать мнѣ на Думу! Секреты какіе-то масонскіе. Невидимые Братья!

Людей только морочите, за носъ водите... Да чѣмъ я хуже вашихъ невидимыхъ Братьевъ, чортъ ихъ дери! Что отставной армеецъ, голоштанникъ, нищій, пролетарь,—такъ и чести нѣтъ, что ли? Да, пролетарь!—ударяя себѣ въ грудь, повторилъ онъ это новое словечко съ особенной гордостью,—пролетарь, а честью моей дорожу не менѣе вашихъ сопливыхъ дворянчиковъ, гвардейскихъ шаромыжниковъ, князьковъ да камеръ-юнкеровъ, придворной сволочи!

— Чего же ты ругаешься? Никто твоей чести не трогаетъ. А уходить вздумалъ, ну, и съ Богомъ, держать не будемъ, и безъ тебя много желающихъ. Ты вотъ все о чести, а найдутся люди, которые для блага общаго не только жизнью, но и честью пожертвуютъ...

— Кто жъ это? Кто?—поблѣднѣлъ и вскочилъ Каховскій, какъ ужаленный.—Ужъ не Якубовичъ ли?

— А хотя бы и онъ...

— Шутъ гороховый!

— Ты такъ завистливъ, душа моя, что осуждаешь все, чего самъ не можешь.

— Не могу—низости...

— Какая же низость?

— Мщенье оскорбленнаго безумца—низость, подлость! А подъ видомъ блага общаго—еще того подлѣе... Пойти убить царя не штука, — на это всякаго хватить. Но надо право имѣть, слышишь, право!

— Право на убійство?

— Не убійство тутъ, а другое... можетъ-быть, и хуже убійства, да совсѣмъ, совсѣмъ другое.. Только не понимаете вы... никто ничего не понимаетъ. О, Господи, Господи...

Вдругъ опустился на стулъ, закрылъ глаза, и лицо его помертвѣло.

— Что съ тобою, Петя? Нездоровится?

— Нѣтъ, ничего, пройдетъ. Голова кружится. Дай воды или стаканъ вина...

Какъ всегда передъ завтракомъ, въ столовой Рылѣева пахло чѣмъ-то вкуснымъ, жаренымъ. Каховскаго тошнило отъ голода и отъ этого запаха

Рылѣевъ догадался, сбѣгалъ на кухню, принесъ тарелку щей съ мясомъ и графинъ водки. Когда тотъ кончилъ ѣсть,—повелъ его въ кабинетъ.

— Послушай, Петя, ну, какъ тебѣ не стыдно: голодаешь, а денегъ не берешь, ну развѣ такъ друзья поступаютъ, а? Отперъ конторку.

— Если не хочешь обидѣть меня... вотъ тутъ, кажется, двѣсти...—совалъ ему въ руку синенькую пачку ассигнацій.

— Куда мнѣ столько?—отвертывался Каховскій; оттопыренная нижняя губа еще дрожала.—Хозяйкѣ бы только, да въ лавочку, да вотъ еще портному Яухци. Пристаешь жидъ проклятый, каждый день шляется, въ яму посадить грозитъ...

Портному Яухци заказанъ былъ военный мундиръ; по настоянію Рылѣева, Каховскій согласился поступить снова на службу и подалъ прошеніе въ Елецкій пѣхотный полкъ.

Наконецъ взялъ деньги, не считая, и торопливо, неловко сунулъ пачку въ боковой карманъ брюкъ, точно кисеть съ табакомъ.

— Мундиръ-то готовъ?—спросилъ Рылѣевъ.

— Готовъ.

— Ну, и ладно. Не къ лицу тебѣ фракъ: въ мундирѣ будешь виднѣе, и легче дѣйствовать... А насчетъ крестьянъ какъ же?—прибавилъ, подумавъ.—Продаль бы ихъ, что ли? По пятисотъ нынче за душу. Тринадцать-то душъ—деньги тоже, на улицѣ не валяются. Я бы тебѣ живо устроилъ: у меня и въ палатѣ заручка...

— Да нѣтъ, гдѣ ужъ... Заложены, процентовъ давно не платилъ, ужъ, чай, и просрочены,—солгалъ Каховскій и покраснѣлъ мучительно: не заложилъ, а проигралъ эти послѣднія тринадцать душъ родового наслѣдія въ карты какому-то шулеру на Лебединской ярмаркѣ.

— Ну, такъ, значить, миръ, Петя, голубчикъ, а? Не сердись?—сказалъ Рылѣевъ, пожимая ему руку и заглядывая въ лицо со своею милою, мальчишескою улыбкою.

Но тотъ все еще отвертывался, не смотрѣлъ ему въ глаза и думалъ: «гдѣ ужъ сердиться, коли деньги взялъ?» Каждый разъ, когда бралъ ихъ, испытывалъ такое чувство, какъ будто собственную душу свою чорту проигрывалъ.

— Не сержусь, Атя, нѣтъ... За что же?.. А только скверно, иной разъ такъ на душѣ скверно, что хоть пулю въ лобъ. Не могу я больше, не могу, мочи моей нѣтъ!..

— Ну, полно, полно,—видимо, о другомъ думая, утѣшалъ его Рылѣевъ:—вѣдь ужъ недолго теперь, потерпи какъ-нибудь... А въ Царское зачѣмъ ѣздишь?

— Въ Царское? Самъ знаешь... Эхъ, братъ, вѣдь только прицѣлиться. Въ десяти шагахъ. Одинъ одинѣшенекъ. Точно дразнить...

— Да вѣдь самъ говоришь: убить не штука, а надо, чтобы...

— Ну, да ужъ знаю, знаю. А только не могу больше... Господи! Господи! Когда же?

— Да говорю же—скоро. Ну вотъ, ей Богу, вотъ тебѣ крестъ!—перекрестился Рылѣевъ на образъ, точно такъ же, какъ наемни въ бесѣдѣ съ Голицынымъ.—Ты, ты одинъ—и больше никого! Такъ и знай. И Думу о томъ извѣстимъ, и срокъ назначимъ. Ты достоинъ... я же знаю, Петя милый, ты одинъ достоинъ

Въ глазахъ Каховскаго загорѣлось что-то, какъ блескъ отточенной стали. А Рылѣевъ смотрѣлъ на него, какъ точильщикъ, который пробуетъ ножъ: остеръ ли? — Да, остеръ.

Бестужевъ, при началѣ бесѣды, вышелъ въ гостиную, чтобы не мѣшать; потомъ, когда они ушли въ кабинетъ, вернулся въ столовую, присѣлъ къ огню, закурилъ было трубку, но уронилъ ее на полъ и задремалъ. Видѣлъ во снѣ, будто мечетъ банкъ, загребаютъ кучи золота, а цыганка Малярка сидитъ у него на колѣняхъ, щекочетъ, смѣется, путаетъ игру. Проснулся съ досадою, не кончивъ пріятнаго сна, когда вышли изъ кабинета Каховскій съ Рылѣевымъ. Рылѣевъ посмотрѣлъ на часы: ему надо было зайти въ правленіе Россійско-Американской Компаніи, передъ завтра-

комъ. Собрался и Бестужевъ, вспомнивъ о предстоящемъ визитѣ тетушкѣ-именинницѣ.

— Подвезти васъ, Каховскій?

— Благодарю, я привыкъ пѣшкомъ. Да и не по дорогѣ намъ.

Бестужевъ отвелъ его въ сторону, такъ чтобы Рылѣевъ не слышалъ.

— Прошу васъ, поѣдьте; мнѣ нужно съ вами поговорить о дѣлахъ Общества.

— Ну что жъ, поѣдемъ,—сказалъ Каховскій, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ: они другъ друга не долюбливали и о дѣлахъ никогда не говорили.

Вышли вмѣстѣ. Каховскій надѣлъ широкополую, черную, карбонарскую шляпу и странный, легкій, точно лѣтній, плащъ-альмавиву, сдѣлавшись въ этомъ нарядѣ еще болѣе похожъ не то на театральнаго разбойника, не то на фортепіаннаго настройщика.

У подъѣзда ждала флигель-адъютантская коляска Бестужева, щегольская, англійская, на высокомъ ходу; кучеръ лихой, въ шляпѣ съ павлиньими перьями; пристяжная лебедкою. Двоимъ тѣсно; Бестужевъ сѣлъ бокомъ, неловко: «гвардейскій шаромыжникъ» уступалъ мѣсто «пролетару» съ почтительной любезностью. Попросилъ позволенія завезти корректуры «Полярной Звѣзды» въ типографію.

Выглянуло солнце, но подъ нимъ—еще пустыньѣ, однообразнѣе однообразная пустынность улицъ, широкихъ какъ площади, съ рядами сѣренъкихъ, низенькихъ, точно къ землѣ приплюснутыхъ домиковъ, да пожарной каланчой, одиноко кое-гдѣ торчащею; и блѣдно-желтая подъ блѣднозеленымъ небомъ, унылая охра казенныхъ домовъ еще унылѣе.

Выѣхали на Невскій. Отъ Полицейскаго моста до Аничкина насаженъ бульваръ изъ липокъ, по приказу императора Павла, въ тридцать дней, среди лютой зимы, такъ что приходилось рубить ямы топорами и разводить въ нихъ костры, чтобы оттаять мерзлую землю. Теперь подъ ледоходнымъ вѣтромъ эти чахлая липки, зябко дрожавшія голыми сучьями, похожи были на больныхъ дѣтей и, казалось, никогда

не распустятся. Но уже весеннее гулянье началось на бульварѣ. Проходили военные въ треуголкахъ съ пѣтушьими перьями, чиновники во фризovýchъ шинеляхъ, купцы въ длиннополыхъ сибиркахъ, и у Гостиного двора изъ каретъ ливрейные лакеи высаживали дамъ въ русскихъ мѣховыхъ салопахъ и парижскихъ яркихъ, какъ цвѣты, весеннихъ шляпкахъ. Проносились барскія шестерки цугомъ съ нескончаемымъ «и-и-и!»—сокращеннымъ «поди!», которое тянули тончайшимъ дискантомъ мальчишки-форейторы. На почтовой телѣжкѣ фельдъегерь скакалъ, сломя голову, и дребезжа, и подпрыгивая по булыжнымъ арбузамъ, плелись извозчичьи дрожки-гитары, на которыхъ сидѣли верхомъ, какъ на сѣдлахъ, держа кучера за поясъ, а на спинѣ у него болталась жестяная бляха съ номеромъ. Передъ взводомъ марширующихъ солдатъ играла военная музыка.

И въ однообразіи движущихся войскъ, въ однообразіи бѣлыхъ колоннъ на желтыхъ фасадахъ казенныхъ домовъ вѣялъ духъ того, кто сказалъ: «я люблю единообразіе во всемъ». Казалось, весь этотъ городъ—большая казарма или плацъ-парадъ, гдѣ подъ бой барабана вытянулось все во фронтъ, затаило дыханіе и замерло.

Бестужевъ что-то говорилъ Каховскому, но тотъ не слушалъ, глядѣлъ на толпу и думалъ: вотъ, никто въ этой толпѣ не знаетъ о немъ; но близокъ часъ, когда всѣ эти люди, вся Россія, весь міръ узнаетъ и содрогнется отъ ужаса, отъ величія того, что онъ совершитъ.

— Пришлю вамъ статейку, прочтите...

— Какую статейку?

— Да мою же: «Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 года»...

Бестужевъ говорилъ о своей статьѣ, о своей лошади, о своей тетушкѣ, о своей цыганкѣ съ такимъ веселымъ видомъ, какъ будто не могло быть сомнѣнія, что это для всѣхъ занимательно.

— Впрочемъ, литература—только ничтожная страничка жизни моей... Я, какъ Шенье у гильотины, могу сказать,

ударяя себя по лбу: «тутъ что-то было!» Мое нервозное сложеніе—олова арфа, на которой играетъ буря...

Это сказала онъ однажды о Байронѣ и потомъ сталъ повторять о себѣ.

Каховскій посмотрѣлъ на него угрюмо:

— Вы, кажется, хотѣли говорить со мной о дѣлахъ?

— Да, да, о дѣлахъ, какъ же! Но не совсѣмъ удобно, знаете, на улицѣ?.. Кучеръ можетъ услышать. За нами очень слѣдятъ. Я не увѣренъ даже въ собственныхъ людяхъ,—прибавилъ онъ по-французски.—А вотъ если бы вы позволили къ вамъ на минутку?..

— Милости просимъ,—отвѣтилъ Каховскій сухо.

Заѣхавъ по дорогѣ въ Милютины ряды, Бестужевъ накупилъ закусокъ и шампанскаго. Каховскій не спрашивалъ, зачѣмъ: всю дорогу молчалъ, насупившись.

Жилъ въ Коломнѣ, въ домѣ Энгельгардта, въ отдѣльномъ ветхомъ, покосившемся, деревянномъ флигелѣ.

Крутая, темная, пахнувшая кошками и помоями лѣстница. Бестужевъ долженъ былъ наклониться, снять киверъ съ бѣлымъ султаномъ, чтобы не запачкаться, проходя подъ сушившимся на веревкѣ кухоннымъ тряпьемъ. Двѣ старухи, выскочивъ на лѣстницу, ругались изъ-за пропавшей селедки, и одна другой тыкала въ лицо ржавымъ селедочнымъ хвостикомъ. Тутъ же изъ-за двери выглядывала простоволосая, нарумяненная, съ гитарою въ рукахъ, дѣвица, а вдали осипшій басъ пѣлъ излюбленную канцеляристами пѣсенку:

Безъ тебя, моя Глафира,
Безъ тебя, какъ безъ души.
Никакія царства міра
Для меня не хороши.

Комната Каховскаго, на самомъ верху, на антресоляхъ, напоминала чердакъ. Должно-быть, гдѣ-то внизу была кузница, потому что оклеенная голубенькой бумажкой, съ пятнами сырости, дощатыя стѣнки содрогались иногда отъ оглушительныхъ ударовъ молота. На столѣ, между Плутархомъ и Титомъ Ливіемъ во французскомъ переводѣ XVIII

вѣка,—стояла тарелка съ обглоданной костью и недоѣденнымъ соленымъ огурцовъ. Вмѣсто кровати—походная койка, офицерская шинель—вмѣсто одѣяла, красная подушка безъ наволочки. На стѣнѣ—маленькое мѣдное распятіе и портретъ юнаго Занда, убійцы русскаго шпіона Коцебу; подь стекломъ портрета—засохшій, вѣрно, могильный, цвѣтокъ, лоскутокъ, омоченный въ крови казненнаго, и надпись рукою Каховскаго, четыре стиха изъ пушкинскаго Кинжала:

О, юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ! твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался слѣдъ въ казненномъ прахѣ.

Войдя въ комнату, онъ сдѣлался еще угрюмѣе,—должно-быть, стыдился своей нищеты. Сѣлъ на койку и предложилъ гостю единственный стулъ. Оба молчали. Бестужевъ держалъ на колѣняхъ кулекъ съ виномъ и закусками, не зная, куда его дѣвать; наконецъ положилъ подь столъ.

— Послушайте, Каховскій,—началъ онъ вдругъ, торопясь и тоже, видимо, стѣсняясь,—вамъ Рылѣевъ ничего не говорилъ о Думѣ?

— Ничего.

Не понимаю, право, что онъ таится? Такому человѣку, какъ вы, можно бы открыть все... Никакой, впрочемъ, Думы и нѣтъ, вся она—въ одномъ Рылѣевѣ...

— А какъ же Трубецкой, Пушинъ, Одоевскій?—спросилъ Каховскій, притворяясь равнодушнымъ, а на самомъ дѣлѣ съ жаднымъ любопытствомъ ожидая отвѣта Бестужева.

— Пѣшки въ рукахъ Рылѣева; онъ беретъ все на себя и объявляетъ мнѣнія свои волею диктатора; обманываетъ всѣхъ и себя самого. Революція—точка его помѣшательства. Недурной человѣкъ, но весь въ воображеніи, въ мечтахъ, ну, словомъ, поэтъ, сочинитель, какъ и всѣ мы, грѣшные. Годится только для заварки кашъ, а расхлебывать приходится другимъ...

Помолчалъ и прибавилъ:

— Ну такъ вотъ, я счелъ своимъ долгомъ васъ предостеречь. Ни обманывать, ни въ западни ловить я никого не желаю? Пусть онъ, а я не желаю. Надобно, чтобы всякій зналъ, что дѣлаетъ и на что идетъ... Не говорилъ ли онъ вамъ, что царубійство не должно быть связано съ Обществомъ?

— Говорилъ.

— Ну, такъ въ этомъ вся штука. Онъ приготовляетъ васъ быть ножомъ въ его рукахъ: нанесетъ ударъ и сломаетъ ножъ. Вы—лицо отверженное, низкое орудіе убійства, жертва обреченная... Впрочемъ, всѣ эти Невидимые Братья...

— Онъ изъ нихъ?

— Изъ нихъ. Ну, такъ эти господа, говорю я, всѣ таковы: чужими руками жаръ загребаютъ... Такъ же вотъ и съ вами: кровь падетъ на вашу голову, а они умоютъ руки и васъ же первые выдадутъ. Якубовича, того берегутъ для украшенія Общества: кавказскій герой. Ну, а вы... Рылѣевъ полагаетъ, что вы у него на жалованьи—деньги берете... наемный убійца...

— Я... я... Рылѣевъ... деньги... не можетъ быть!—пролепеталъ Каховскій, блѣднѣя.

— Да неужто вы сами не видите? А я-то, признаться, думалъ...—началъ Бестужевъ, но не кончилъ, взглянувъ на собесѣдника. Тотъ закрылъ лицо руками и долго сидѣлъ такъ, не двигаясь, молча. Снизу доносились удары кузнечнаго молота, и ему казалось, что это удары его собственнаго сердца.

Вдругъ вскочилъ, съ горящими глазами, съ перекошеннымъ отъ ярости лицомъ.

— Если я ножъ въ рукахъ его, то онъ же самъ объ этотъ ножъ уколется! Скажите это ему...

Схватился за голову и забѣгалъ по комнатѣ.

— Я чести моей не продамъ такъ дешево! Никому не лягу ступенькой подъ ноги... Я имъ всѣмъ, всѣмъ... О, мерзавцы! мерзавцы! мерзавцы!

Опять въ изнеможеніи опустился на койку.

— Что же это такое, Бестужевъ?.. А я-то вѣрилъ, дуракъ... не видѣлъ преступленія для блага общаго, ду-

малъ—добро для добра, безъ возмездія... пока не остано-
вится біеніе сердца моего,—отечество дороже мнѣ всѣхъ
благъ земныхъ и самого неба...

Отчаянно взмахнулъ руками надъ головой, какъ уто-
пающій.

— Отдалъ все—и жизнь, и счастье, и совѣсть, и честь..
А они... Господи, Господи!.. Не за себя оскорбленъ я
Бестужевъ, пойми же, а за все человѣчество... Какая ни-
зость, какая грязь—въ человѣкѣ, сынѣ небесъ!..

Говорилъ напыщенно, книжно, какъ будто фальшиво
а на самомъ дѣлѣ искренно.

Бестужевъ развязалъ кулекъ, вынулъ вино и закуски
вертя въ рукахъ бутылку, искалъ глазами штопора. Не
нашелъ; отбилъ горлышко; налилъ въ пивной стаканъ и
въ глиняную кружку съ умывальника.

— Ну, полно, мой милый, полно,—сказалъ, потрепавъ
его по плечу уже съ развязностью. — Дастъ Богъ, переме-
лется—мука будетъ... А вотъ лучше подумаемъ вмѣстѣ, что
дѣлать... Да выпьемъ-ка сначала, это прочищаетъ мысли.

Выпилъ, подумалъ и снова налилъ.

— А знаете что?—проговорилъ такъ, какъ будто это
пришло ему въ голову только что:—уничтожить бы Общество
да начать все сызнова; вы будете главнымъ директоромъ,
а я вамъ людей подберу. Хотите?

Не создать новое, а уничтожить старое,—такова была
его тайная мысль; и такъ же, какъ Рылѣевъ, думалъ онъ
сдѣлать Каховскаго своимъ орудіемъ. Но тотъ ничего не по-
нималъ и почти не слушалъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Не надо,—сказалъ, махнувъ рукою.—
Никого не надо. Я одинъ. Если нѣтъ никого, нѣтъ Обще-
ства,—я одинъ за всѣхъ. Пойду и совершу. Такъ надо...
Все равно, будь что будетъ. Теперь уже никто не остано-
вить меня. Такъ надо, надо.... я знаю... я одинъ....

Говорилъ, какъ въ бреду; пилъ съ жадностью стаканъ
за стаканомъ; съ непривычки быстро хмелѣлъ. Бестужевъ
предложилъ ему выпить на ты. Выпили, поцѣловались;
еще выпили, еще поцѣловались.

— Знаешь, Бестужевъ?—вдругъ началъ Каховскій, уже безъ гнѣва, съ неожиданно ясной и кроткой улыбкой.— Можетъ-быть, и къ лучшему все? Я сирота въ этомъ мѣрѣ. Ни друзей, ни родныхъ. Всегда одинъ. Отъ самаго рожденія печать рока на мнѣ. Обреченный, отверженный.... Ну, что жъ? Видно, быть такъ. Одинъ, одинъ за всѣхъ! Не нужно мнѣ ничего—ни счастья, ни славы, ни даже свободы. Я и въ цѣляхъ буду вѣчно свободенъ. Силенъ и свободенъ тотъ, кто позналъ въ себѣ силу чѣловѣчества! Умереть на плахѣ или въ самую минуту блаженства—не все ли равно? О, если бы ты зналъ, Александръ, какая радость въ душѣ моей, какое спокойствіе, когда я это чувствую, какъ вотъ сейчасъ!

«Экъ его, Шиллера, куда занесло!» думалъ Бестужевъ съ досадою. Понялъ, что дѣловаго разговора не будетъ: поплачетъ, подуется, а кончитъ все-таки тѣмъ, что вернется къ Рылѣву: самъ чортъ, видно связалъ ихъ веревочкой.

Долго еще бесѣдовали, но уже почти не слушали другъ друга и не замѣчали, что говорятъ о разномъ.

— Безъ женщинъ, mon cher, не стоило бы жить на свѣтѣ!—воскликнулъ Бестужевъ, послѣ второй бутылки, а послѣ третьей выразилъ желаніе «потонуть въ пламени любви и землекрушенія». Послѣ четвертой Каховскій рассказывалъ, какъ рвалъ цвѣты и плакалъ на могилѣ Занда, а Бестужевъ восклицалъ, подражая Наполеону-Якубовичу: «моя душа изъ гранита,—ея не разрушить и молнія». И уже слегка заплетающимся языкомъ продолжалъ рассказывать о своихъ любовныхъ побѣдахъ:

— На постояхъ у польскихъ пановъ волочились мы за красавицами. Что за жизнь! Пьянствуемъ и отрезвляемся шампанскимъ. Vogue la galère! Цымбалы гремятъ, дѣвки пляшутъ. Чудо! Да, ты, Петька, монахъ, мизантропъ? Еще, пожалуй, осудишь?... Но что же дѣлать, братъ? Натура меня одарила не кровью, а лавой огнедышащей. Бѣшенная страсть моя женщинъ палитъ, какъ солому. Повѣришь ли, въ Черныхъ Грязяхъ дамы чуть не изнасиловали. Стоило свистнуть, чтобъ имѣть цѣлую дюжину... Я,

впрочемъ, всегда презираль то, что называется свѣтомъ, потому что давно знаю, какъ легко его озадачить; я не созданъ для свѣта; сердце мое—океанъ, задавленный тяжелой мглой...

Бестужевъ говорилъ еще долго. Но Каховскій опять замолчалъ и нахохлился: чувствовалъ, что слишкомъ много выпито и сказано; мутило его не то отъ вина, не то отъ рѣчей новаго друга; казалось, что это отъ нихъ, а не отъ лимбургскаго сыра такой скверный запахъ.

Бестужевъ вспомнилъ, наконецъ, о своей тетушкѣ-имениницѣ.

— Еще, пожалуй, разсердится старая вѣдьма, если не приду поздравить, а сердить ее нельзя: къ моему старикашкѣ имѣеть протекційку...

Старикашка былъ герцогъ Виртенбергскій, у котораго онъ служилъ во флигель-адъютантахъ.

— А старая вѣдьма съ протекційкой иной разъ лучше молоденькихъ?—усмѣхнулся Каховскій уже съ нескрываемой брезгливостью, но Бестужевъ не замѣтилъ.

— Протекціей, топ шег, ни въ какомъ случаѣ брезгать не слѣдуетъ: это и у насъ въ правилахъ Тайнаго Общества..

Полѣзь цѣловаться на прощаніе.

«И какъ я могъ открыть сердце этому шалопаю?» подумалъ Каховскій съ отвращеніемъ.

Когда гость ушелъ,—открылъ форточку и выбросилъ недоѣденный лимбургскій сыръ. Смотрѣлъ въ окно черезъ заборъ на знакомыя лавочныя вывѣски: «Продажа разныхъ мукъ», «Портной Иванъ Доброхотовъ изъ иностранцевъ». Со двора доносились унылые крики разносчиковъ:

— Халать! Халать!

— Точи, точи ножикн!

А внизу, на лѣстницѣ—гитара:

Безъ тебя, моя Глафира,
Безъ тебя, какъ безъ души...

И опять:

— Точи, точи ножикн!

— Халать! Халать!

Отошелъ отъ окна и повалился на койку; голова кружилась; кузнечные молоты стучали въ вискахъ; тошнота—тоска смертная. Вся жизнь, какъ скверно пахнущій лимбургскій сыръ.

Досталъ изъ-подъ койки ящикъ, вынулъ изъ него пару пистолетовъ, дорогихъ, англійскихъ, новѣйшей системы—единственную роскошь нищенскаго хозяйства—осмотрѣлъ ихъ, вытеръ замшевой тряпочкой. Зарядилъ, взвелъ курокъ и приложилъ дуло къ виску: чистый холодъ стали былъ отраденъ, какъ холодъ воды, смывающей съ тѣла знойную пыль.

Опять уложилъ пистолеты, надѣлъ плащъ-альмавиву, взялъ ящикъ, спустился по лѣстницѣ, вышелъ на дворъ; проходя мимо ребятишекъ, игравшихъ у дворницкой въ свайку, кликнулъ одного изъ нихъ, своего тезку, Петьку. Тотъ побѣжалъ за нимъ охотно, будто зналъ, куда и зачѣмъ. Дворъ кончался дровянымъ складомъ; за нимъ — огороды, пустыри и заброшенный кирпичный сарай.

Вошли въ него и заперли дверь на ключъ. На полу стояли корзины съ пустыми бутылками. Каховскій положилъ доску двумя концами на двѣ сложенные изъ кирпичей горки, поставилъ на доску тринадцать бутылокъ въ рядъ, вынулъ пистолеты, прицѣлился, выстрѣлилъ и попалъ такъ мѣтко, что разбилъ вдребезги одну бутылку крайнюю, не задѣвъ сосѣдней въ ряду; потомъ вторую, третью, четвертую—и такъ всѣ тринадцать, по очереди. Пока онъ стрѣлялъ, Петька заряжалъ, и выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ, почти безъ перерыва.

Прошенталъ послѣ первой бутылки.

— Александръ Павловичъ.

Послѣ второй:

— Константинъ Павловичъ.

Послѣ третьей:

— Михаилъ Павловичъ.

И такъ—всѣ имена по порядку . . . . .

Дойдя до императрицы Елизаветы Алексѣевны, прицѣлился, но не выстрѣлилъ, опустилъ пистолетъ—задумался.

Вспомнилъ, какъ однажды, встрѣтилъ ее на улицѣ: коляска ѣхала шагомъ; онъ одинъ шелъ по пустынной Дворцовой набережной и увидѣлъ государыню почти лицомъ къ лицу; не ожидая поклона, первая, склонила она усталымъ и привычнымъ движеніемъ свою прекрасную голову съ блѣднымъ лицомъ подъ черною вуалью. Какъ это бываетъ иногда въ такихъ мимолетныхъ встрѣчахъ незнакомыхъ людей, быстрый взглядъ, которымъ они обмѣнялись, былъ ясно-видящимъ. «Какіе жалкіе глаза!» подумалъ онъ, и вдругъ почудилось ему, что почти то же, почти тѣми же словами и она подумала о немъ: какъ будто двѣ судьбы стремились отъ вѣчности, чтобы соприкоснуться въ одномъ этомъ взглядѣ мгновенномъ, какъ молнія, и потомъ разойтись опять въ вѣчности.

Не тронувъ «Елизаветы Алексѣевны», онъ выстрѣлилъ въ слѣдующую, по очереди, бутылку.

Когда разстрѣлялъ всѣ тринадцать, кромѣ одной, поставилъ новыя. И опять:

- Александръ Павловичъ.
- Константинъ Павловичъ.
- Михаилъ Павловичъ...

Стекла сыпались на полъ съ пѣвучими звонами, веселыми, какъ дѣтскій смѣхъ. Въ бѣломъ дыму, освѣщаемомъ красными огнями выстрѣловъ, черный, длинный, тощій, онъ былъ похожъ на привидѣніе.

И маленькому Петькѣ весело было смотрѣть, какъ Петька большой мѣтко попадаетъ въ цѣль — ни разу не промахнется. На лицахъ обоихъ—одна и та же улыбка.

И долго еще длилась эта невинная забава—бутылочный разстрѣлъ.

ПРИМЪЧАНІЕ.

—

ПАВЕЛЪ I.

Драма «Павель I» была впервые напечатана въ журналѣ «Русская мысль» за 1908 годъ, № 2 (стр. 1—70). Въ отдѣльномъ изданіи (Пирожкова) драма появилась въ 1908 году. Въ полномъ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго, изданномъ товариществомъ М. О. Вольфъ въ 1912 году, драма помѣщена въ т. XV.

За пзданіе драмы «Павель I» къ М. В. Пирожкову было предъявлено обвиненіе по 128 ст. уголовного уложенія. Дѣло слушалось 6 апрѣля 1912 года въ особомъ присутствіи Спб. судебной палаты, при участіи сословныхъ представителей. Обвиненіе предъявлено было и къ автору, но, за нерозыскомъ его, дѣло о немъ было выѣлено. По открытіи засѣданія одинъ изъ защитниковъ М. В. Пирожкова, прис. пов. П. М. Могилянской, обратился къ суду съ одатайствомъ объ оглашеніи полученнаго имъ изъ Парижа отъ Д. С. Мережковскаго письма, а также о допросѣ свидѣтелей. Съ своей стороны, предсѣдательствующій огласилъ полученную имъ отъ Д. С. Мережковскаго изъ Парижа телеграмму слѣдующаго содержанія: «Узнавъ о привлеченіи моемъ суду, заявляю, что по болѣзни пріѣхать не могу. Какъ только позволитъ здоровье, явлюсь въ Петербургъ къ судебному слѣдователю». Послѣ краткаго совѣщанія, палата постановила не считать Д. С. Мережковскаго уклоняющимся отъ суда, публикацію о розыскѣ его уничтожить и дѣло въ отношеніи обоихъ подсудимыхъ отложить, возвративъ его прокурору для новаго направленія.

Вторично дѣло разсматривалось 18 сентября 1912 г. Въ особомъ присутствіи Спб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось, подъ предсѣдательствомъ сен. Крашени-

никова, дѣло по обвиненію Д. С. Мережковскаго и книгоиздателя М. В. Пирожкова въ дерзостномъ неуваженіи къ Верховной власти. Обвиненіе по 128 ст. уг. ул. предъявлено было къ Д. С. Мережковскому, какъ къ автору, а къ Пирожкову, какъ къ издателю драмы «Павель I». Дѣло слушалось при открытыхъ дверяхъ при чемъ, по обвинительному акту, дерзостное неуваженіе усмотрѣно было прокурорской властью въ двухъ случаяхъ. Во-первыхъ въ слѣдующихъ словахъ, вложенныхъ Д. С. Мережковскимъ въ уста императора Александра I:—«Нѣсть бо власти еще не от Бога. Это намъ попъ говорилъ давеча въ церкви, когда присягали Ну, а если государь сумасшедшій,—власть тоже отъ Бога? Сумасшедшій съ бритвой... И бритва отъ Бога? Хищный звѣрь, что вырвался изъ клѣтки... И царство звѣря — царство Божіе?.. Да да, власть отъ Бога, — а знаешь, Лизанька, вѣдь тутъ что-то неладно. А ну, какъ не отъ Бога власть самодержавная? Ну, какъ тутъ мѣсто проклятое,—станешь на него и провалишься. Провалились всѣ до меня, и я проваляюсь... Тутъ, говорю, чортъ къ Богу близко, близехонько... Бога съ чортомъ спутали такъ, что и не распутаешь...» Во-вторыхъ, подсудимымъ инкриминировался слѣдующій разговоръ между заговорщиками гр. Паленомъ, Тетариновымъ и Скарятинимъ:—«Ну, слушайте, не разбивши яицъ не сдѣлаешь яичницы...»—«Что это значитъ?»—«Яйца—головы царскія, а яичница—революція, что ли?»

Послѣ оглашенія обвинительнаго акта защитникъ Д. С. Мережковскаго, прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ, въ дополненіе къ приобщеннымъ ранѣе къ дѣлу для доказательства исторической подлинности инкриминируемыхъ выраженій историческимъ трудамъ просилъ приобщить только что вышедшій изъ печати трудъ великаго князя Николая Михайловича: «Императоръ Александръ I изъ котораго палата усмотритъ, что въ то время, когда великіи князь считаетъ императора Александра I сознательнымъ участникомъ насилія, совершеннаго надъ его отцомъ, Д. С. Мережковскій отстаиваетъ другой взглядъ на него. Несмотря на протестъ товарища прокурора Устимовича, особое присутствіе удовлетворил ходатайство защиты, и тогда представитель обвиненія просилъ палату, на основаніи 1054 ст. уст. уг. суд., закрыть двери засѣданія. Защита протестовала, и особое присутствіе, за неуказаніемъ представителемъ обвиненія мотивовъ и оснований къ удовлетворенію его просьбы, постановило продолжать слушаніе при открытыхъ дверяхъ. Въ виду признанія подсудимыми факта рапространенія книги, допроса свидѣтелей не производилось, и особое присутствіе перешло непосредственно къ преніямъ сторонъ. Товарищъ прокурора Устимовичъ, указывая, что теперь дѣйствительно наступило уже время для выясненія полной исторической

равды о событіи 12 марта 1801 года, отмѣчаетъ, прежде всего, а особыхъ достоинства труда «талантливаго и вдумчиваго писателя Д. С. Мережковскаго». Это, прежде всего, вѣрность исторической правды, доходящая до того, что въ уста дѣйствующих лицъ почти всегда вложены ихъ подлинныя слова, сказанныя имъ въ свое время, а во-вторыхъ—отсутствіе политической тенденціи и почти полное безпристрастіе, заставляющее писателя однократно отмѣчать какъ отрицательныя, такъ и положительныя стороны своихъ героевъ. Находя, что этотъ «духъ исканія правды» убого свойствененъ «философскому таланту» Д. С. Мережковскаго, обвинитель отмѣчаетъ, что писатель не идетъ по слѣдамъ историковъ, «позволяющихъ себѣ различныя выходки по адресу императора Александра I», а относится къ его памяти бережно и осторожно. Отмѣчая далѣе, что въ «Павлѣ I» выявлена характерная вообще для міросозерцанія писателя мистическая идея борьбы божественнаго начала съ сатанинскимъ, товарищъ прокурора Устиновичъ находитъ, что «въ общемъ, намѣренія оскорбительно или дерзостно отнестись къ Верховной власти въ сочиненіи не заключаются. И отдѣльныя рѣзкія мѣста тонуть въ общей идеѣ произведенія». Но, вмѣстѣ съ симъ, обвинитель полагаетъ, что если эти отдѣльныя мѣста разсматривать независимо отъ философскаго смысла всей драмы, то необходимо будетъ признать ихъ недопустимую рѣзкость, «усугубленную къ тому же ихъ сжатостью». Въ виду этого, товарищъ прокурора поддерживалъ обвиненіе противъ юныхъ подсудимыхъ.

Защитникъ Д. С. Мережковскаго, прис. пов. М. Л. Гольдгейнъ, доказывалъ, что составъ преступленія въ данномъ случаѣ существуетъ, такъ какъ инкриминируемыя выраженія—историческая равда въ частности и великій князь Николай Михайловичъ присылаетъ тѣ же слова гр. Палену, главѣ заговорщиковъ. Но если и эти слова и не были историческими, состава преступленія все-таки въ нихъ нѣтъ, ибо нельзя же требовать, чтобы убійцы уважительно отзывались о своихъ жертвахъ. И, во всякомъ случаѣ, инкриминировать эту фразу Д. С. Мережковскому нельзя, ибо, спорно, у него не могло быть признанія ея преступности. Что касается фразы: «Нѣтъ власти еще не отъ Бога» и т. д., выражающей сомнѣніе въ божественной природѣ власти сумасшедшаго монарха, то и наши основные законы въ ст. 46 признаютъ безумнаго сударя неспособнымъ къ управленію. Между тѣмъ и великій князь Николай Михайловичъ, и ген. Шильдеръ, и другіе истопки признаютъ имп. Павла I безумнымъ. И если вникнуть въ эту мысль произведенія, въ мысль о вѣчной борьбѣ между добомъ и землею, между Богомъ и дьяволомъ, вкладываемую авторомъ и въ Александра I, то не ясно ли будетъ, что Д. С. Мереж-

ковскій адѣсь находится въ полномъ согласіи и съ народнымъ творчествомъ, создавшимъ на этой почвѣ легенду о Федорѣ Кузьмичѣ пошедшемъ замаливать грѣховность власти. Всѣ историки избегаютъ Александра I «Гамлетомъ на русскомъ престолѣ», но то время, какъ всѣ они основу душевнаго разлада видятъ въ прекосновенности его къ убійству Павла I, Мережковскій первонастанываетъ на мистически религіозномъ разладѣ, на мученіи межъ свѣтлымъ и темнымъ—Сперанскимъ и Аракчеевымъ... Мережковскій—одинъ—отдалъ на служеніе этой идеѣ свой талантъ и свои знанія, и его-то теперь обвиняютъ по 128 ст. уг. ул. Защитни М. В. Пирожкова, прис. пов. П. М. Могилянскій, доказываетъ полное и глубокое соотвѣтствіе духа, проникающаго произведенію Мережковскаго, ученію христіанства.

Д. С. Мережковскій въ послѣднемъ словѣ говоритъ, что такъ какъ нельзя Достоевскаго судить за сужденія Раскольникова, такъ нельзя считать Библию атеистичной на основаніи того, что *«слова Давида есть фраза «Нѣтъ Бога», точно такъ же и вообще нельзя приписывать автору чувствъ и мыслей его героевъ,—а тѣмъ болѣе въ драмѣ, гдѣ мысли автора скрыты болѣе, чѣмъ гдѣ-либо»*. Какъ судить, кому сочувствуетъ Шекспиръ въ «Юліи Цезарѣ» Бруту или Цезарю! Сочувствіе художника—это его тайна, мнѣ незачѣмъ скрывать мои тайны. Я полюбилъ героя—Александра I, полюбилъ за его челоѣчность, за его страданія, за его религіозность, за то, что онъ, по-моему, обиженъ и оклеветанъ, за то, наконецъ, что во имя христіанскаго идеала онъ отрицалъ неограниченную власть.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія особое присутствіе признало обонхъ подсудимыхъ оправданными и постановило аресты наложенныя на книгу, снять.